

ЦАМУТАЛИ.

**СОЧИНЕНІЯ
КАРАМЗИНА.**

=

v.

ИРАТУМАИ

ИРИЗНИРОО

АНАМАЧА

ЦАМУТАЛИ.

459.

СОЧИНЕНІЯ
КАРАМЗИНА.

ТОМЪ ПЯТЫЙ.

Изданіе четвертое.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АЛЕКСАНДРА СМІРДИНА.

1834.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чшобы по оппечатаиіи предспавлены были
въ Ценсурный Комишешъ при экземплара.

С.-Пешербургъ, 7 Іюня 1834 года.

Ценсоръ А. Никитенко.

Издание книгопродавца Смирдина.

СОЧИНЕНІЯ КАРАМЗИНА.

Парижъ, Мая. . . .

13 Мая, въ день Вознесенья, ходилъ я въ деревеньку Сюрень, лежащую въ двухъ миляхъ отъ Парижа на берегу Сены. Мнѣ сказали, что шамъ съ великою торжественностію будутъ короновать розами осьмнадцатилѣтнюю добродѣтельную дѣвушку; но какая горесль! нынѣшній годъ не было праздника — la fête de la Rosiere. Опель-де-Виль, или Городской Приказъ, не заплашилъ процензовъ съ капишала, положеннаго какимъ-то Гм. Эліомомъ для награжденія сельской невинности, хошя на эпо требовалось не болѣе 300 ливровъ. Приходскому священнику надлежало послѣ вечерни объявить имена трехъ достойнѣйшихъ Сюренскихъ дѣвушекъ; деревенскіе старшины выбрали изъ нихъ одну, украшали цвѣтами, хвалили ея добродѣтель, водили по деревнѣ и пѣли хоромъ:

Томъ V.

Безъ награды добродѣтель
Не бываетъ никогда;
Ей въ подсолнечной свидѣтель
Богъ и совѣсть завсегда.
Люди также примѣчаютъ,
Кто похвально жизнь ведетъ;
За невинность увѣчаютъ
Дѣвушку въ осьмнадцать лѣтъ * . . .

Парижскія дамы всегда любопытствовали видѣть невинность такъ близко отъ Парижа, брали участіе въ веселіи Сюренскихъ поселянъ и не стыдились танцовать съ ними по-деревенски. — Я обѣдалъ въ шракширѣ съ нарядными земледѣльцами, копорые пошчивали меня своимъ краснымъ виномъ, увѣряя, что Сюренской виноградъ и Сюренскіе нравы славны во всемъ околоскѣ. Одинъ изъ нихъ, съ гордымъ видомъ выправляя свои бѣлыя, длинныя манжеты, сказывалъ мнѣ, что всѣ три дочери его были увѣчаны розами, и всѣ три нашли себѣ достойныхъ жениховъ.

Давно уже сельская простота не веселила меня столько, какъ нынѣшній день — и наслаждаюсь ею въ 7 верстахъ отъ Парижа! Я не могъ наговориться съ крестьянами и съ крестьянками; послѣднія довольно смѣлы, но не безстыдны. «Куда ты идешь съ книжкою?» спросилъ я у миленькой дѣвушки. — Въ церковь, отвѣчала она: молиться Богу. — «Жаль, что я не вашего закона; а мнѣ хотѣ-

* Ей впрямь надлежало быть осьмнадцать лѣтъ.

лось бы молишься подлѣ тебя, красавица.» — Mais le bon Dieu est de toutes les religions, Monsieur. *Богъ единъ во всѣхъ законахъ.* — Согласись, друзья мои, что такая философія въ сельской дѣвушкѣ не совсѣмъ обыкновенна. Вообще всѣ Сюренскіе жители казались мнѣ умными и щасливыми, можешь бышь ошѣ веселаго расположенія души моей.

Вечеръ провелъ я также очень пріятно въ деревнѣ Исси, въ прекрасныхъ садахъ Герцога Инфаншадоса и Принцессы Шиме. Тутъ есть несравненная аллея изъ древнихъ, каштановыхъ деревьевъ (лучше самой Тюльерійской), и въ концѣ ея превеликой водоемъ. Видъ съ террасъ прелесненъ: замокъ Мёдонъ, Бельвю, Булонской лѣсъ, неизмѣримая равнина, по которой течетъ Сена, и на краю горизонта Мон-Валеръень.

Вообще Парижскія окрестности весьма пріятны. Вездѣ прекрасныя деревеньки, аллеи, сады; вездѣ разсыяны драгоценности Искусствъ; въ каждой сельской церкви найдешь хорошія картины, замѣчанія достойныя монументы, памятники Французской Исторіи. Съ нѣкопорого времени я всякой день бываю за городомъ, и возвращаюсь иногда очень поздно. Теперь же все цвѣшетъ, и весна нѣжными ошпѣнками переливается въ лѣто.

Парижъ, Мая . . .

Я худо пользуюсь здѣшними знакомствами и обществомъ ; я скупъ на время : мнѣ жалъ шрашишь его въ трехъ или чешырехъ домахъ, гдѣ меня принимающъ. Холодная учтивость не привлекательна. Госпожа Гло* увѣряетъ , что въ домъ ея собирающся лучшіе Авторы ; но мнѣ не случилось видѣшь у нее ни одного извѣснаго. Говорящъ опрывками ; все личности, jargon , языкъ непонятный для чужестранца ; молчишь, зѣваешь, или скажешь слова два на вопросы: какъ сильны бываютъ морозы въ Петербургѣ? сколько мѣсяцовъ катаются у васъ въ саняхъ? пѣздите ли вы на оленяхъ зимою? Это не весело ; и хошя споль Госпожи Гло* очень вкусенъ , однакожь мнѣ пріятнѣе обѣдать за деньги у какого нибудь Респорашёра, смопрѣшь на множество людей, вслушивающся иногда въ шумные разговоры или про себя думаешь, сочиняешь планъ для оспальнаго дня. Госпожа Н* , другая моя знакомка, миловидна и любезна , такъ что я съ удовольствіемъ былъ у нее разъ пять. Мы говорили о Швейцаріи, о Руссо, о щасіи протпой жизни, даже о любви въ метафизическомъ смыслѣ ; но вопъ неудобность: къ ней ѣздишь молодой Баронъ Д* , и какъ скоро онъ въ двери, я дѣлаюсь лишнимъ ; это не много оскорбительно для моего самолюбія. Баронъ же хошя и не есть Баронъ Нѣмецкій, однакожь взгляды его на меня очень грубы. Онъ садится съ ногами

на диванъ подлѣ хозяйки , играетъ ролю разсѣяннаго или сонливаго; плюетъ на Англійскій коверъ; кладетъ голову на подушку — а какъ его не выгоняюшъ , то надобно думать , что онъ имѣетъ право выгонять другихъ изъ кабинета Госпожи Н*. Сиекнувъ такимъ образомъ , беру шляпу и скрываюсь. Прованская красавица раздумала ѣхать въ Швейцарію и бытъ жишельницею горы Нёшашельской *. Баронъ смѣется надъ такою мыслію , и называетъ ее вдохновеніемъ спаромоднаго романизма.

Здѣсь теперь не много Русскихъ: фамилія Князя Г*, П*, и болѣе никого, кромѣ Посланника , Секретаря М* и Г. У* , съ копорыми вижусь не рѣдко. У* не богашъ , но умѣлъ собрать прекрасную библіотеку и множество рѣдкихъ манускриптовъ на разныхъ языкахъ. У него есть оригинальныя письма Генриха IV, Людовика XIII, XIV и XV, Кардинала Ришельё , Англійской Королевы Елисаветы и проч. Онъ знакомъ со всѣми здѣшними Библіотекарями, и черезъ нихъ достаетъ рѣдкости за бездѣлку , особливо въ нынѣшнее смутное время. Въ прошъ день , какъ народъ разграбилъ Баспильской архивъ , У* купилъ за лундоръ цѣлую кипу бумагъ , между прочими нѣсколько прогашельныхъ писемъ какого-то несчастнаго Автора къ Полицеймейстеру и журналъ одного изъ заключенныхъ во время

* Описанной Жанъ Жакомъ въ письмѣ къ д'Аланбершу.

Лудовика XIV. Онъ увѣренъ, что его писалъ тайный арешантъ, извѣстный подъ именемъ Желѣзной маски, о которомъ Вольперъ говоритъ слѣдующее : «Черезъ нѣсколько мѣся-
«цовъ по смерти Кардинала Мазарина случи-
«лось происшествіе, которое можно назвать
«безпримѣрнымъ, и котораго (что также у-
«дивительно) совсѣмъ не знали Историки. Съ
«величайшею тайною посланъ былъ на осп-
«ровъ Святой Маргариты неизвѣстный арешантъ, молодой человекъ, высокой ростомъ
«и благородный видомъ. Онъ носилъ маску
«съ желѣзною пружиною, которая не мѣшала
«ему ѣсть. Офицеръ имѣлъ повелѣніе убить
«его, если бы онъ снялъ ее. Сей человекъ
«содержался на оспровѣ до самаго того вре-
«мени, какъ Губернаторъ Пиньерольской, Сен-
«Марсъ, въ 1690 году сдѣланъ былъ Баспиль-
«скимъ начальникомъ, и самъ перевезъ его въ
«Баспилью, также въ маску. Министръ Лу-
«вуа былъ у него на оспровѣ Св. Маргариты,
«говорилъ съ нимъ спою и съ великимъ почте-
«ніемъ. Въ Баспильи ошвели ему самыя луч-
«шія комнашы, и ни въ чемъ не отказывали.
«Всего болѣе любилъ онъ тонкое бѣлье и кру-
«жева; зналъ музыку; игралъ на гитарѣ, имѣлъ
«самый изобильный столъ, и Губернаторъ
«рѣдко передъ нимъ садился. Старый Баспиль-
«ской Докторъ никогда не видалъ его лица.
«Онъ былъ, по словамъ сего Медика, чрезвы-
«чайно спроенъ, имѣлъ прогашельный голосъ,
«говорилъ пріятно, никогда не жаловался на

«заключеніе, и шайлъ свое имя. — Сей неиз-
«вѣстный умеръ въ 1703 году и погребенъ
«ночью въ церкви Св. Павла. Никшо изъ лю-
«дей знаменитыхъ въ Европѣ не пропадалъ во
«время его заключенія ; но онъ безъ сомнѣнія
«былъ важный человекъ. Вошъ что случилось
«въ первые дни его пребыванія на островѣ
«Свяшой Маргариты.... Самъ Губернашоръ
«носилъ ему кушанье, и выходя, запиралъ ком-
«нату. Заключенный начерпилъ однажды нѣ-
«сколько словъ на серебряной шарелкѣ и бро-
«силъ ее въ окно на лодку , споявшую внизу
«подлѣ самой башни. Рыбакъ , хозяинъ лодки,
«поднял шарелку и принесъ Губернашору,
«который съ великимъ безпокойствомъ спро-
«силъ: видѣлъ ли онъ надпись , и не показы-
«валъ ли кому нибудь шарелки? Я только-что
«нашелъ ее, а самъ не умѣю читать, ошвѣ-
«чалъ рыбакъ. Однакожь Губернашоръ удер-
«жалъ рыбака, чтобы увѣрился въ истинѣ
«его словъ. Наконецъ, оппуская, сказалъ ему:
«*поди и благодари Бога, что не умѣешь читать.*
«Одинъ изъ досповѣрныхъ людей , которымъ
«сей случай былъ извѣстенъ, живъ еще и
«нынѣ. Шамиларъ, послѣдній изъ Миниспровъ,
«зналъ шайну заключеннаго. Фельдмаршалъ
«Фёльдъ, зящъ его, сказывалъ мнѣ, что онъ
«на колѣняхъ просилъ шеспя своего объявить
«ему, кто былъ сей человекъ , извѣстный
«только подъ именемъ *Жельзной маски*. Шами-
«ларъ ошвѣчалъ, что онъ клялся хранить го-
«сударственную шайну , и не можетъ оп-

«крышь ее. Однимъ словомъ, многіе изъ на-
«шихъ современниковъ свидѣтельствуютъ ис-
«тину мною рассказаннаго, и я не знаю ника-
«кого историческаго происшествія, которое
«было бы удивительнѣе и вѣрнѣе онаго.» —
Въ жизни Герцога Ришельё, недавно напеча-
танной, сія любопытная загадка, справедливо
или нѣтъ, рѣшилась. Авторъ говоритъ, буд-
то человекъ съ Желѣзною маскою былъ сынъ
Королевы Анны и близнецъ Лудовика XIV,
скрытый опъ свѣта Кардиналомъ Ришельё,
для того, чѣмбы ему не вздумалось когда ни-
будь спорить о коронѣ съ братомъ своимъ.
Гипотеза не совсѣмъ вѣроятная! Равно какъ
и то не совсѣмъ вѣроятно, чѣмбы журналъ
заключеннаго, которымъ землякъ мой доро-
житъ до крайности, былъ въ самомъ дѣлѣ
писанъ Желѣзною маскою. У него одно дока-
зательство: «заключенный въ разныхъ мѣ-
«сцахъ упоминаетъ о шоколадѣ, который къ
«нему по ушрамъ носили; при Лудовикѣ XIV
«пили шоколадъ одни знатные; а какъ въ это
«время (сколько извѣстно) никто изъ важныхъ
«людей, кромѣ человека съ желѣзною маскою,
«не содержался въ Баспили, то надобно,
«чѣмбы журналъ былъ его!» Впрочемъ Авторъ
сихъ дневныхъ записокъ, Желѣзная маска
или другой кто, не говоритъ ничего примѣ-
чанія достойнаго; однѣ жалобы на скуку, на
жестокость заключенія, въ несвязныхъ сло-
вахъ, безъ орѳографіи — и все пушъ.

Парижъ, Мая. . . .

Шестъ дней сряду, въ 10 часовъ утра, хожу я въ улицу Св. Якова, въ Кармелинской монастырь. . . . «За чѣмъ?» спросите вы: «за тѣмъ ли, чѣмъ бы разсматривать тамошнюю церковь, древнѣйшую въ Парижѣ, и нѣкогда окруженную густымъ, мрачнымъ лѣсомъ, гдѣ Св. Діонисій въ подземной глубинѣ укрывался отъ враговъ своихъ, то есть, враговъ Христіанства, благочестія и добродѣтели? За тѣмъ ли, чѣмъ бы рѣшить споръ Испориковъ, — изъ которыхъ одни приписываютъ спроектъ сего храма язычникамъ, а другіе Королю Роберту: одни утверждаютъ, что спашуя, видимая вверху, на поршалѣ, есть образъ богини Цереры: а другіе утверждаютъ, что она представляетъ Архангела Михаила? Или за тѣмъ, чѣмъ бы удивляться великолѣпію олшарей, ихъ бронзъ, золоту, барельефамъ!». . . . Нѣтъ: я хожу въ Кармелинской монастырь для того, чѣмъ бы видѣть милую, шрогашельную Магдалину живописца Лебрюна, шаять сердцемъ, и даже плакать! . . . О чудо несравненнаго искусства! я вижу не холодныя краски, и не бездушное полотно, но живую, Ангельскую красоту, въ горести, въ слезахъ, которыхъ изъ небесныхъ голубыхъ глазъ ея льются на грудь мою; чувствую теплош, жаръ ихъ, вмѣстѣ съ нею плачу. Она узнала суешу міра и злополучіе спрасней! Сердце ея, для свѣта охладѣвшее, пылаетъ предъ олша-

ремъ Всевышняго. Не муки адскія ужасають Магдалину, но мысль, что она не достойна любви Того, Кому любимъ ею столь ревностно и пламенно : любви Отца небеснаго — чувственное, однимъ прекраснымъ душамъ известное ! Прости меня, говоришь ей сердце. Прости меня, говоришь ей взоръ. . . . Ахъ ! не только Богъ, совершенная благость, но и самые люди, редко не жестокие, какихъ бы слабостей не простили такому искреннему, святому раскаянію ? . . . Никогда я не думалъ, не воображалъ, чтобы картина могла быть столь краснорѣчива и трогательна. Чемъ больше смотрю на нее, тѣмъ глубже вникаю чувствомъ въ ея красоты. Все прелестно въ Магдалинѣ: лице, станъ, руки, расплѣтанные волосы, служащіе покровомъ для лилейной груди; всего же прелестнѣе глаза, отъ слезъ покраснѣвшіе. . . Я видѣлъ много славныхъ произведеній живописи : хвалилъ, удивлялся искусству; но эту картину желалъ бы имѣть; былъ бы счастливѣе съ нею ; однимъ словомъ, люблю ее ! Она стояла бы въ моемъ уединенномъ кабинетѣ, всегда передъ моими глазами. . .

Но открылъ ли вамъ тайную прелесть ея для моего сердца? Лебрюнь, въ видѣ Магдалины, изобразилъ нѣжную, прекрасную Герцогиню Лавальеръ, которая въ Лудовикѣ XIV любила не Царя, а человека, и всѣмъ ему пожертвовала: своимъ сердцемъ, невинностію, спокойствіемъ, свѣтомъ. Я воображаю тихую лун-

ную ночь, когда, гуляя въ Версальскомъ Паркѣ съ своими подругами, милая Лавальеръ сказала имъ: «вы говорите о придворныхъ красавцахъ, «а забываете перваго: нашего любезнаго Короля. «Не пышность прона ослѣпляетъ глаза мои; «нѣтъ, и въ сельской хижинѣ, въ плащѣ бѣднаго паслушка предпочла бы я его всѣмъ му-«щинамъ на свѣтѣ.» — Король былъ въ двухъ шагахъ отъ прелестной; скрывался за деревомъ, слышалъ ея слова, и сердце ему сказало: «вошь ша, кошорую ты любишь долженъ!» Онъ не зналъ ее; на другой день спарался говорить со всѣми придворными дамами; узналъ Лавальеръ по голосу — и нѣсколько лѣтъ, будучи обожаемъ, самъ обожалъ ее; измѣнилъ — и несчастная оставила свѣтъ, заключилась въ Кармелитскомъ монастырѣ, испребила въ душѣ всѣ земныя склонности, жила 36 лѣтъ единственно для добродѣтели, для Неба, подъ именемъ Луизы, сестры милосердія, ревностно исполняя строгія должности Ордена и званія своего.

=

Парижъ, Мая . . .

Я думаю теперь: какое могло бѣ быть самое любопытнѣйшее описаніе Парижа? Исчисленіе здѣшнихъ монументовъ Искусства (разсѣян-

ныхъ, такъ сказать, по всѣмъ улицамъ) рѣдкихъ вещей въ разныхъ родахъ, предметовъ великолѣпія, вкуса, имѣешь конечно свою цѣну : но десятъ такихъ описаній , и самыхъ подробныхъ , опдалъ бы я за одну крапкую характеристику или за галерею примѣчаній достойныхъ людей въ Парижѣ , живущихъ не въ огромныхъ залахъ, а по большей части на высокихъ чердакахъ , въ тѣсномъ уголкѣ, въ неизвѣстности. Вотъ обширное поле , на кошоромъ можно собрать тысячу любопытныхъ анекдотовъ ! Здѣсь-то бѣдность, недостатокъ въ средствахъ къ пропитанію, доводишь человека до удивительныхъ хитростей , истощаешь и разумъ и воображеніе ! Здѣсь многіе люди, копорые всякой день являющіяся на гульбищахъ, въ Пале-Рояль, даже въ спектакляхъ , причесанные волосъ къ волосу , распудренные , съ большимъ кошелькомъ на спинѣ, съ длинною шпагою на бедрѣ, въ черномъ кафтанѣ , не имѣютъ копѣйки вѣрнаго дохода; а живутъ , веселятся, и, судя по наружному виду , безпечны какъ пшцы небесныя. Средства ? они разнообразны, безчисленны, и нигдѣ кромѣ Парижа неизвѣстны. На примѣръ : человекъ , изрядно одѣтый , копорый сидитъ въ Café de Chartres за чашкою баваруаза, говоритъ не умолкая, съ видомъ благороднымъ , пріятнымъ , шумитъ, рассказываетъ забавные анекдоты — знаете ли, чѣмъ живетъ ? продажею афишъ , или всякаго рода печатныхъ объявленій, копорыми здѣсь быва-

юшъ облѣплены спѣны. Ночью, когда городъ успокоился и люди по домамъ разбредушся, онъ ходишъ собирашъ свой кормъ, изъ улицы въ улицу, сдираешъ со спѣнъ печашные листы, ошносишъ ихъ къ пирожникамъ, имѣющимъ нужду въ бумагъ, получаешъ за шо нѣсколько копѣекъ, ливра два или цѣлой эцю, ложишся на соломенной шюфякъ въ какомъ нибудь *гренѣ* *, и засыпаешъ покойнѣе многихъ Крезовъ. Другой человекъ, кошорый также всякой день бываешъ въ *публикѣ*, шо ешъ, въ Тюльери, Пале-Рояль, и кошораго вы по кафшану сочшете Клеркомъ **, ешъ. . . опшкупщикъ; но прошу угадашъ, какой? У него на опшкупъ. . . всѣ булавки, перяемыя дамами въ Ишалиянскомъ Спектаклѣ. Когда занавѣсъ опускаешся и всѣ зришели выходяшъ изъ залы, онъ шолько-что являешся въ Театръ, и съ дозволенія Директорскаго, между шѣмъ какъ гасяшъ свѣчи, ходишъ изъ ложи въ ложу подбирашъ булавки; ни одна не укроешся опъ его мышьихъ глазъ, гдѣ бы она ни лежала; и въ шо мгновеніе, какъ слуга хочешъ гасишъ послѣднюю свѣчу, нашъ опшкупщикъ хвашаешъ послѣднюю булавку; говоришъ: *слава Богу! завтра я не умру съ голоду!* и бѣжишъ съ своимъ пакетомъ къ лавочнику. — Я былъ въ Мазариновой Библіотекѣ и смотрѣлъ на ряды книгъ безъ всякихъ мыслей. Ко мнѣ подошелъ съдый шарикъ въ шемномъ кафшанѣ, и сказалъ: «вы

* То ешъ, чердакъ. ** Писаремъ.

желаєте видѣть примѣчанія достойныя книги и манускрипты?» — Желалъ бы, государь мой! — «Я къ вашимъ услугамъ.» И шарикъ началъ мнѣ показывать рѣдкія изданія, древнія рукописи, безпресшанно говоря, изъясняя. Я думалъ, что онъ Библіошекаръ: совсѣмъ нѣтъ; но придцашъ лѣтъ служишъ шамъ живымъ каталогомъ для любителей и чипашелей книгъ. Надзирашели Мазариновой Коллегіи дозволяюшъ шарикѣ хозяйствовашъ въ Библіошекѣ, и чрезъ то промышляшъ себѣ хлѣбъ. Дайте ему экую или мѣдную копѣйку: онъ возьмешъ ихъ съ равною благодарностію; не скажешъ: мало! не сморщишъ лба; шакже и за горшъ серебряной монеты не поклонишся вамъ ниже обыкновеннаго. Парижской нищій хочешъ имѣшъ наружностъ благороднаго чело-вѣка. Онъ беретъ подаваніе безъ стыда; но за грубое слово вызовешъ васъ на поединокъ: у него ешъ шпага!

Въ Галлерей примѣчанія достойныхъ людей занялъ бы конечно не послѣднее мѣсто одинъ здѣшній Споикъ, извѣстный подъ именемъ четырнадцати-луковошнаго (de quatorze-oignons), истинный Діогеновъ чело-вѣкъ, опказывающій себѣ во всемъ, что не ешъ въ спрогомъ смыслѣ необходимо для жизни. Онъ промысломъ носильщикъ*; все его имѣніе состоишъ въ большой корзинѣ; днемъ разносишъ въ ней по комиссіи всякую всячину, а ночью спишъ какъ

* Porte-faix.

въ альковѣ на городской площади, подѣ колонадою. Сорокъ лѣтъ не перемѣняешь своего камзола ; въ случаѣ нужды нашиваешь заплаты, и такимъ образомъ опѣ времени до времени возобновляешь его , какъ Природа, по мнѣнію Медиковъ , возобновляетъ въ разные періоды человѣческое тѣло. 14 луковицъ составляють его дневную пищу. Не думайте, чтобы онѣ жилѣ такъ по необходимости; нѣтъ, бѣдные просятъ у него милосшыни, и получаютъ; другіе берутъ въ займы — но Парижской Діогенѣ никогда не пребуешь назадъ своихъ денегъ , ежедневно вырабатывая 3 и 4 ливра. Онѣ умѣетъ бытъ благодѣтелемъ и другомъ; говоритъ мало, но съ выразишельнымъ Лаконизмомъ. Многіе Ученые знакомы съ нимъ. Химистъ Л* спросилъ у него однажды: «щасливъ ли ты, добрый человѣкъ?» — Думаю, отвѣчалъ нашъ Философъ. — «Въ чемъ состоятъ твои удовольствія?» — Въ работѣ, опдыхѣ , въ безпечности. — «Прибавь еще: въ благодѣніяхъ. Я знаю, что ты дѣлаешь много добра.» — Какого? — «Подаетъ милосшыню.» — Отдаю лишнее. — «Молишься ли Богу?» — Благодарю Его. — «За что?» — За себя. — «Ты не боишься смерти?» — Ни жизни, ни смерти. — «Читаешь книги?» — Не имѣю времени. — «Бываетъ ли тебѣ скучно?» — Я никогда не бываю празденъ. — «Не завидуешь никому?» — Я доволенъ собою. — «Ты истинный мудрецъ.» — Я человѣкъ. — «Же-

лаю твоей дружбы.» — Всѣ люди друзья мои.
— «Есть злые.» — Ихъ не знаю.

Къ великому моему сожалѣнію я не видалъ сего новаго Діогена. Онъ скрылся при началѣ Революціи. Иные думаютъ, что его уже нѣтъ на свѣтѣ. Вотъ доказательство, что въ самомъ низкомъ состояніи можешь родиться и жить *Геній дѣлательной мудрости.*

Парижъ, Мая . . .

Нынѣшній день видѣлъ я двѣ чудесныя школы: училище природноглухихъ и нѣмыхъ (которымъ посредствомъ знаковъ сообщаютъ самыя трудныя, сложныя, метафизическія идеи*; которые знаютъ совершенно Грамматику, разбираютъ всѣ книги, и сами пишутъ яснымъ, чистымъ, правильнымъ слогомъ) и еще другую, не менѣе удивительную школу природно-слѣпыхъ, которые умѣютъ читать, знаютъ Музыку, Географію, Математику. Аббатъ л'Епе, основатель перваго училища, умеръ; мѣсто его занялъ Аббатъ Сикаръ: онъ съ великою ревностію посвящаетъ себя искусству дѣлать получеловѣковъ совершенными людьми, замѣняя въ нихъ, такъ сказать,

* См. Третью Часть Писемъ Русскаго Путешественника.

новымъ органомъ слухъ и языкъ. Молодой Шведъ, бывшій вмѣстѣ со мною у Сикара, написалъ на бумажкѣ: *вы конечно жалѣете о л'Ене* — и подалъ ее одному изъ учениковъ, который тотчасъ, схвативъ перо, ошвѣчалъ: *безъ сомнѣнія; онъ нашъ благодѣтель, разбудилъ въ насъ умъ, далъ намъ мысли и друга учителя, подобнаго ему въ искусствѣ и въ ревности быть нашимъ просвѣтителемъ, другомъ, вторымъ отцомъ. Многіе изъ нѣмыхъ спрасшно любяшъ чшеніе, шакъ, что для сохраненія ихъ глазъ надобно опнимашъ у нихъ книги. Съ удивительною скоростію говоряшъ они знаками между собою, выражая самыя опвлеченныя идеи; кажешся, будто не могушъ на-радовашся своею новою способностію.*

Въ другой школѣ, заведенной Господиномъ Гаюи, слѣпые учаща Ариѳмешикъ, чшенію, Музыкъ и Географіи посредствомъ *выпуклыхъ* (en relief) знаковъ, буквъ, нощъ и ландкаршъ, разбираемыхъ ими по осязанію. Ученикъ, щупая ряды лишеръ и нощъ, передъ нимъ лежащихъ, чишаешъ, поешъ; прикоснувшись рукою къ ландкаршъ, говоришъ: *здѣсь Парижъ, тутъ Москва; здѣсь Отагити, тутъ Филиппинскіе острова.* Шведъ шихолько перевернулъ каршу; слѣпой, допронувшись до нее, сказалъ: *она лежитъ вверхъ ногами*, и снова оборошилъ ее. Какъ у зрячихъ судяшъ глаза о разстояніи предметовъ, ихъ взаимныхъ спношеніяхъ, шакъ у слѣпыхъ осязаніе удивительно тонкое, вѣрно согласенное съ памяшью и воображені-

емъ. На примѣръ: естѣли я, зажмуривъ глаза, ощупаю нѣсколько предметовъ, то мнѣ очень трудно будешь вообразить ихъ взаимное между собою отношеніе, опѣ непривычки судишь о вещахъ по осязанію; напрошивъ того слѣпые воображають по оцупи такъ же быстро, какъ мы по глазамъ. Надзирашель хотѣлъ сдѣлать намъ полное удовольствіе, и велѣлъ слѣпымъ ученикамъ своимъ пѣть гимнъ, сочиненный для нихъ Оберомъ. Прекрасные голоса! прогашельная мелодія! милыя слова! Мы заплакали. Надзирашель увидѣлъ слезы наши, и велѣлъ ученикамъ повпорить гимнъ. Вотъ переводъ его:

Владыка міра и судьбины!
Дай видѣшь намъ лучъ солнца Твоего
Хопя на часъ, на мигъ единый,
И новой шьмой для насъ покрой его:
Лишь только бъ мы узрѣли
Благошворителей своихъ,
И милый образъ ихъ
Навѣкъ въ сердцахъ запечатали.

=

Парижъ, Мая. . . .

Вы получали бы опѣ меня не листы, а цѣлыя шепради, естѣли бы я описывалъ вамъ всѣ картины, сшапуи и монументы мною

видимыя. Здѣсь церкви кажутся галлереями живописи или Академіями Скульптуры. Мудрено ли? Со временъ Франциска I донынѣ Художества цвѣли въ Парижѣ какъ въ опчизнѣ своей. Замѣчу только, что у меня оспалось въ памяши.

Напримѣръ: соборная церковь Богоматери, Notre Dame — зданіе готическое, огромное и почтенное своею древностію — наполнена картинами лучшихъ Французскихъ живописцевъ; но я, не говоря объ нихъ ни слова, опишу вамъ единственнo памятникъ супружеской любви, сооруженный шамъ новою Аршемизою. Графиня д'Аркуръ, потерявъ супруга, хотѣла посредствомъ сего мавзолея, изваяннаго Пигалемъ, оспавишь долговременную память своей нѣжности и печали. Ангелъ однуо рукою снимаетъ камень съ могилы д'Аркура, а другою держишь свѣшильникъ, чшобы снова воспламенишь въ немъ искру жизни. Супругъ, оживленный благошворною теплошою, хочешъ всшашъ, и слабую руку простираетъ къ милой супругѣ, кошорая бросаетъ въ его объятія. Но смерть неумолимая споишь за д'Аркуромъ, указываешь на свой песокъ, и даешь знашь, что время жизни прошло! Ангелъ гасишь свѣшильникъ. . . . Сказываютъ, что нѣжная Графиня, безпрестанно оплакивая кончину любезнаго, видѣла шочно такой сонъ: Художникъ изобразилъ его по ея описанію — и никогда рѣзецъ Пигалевъ не дѣйшвовалъ на мое чувство такъ сильно, какъ въ семъ

прогашельномъ , меланхолическомъ представленіи. Я увѣренъ, что сердце его участвовало въ работѣ.

Тутъ же видѣлъ я грубую спашую Короля Филиппа Валуа. Побѣдивъ непріятелей , онъ въѣхалъ верхомъ въ соборную Парижскую церковь. Художникъ такъ и представилъ его: на лошади , съ мечемъ въ рукѣ — не много уваженія къ святынь храма!

Въ Сорбонскую церковь ходящъ всѣ удивляться искусству ваяшеля Жирандона. На монументѣ , въ древнемъ вкусѣ, представленъ Кардиналъ Ришельё; умирая въ объятіяхъ Религіи, онъ кладетъ правую руку на сердце, а въ лѣвой держитъ духовныя свои творенія. Наука , въ видѣ молодой женщины, рыдаетъ у ногъ его. — Говорятъ, что Петръ Великій, смотря на сей памятникъ, сказалъ внуку Кардинала, Герцогу Ришельё: *Твой дѣдъ былъ величайшій изъ Министровъ; я отдалъ бы половину своего Государства за то , чтобы научили меня править другою, какъ онъ правилъ Франціею.* Не вѣрю этому анекдоту; или Государь нашъ не зналъ всѣхъ злодѣйствъ Кардинала, хитраго Министра , но свирѣпаго человѣка, врага непримиримаго, хвастливаго покровителя Наукъ, но завистника и гонителя великихъ дарованій. Я представилъ бы Кардинала не съ Христіанскою, свяшою Религіею, а съ чудовищемъ, которое называется Полишикою, и которое описываетъ Вольшеръ въ Генріадѣ:

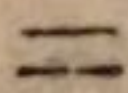
Дщерь гордости властолюбивой,
Обмановъ и коварства мать,
Всѣ виды можешь принимать:
Казаться мирною, правдивой,
Покойною въ опасный часъ;
Но сонъ вовѣки не смыкаетъ
Ея глубоко-впадшихъ глазъ,
Она трудится, вымышляетъ;
Печать у Истины беретъ,
И взоры обольщаетъ ею;
За Небо будто восстаетъ,
Но адской злобою своею
Разинетъ лишь собственныхъ враговъ.

Впрочемъ сей монументъ ваятельнаго искусства есть одинъ изъ лучшихъ въ Парижѣ.

Въ церкви Целестиновъ (des Célestins) есть приделъ Герцога Орлеанскаго, который напоминаетъ странное и несчастное приключеніе. Карлъ VI вздумалъ однажды для маскарада нарядиться Саширомъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ своихъ придворныхъ. Герцогъ Орлеанской подошелъ къ нимъ съ факеломъ, и нечаянно зажегъ мохнатое платье на одномъ изъ нихъ. Къ несчастью, они были связаны цѣпочкою другъ съ другомъ, и не могли скоро распутаться: огонь разлился, обхватилъ ихъ, и въ нѣсколько минутъ почти всѣ сгорѣли. Король спасенъ былъ Герцогинею де Берри, которая

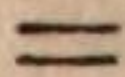
бросила на него свою маншелю, и задушила пла-
мя. Герцогъ, чшобы загладить свою бѣдшвен-
ную неосторожность, соорудилъ великолѣпный
олшаръ въ церкви Целеспиновъ. — Тамъ мно-
го каршинъ и памяшниковъ ; между прочими
монументъ Леона, Царя Армянскаго, кошорый,
будучи выгнанъ изъ земли своей Турками, у-
меръ въ Парижъ въ 1393 году. Фруасаръ, со-
временный Историкъ , говоришъ объ немъ
слѣдующее: «Лишенный трона, сохранилъ онъ
«царскія добродѣтели, и еще прибавилъ къ
«нимъ новую: великодушное терпѣнiе; съ бла-
«годѣшелемъ своимъ, Карломъ VI, обходился
«какъ съ другомъ, не забывая собственнаго
«царскаго сана; а смерть Леонова была досшой-
«на жизни его.» — Близъ гробницы несчастна-
го Царя, въ готическомъ нишѣ, нѣжная дочь
соорудила памяшникъ нѣжной машери. Черная
мраморная урна стоишъ на бѣлой колоннѣ, съ
надписью: «Будучи другомъ дѣшей своихъ, она
«заспавляла ихъ плакашъ. . . . только ошъ бла-
«годарности; скромность ея даже удивлялась
«необыкновенной любви нашей» (прекрасная чер-
та!) «Да будешъ сей памяшникъ священъ для
«добрыхъ и чувствительныхъ сердецъ! Здѣсь
«погребена Марiя Гокаръ, Графиня де Коссе,
«умершая 29 Сеншября 1779 году.» — Подлѣ
прогашельной надписи видите вы смѣшную,
надъ гробомъ рыцаря Бриссака. Вошъ она: «Чшо
«я? мершвой или живой? Мершвой: нѣшъ, жи-
«вой. Ты спросишъ: почему? ошвѣчаю: пошому,
«чшо имя мое вездѣ шумишъ, вездѣ гремишъ

«(mon nom court et bruit en tous lieux).» — Въ сей же церкви стоишь славная Пилонова группа, три нагія Граціи, одна другой лучше, и все прекрасныя; но не странно ли видѣшь языческихъ богинь въ храмъ истиннаго Бога? Такъ угодно было Катеринѣ Медицисъ. Она велѣла заключить сердце свое въ одну урну съ сердцемъ Генриха II, и поставитъ ее на голову Граціямъ. Чудная мысль!

Въ церкви Св. Кома погребенъ нѣкто Труль-якъ, рогатой человекъ. Онъ былъ представ-ленъ за чудо Генриху IV, который подарилъ его своему конюшему; а конюшій показывалъ его за деньги народу. Сей бѣдный Саширъ крайне оскорблялся своимъ уродствомъ и умеръ съ горя. На гробъ его вырѣзали эпита-фію такого содержанія:

Здѣсь погребенъ Трульякъ. Не будучи женою,
Сей жалкой человекъ (о диво!) былъ рогатъ!

Въ церкви Св. Стефана, которой странная архишкшура представляетъ вамъ соединеніе Греческаго вкуса съ гошическимъ, найдете вы

гробъ нѣжнаго Расина безъ всякой эпитафіи; но его имя напоминаетъ лучшія произведенія Французской Мельпомены — и довольно. Тупъ же погребенъ Паскаль (Философъ, Теологъ, остроумный Авторъ, котораго Провинціальныя письма донынѣ спавяшся въ примѣръ хорошаго Французскаго слога); Турнфоръ, славный Бошанисшъ и путешественникъ; Тонье, искусный Медикъ (котораго эпитафія говоришъ : *Теперь только, смертные, страшитесь смерти: ибо Тонье умеръ и васъ лечить не кому*), и живописецъ ле-Сюеръ, прозванный Французскимъ Рафаэлемъ: предметъ зависти и даже злобы другихъ современныхъ живописцовъ! На примѣръ, ле-Брюнъ не могъ равнодушно слышать, чѣмъ говорили о ле-Сюеровыхъ картинахъ, и видя его при послѣднемъ издыханіи, сказалъ: *теперь гора свалится у меня съ плечъ, и смерть этого чловѣка вынетъ занозу изъ моего сердца!* Въ другое время, смотря на ле-Сюерову картину, и думая, что его никто не слышитъ, ле-Брюнъ шепталъ: *прекрасно! удивительно! несравненно!* Горестно слышатъ такіе черныя анекдоты о великихъ Артистахъ; и какъ я люблю живописца Магдалины, такъ гнушаюсь врагомъ ле-Сюеровымъ.

Въ церкви Св. Евстафія погребенъ Кольберъ. Памятникъ достойнъ его памяти. Онъ изображенъ на колѣняхъ, на черной мраморной гробницѣ, передъ Ангеломъ, держащимъ разогнушую книгу. Изобиліе и Религія, въ видѣ женщинъ, стоятъ подлѣ. Великій Министръ, слава Франціи и Лудовика XIV! Онъ служилъ Королю, спараясь умножать его доходы и силы; служилъ народу, спараясь обогатить его посредствомъ разныхъ выгодныхъ заведеній и торговли; служилъ человечеству, способствуя быстрымъ успѣхамъ Наукъ, полезныхъ Искусствъ и Словесности, не только во Франціи, но и въ другихъ земляхъ. Побѣдоносные Лудовиковы флоты, какъ будто бы словомъ: *да будетъ!* сотворенные; лучшія Французскія мануфактуры; Лангедокской каналъ, соединяющій Средиземное море съ Океаномъ, имениныя торговыя общества: Индѣйское, Американское — и почти всѣ Академіи остались монументами его незабвеннаго правленія. Можно смѣло сказать, что Кольберъ былъ первымъ Министромъ въ свѣтѣ; ищу въ мысляхъ, и не нахожу другаго, ни столь мудраго, ни столь щастливаго въ своихъ предпріятіяхъ (второе было конечно слѣдствіемъ перваго) — и слава его Министерства прославила царствованіе Лудовика XIV. Вотъ предметъ, достойный соревнованія всѣхъ Министровъ! И всякому изъ нихъ должно имѣть въ кабинетѣ портретъ Кольберовъ, чтобы смотрѣть на него и не забывать великихъ своихъ

обязанностей. — Но какой Министръ можешь удовольствоваться всѣхъ людей? Одинъ изъ недовольныхъ Кольбершомъ написалъ на его шпагу: *res ridenda nimis, vir inexorabilis orat!* ш. е. *какъ смѣшно видѣть моленіе неумолимаго чело-вѣка* *!

Въ Аббатствѣ Св. Женевьевы хранился прахъ Декаршовъ, перевезенный изъ Спокгольма черезъ 17 лѣтъ послѣ смерти Философа. Нѣтъ памятника! Эпитафія говоришь, что онъ былъ первымъ мудрецомъ своего вѣка — и справедливо. Философія прежде его состояла въ одномъ школьномъ пустословіи. Декартъ сказалъ, что она должна быть Наукою Природы и челоука; взглянулъ на вселенную глазами мудреца, и предложилъ новую, остроумную систему, которая все изъясняетъ — и самое неизъяснимое; во многомъ ошибся, но своими ошибками направилъ на путь истины Англійскихъ и Нѣмецкихъ Философовъ; заблуждался въ лабиринтъ, но бросилъ нить Аріадны Невшону и Лейбницу; не во всемъ достоинъ вѣры, но всегда достоинъ удивленія; всегда великъ, и своею Метафизикою, своимъ нравоученіемъ возвеличиваетъ санъ челоука, убѣдительно доказывая бытіе Творца, чистую безтѣлесность души, святость добродѣтели. Я не давно читалъ слѣдующее сравненіе между Декаршомъ и Невшономъ: «Они равны *вымысломъ* или духомъ «изобрѣшенія; первый быспрѣе, высокопарнѣе:

Онъ предсавленъ на гробницѣ молящимся.

«второй глубокомысленный. Таковъ характеръ
«Французовъ и Англичанъ; умъ первыхъ стро-
«итъ въ вышину, послѣднихъ углубляется въ
«основаніе. Оба Философа хотѣли создать міръ,
«подобно какъ Александръ хотѣлъ завоевать
«его; оба бессмертны, оба велики въ поняті-
«яхъ своихъ о Напурѣ.»

Въ томъ же Аббатствѣ взглянулъ я на гро-
бницу Кловиса (завоевателя Галліи, перваго
Царя Французовъ), на изображеніе Рима (en
relief), въ которомъ видны всѣ улицы, всѣ
большія зданія; на Библіотеку и на собраніе
Египетскихъ, Эпрусскихъ, Греческихъ, Рим-
скихъ и Гальскихъ рѣдкостей.

Новая церковь Святой Женевиевы величе-
ственна и прекрасна. Знаменитыя Архитектуры
особливо хвалятъ фронтонъ, въ которомъ
смѣлость готическая соединена съ красою
Греческою. Наружность и внутренность Ко-
ринѳическаго Ордена; послѣдняя не совсѣмъ
еще обработана.

=

Въ Аббатствѣ Св. Виктора хранятся дре-
вніе манускрипты; между прочими Библія въ
рукописи девятого вѣка, и Алькоранъ самый
вѣрный: что засвидѣтельствовано Турецкимъ
Посломъ, который съ великимъ благоговѣніемъ
читалъ и цѣловалъ его.

Въ *Королевскомъ Аббатствѣ*, гдѣ все богато и великолѣпно, всего лучше внутренность купола, расписанная водяными красками *Миньяромъ*; знашоки называютъ ее совершенствомъ. *Мольеръ* сочинилъ Поэму въ честь *Миньяра*. Жаль, что краски уже теряютъ свою живость.

Въ церкви *Св. Андрея* сооруженъ памятникъ *Аббату Башнѣ*, наставнику *Авшоровъ*, котораго за два года передъ симъ читалъ я съ любезнымъ *Агапономъ*, вникая въ истину его правилъ и разбирая красоты его примѣровъ. Монументъ нравится своею простотою; на колоннѣ стоитъ урна съ медальономъ умершаго, и съ милою надписью: *amicus amico, другъ другу*. — Тутъ же видѣлъ я одну старинную Французскую эпитафію въ стихахъ, которая содержишь въ себѣ исторію *Матвѣя Шарпѣ*, добраго человека, и которая мнѣ очень понравилась. На примѣръ: «Онъ вѣрилъ «Богу, Христіанству, безсмертію, добродѣтели; не вѣрилъ лицамъ суевѣрія и щастію порока; жилъ 50 лѣтъ съ женою своею, и «всякой наступающій годъ желалъ провести «съ нею какъ минувшій; любилъ въ будни рабшу, а въ праздникъ госпей; училъ добродѣшей своихъ, иногда умными словами, а чаще примѣромъ. Мнѣніе и свидѣтельство его «уважалось во всемъ околоткѣ, и люди говорили: такъ сказалъ *Матвѣй Шарпѣ*, добрый человекъ! Прохожій! не дивись, что гробница «его сдѣлана не изъ Паросскаго мрамора, и не

«украшена Фригійскою рабошою; богашые па-
«мяшники нужны для шѣхъ, кошорые жизнию
«и дѣлами не оставили по себѣ доброй памя-
«ти; имя Машвѣя Шаршѣ есть и будешъ
«живымъ его монументомъ. 1559.»

Въ храмъ Бенедиктиновъ погребенъ изгнан-
никъ Іаковъ II. Онъ велѣлъ схоронить себя
безъ всякой пышности и на гробъ написашъ
только: *ci-git Jacques II, Roi de la Grande Bretagne.*
Король самый несчастливѣйшій, потому что
никто не жалѣлъ о его несчастіи!

Церковь Кармелишовъ достойна примѣчанія
богатымъ монументомъ, сооруженнымъ въ ней
господами Буллене отцу и матери ихъ; но
Исторія Кармелишовъ, изданная на Лашин-
скомъ языкѣ, еще достойнѣе примѣчанія. Ав-
торъ утверждаетъ, что не только всѣ сла-
внѣйшіе Христіане, но и самые язычники:
Пифагоръ, Нума Помпилій, Зороастръ, Друиды,
были монахи Кармелипскаго Ордена. Имя его
происходитъ отъ Сирійской горы Кармель,
гдѣ жили благочестивые пустынники, первые
основатели Кармелипскаго обществѣ.

Въ церкви Св. Жермена погребенъ Француз-
ской Горацій, Малербъ, о кошоромъ сказалъ
Буало, что онъ первый узналъ тайную силу
каждаго слова, поставленнаго на своемъ мѣстѣ.
По сіе время можно читать съ великимъ удо-
вольствіемъ Оды его, и всѣ знаютъ наизусть
прекрасную спрофу:

La mort a des rigueurs à nulle autre pareilles;

On a beau la prier :

La cruelle qu'elle est, se bouche les oreilles,

Et nous laisse crier.

Le pauvre en sa cabane, où le chaume le couvre,

Est sujet à ses loix,

Et la garde qui veille aux barrières du Louvre,

N'en défend point nos Rois.

Тупъ же погребены мужъ и жена Дасье, ко-
шорыхъ соединила законнымъ бракомъ лю-
бовь... къ Греческому языку; кошорые въ уче-
номъ супружесствѣ своемъ ласкали другъ дру-
га Греческими именами, и тогда бывали весе-
лы, тогда были щасливы, когда находили
новую краску въ стихъ Гомеровомъ. О вар-
варство! о неблагодарность! на гробъ ихъ
нѣтъ Греческой надписи! !

Кеношафъ Графа Келюса, въ одномъ изъ
придѣловъ Св. Жерменя, сдѣланъ изъ самаго
лучшаго порфира. Графъ берегъ его долгое вре-
мя для своей гробницы. Человѣкъ, кошорый
для успѣховъ Искусства не жалѣлъ нипру-
довъ, ни имѣнiя, ни самой жизни, достоинъ
шакого кеношафа. Слѣдующій анекдотъ дока-
зываетъ удивительную спрасъ его. Будучи
въ Смирнѣ, онъ хошѣлъ видѣть развалины
Эфеса, близъ кошорыхъ жилъ тогда разбой-
никъ Каракаяли, ужасъ всѣхъ путешествен-
никовъ. Чшожь сдѣлалъ неустрашимый Графъ?
Сыскалъ двухъ разбойниковъ изъ шайки Кара-
каяли, и нанялъ ихъ себѣ въ проводники, съ
шѣмъ, чшобы заплашишь имъ деньги по воз-

вращеніи въ Смирну; надѣлъ самое простое плашье, не взялъ съ собою ничего, кромѣ бумаги съ карандашемъ, и прямо съ своими вожашыми явился къ ашаману воровъ, копорый, узнавъ о намѣреніи его видѣть древности, похвалилъ такое любопытство; сказалъ, что не далеко отъ его сѣна есть другія прекрасныя развалины; далъ ему двухъ Арабскихъ скакуновъ, чтобы ѣхать туда — и Графъ черезъ нѣсколько минутъ очутился на развалинахъ Колофона; осмошрѣвъ ихъ, возвратился ночевать къ разбойнику, и на другой день видѣлъ то мѣсто, гдѣ былъ некогда городъ Эфесъ. — Келюсъ издалъ множество книгъ: Собраніе древностей, Предметы для живописи и ваянія, Картины изъ Гомера и Виргилія, Сказки, и проч.

Церковь Св. Илера обогрилась некогда кровію двухъ живописцевъ. Одинъ изъ нихъ изобразилъ тамъ Адама и Еву въ земномъ раю. Другой, смотря на его картину, сказалъ: «Новорожденный младенецъ бываетъ связанъ съ матерью посредствомъ пупка, жилъ, «кошорья, будучи перерѣзаны, образуютъ у «него пупокъ. Адамъ и Ева не родились, но «были вдругъ сотворены; слѣдственно ты «глупецъ, изобразивъ ихъ съ пупкомъ, кошо- «раго они имѣть не могли.» — Оскорбленный живописецъ выхватилъ шпагу; начался поединокъ — и безумцевъ на силу розняли.

Прахъ великаго (какъ называютъ Французы) Корнеля покоится въ церкви Св. Рока, безъ

мавзолея, безъ эпитафiи. Тушъ погребена и нѣжная Дезульеръ, кошорой имя напоминаешъ вамъ

Берега кристальныхъ рѣчекъ,
Крошкихъ, миленькихъ овечекъ,
И собачку подлѣ нихъ.

Посошокъ, вѣнокъ, сплешенный изъ луговыхъ цвѣшковъ, и свирѣль, лучше всего украсили бы ея могилу. — Тушъ и гробъ ле-Ноштра, творца великолѣпныхъ садовъ, передъ кошорыми древнiе сады Гесперидскiе не что иное, какъ сельскiе огороды. Надъ гробомъ спойшъ бюстъ его : лице благородное и важное. Таковъ былъ и характеръ Арписша. Когда онъ предлагалъ Лудовику XIV планъ Версальскихъ садовъ, рассказывая, гдѣ чему бышъ, и какое дѣйствiе должна произвести всякая его идея, Король, восхищенный такимъ богатымъ воображенiемъ, нѣсколько разъ перерывалъ его описанiе, говоря : *ле-Ноштръ ! за эту выдумку даю тебѣ 20,000 ливровъ*. Наконецъ безкорыстный и гордый художникъ разсердился и сказалъ ему : *Ваше Величество ! я замолчу, чтобы не разорить васъ*.

За послѣднимъ олшаремъ сей церкви, подъ низкимъ сводомъ, въ блѣдномъ мерцанiи свѣта, возвышается дикая скала : тушъ Спаситель на крестѣ; у ногъ Его Магдалина. На правой сторонѣ видите спящихъ воиновъ, на лѣвой сломленные деревья, между кошорыми ползешъ змѣя. Подъ горою голубой мраморной жертвен-

никъ , въ образъ древней гробницы; на немъ стоятъ двѣ урны, въ кошорыхъ дымилися оиміамъ. Все вмѣстѣ слабо освѣщено черезъ отверстіе вверху, и составляетъ неизъяснимо-прогашельное зрѣлище. Сердце чувствуешь благоговѣніе, и колѣна сами собою преклоняющіяся: — Похвалите Фальконеша: вы видите произведеніе рѣзца его.

Въ церкви Св. Северина списалъ я слѣдующіе стихи, вырѣзанные надъ темнымъ коридоромъ ея кладбища, и служащіе примѣромъ игры словъ :

Passant! penses-tu pas passer par ce passage,

Où pensant j'ai passé ?

Si tu n'y penses pas, passant! tu n'es pas sage,

Car en n'y pensant pas tu te verras passer.

Парижъ, Іюня. . . .

Госпожа Гло* сказала мнѣ: «Послѣ-завтра «будешь у насъ чтеніе. Аббапъ Д* привезетъ «мысли о любви, сочиненіе сеспры его, Мар- «кизы Л*. C'est plein de profondeur, à ce qu'on dit. «Авторъ также будешь у меня , но только «инкогнито. Еслили хошише узнать остроуміе «и глубокомысліе здѣшнихъ Дамъ, то прихо- «дите.» — Какъ не припши? Я пожертво- валъ спектаклемъ, и въ 8 часовъ явился. Хо-

зяйка сидѣла на Вольперовскихъ креслахъ; вокругъ нее пять или шесть Кавалеровъ вели шумной разговоръ; на софѣ два Аббаша занимали своею любезностію трехъ Дамъ; по угламъ комнаты было еще разсыяно нѣсколько группъ, такъ что общество состояло изъ 25 или 30 человекъ. Въ 9 часовъ хозяйка вызвала Аббаша Д* на сцену. Всѣ окружили софу. Чшець вынулъ изъ кармана розовую пепрадку, сказалъ что-то забавное и началъ. . . . Жаль, что я не могу опъ слова до слова пересказать вамъ мыслей Авшора! Однакожь можете судить о достоинствахъ и тонѣ сочиненія по слѣдующимъ опривкамъ, копорые остались у меня въ памяти:

«Любовь есть кризисъ, рѣшительная минута жизни, съ прешомъ ожидаемая сердцемъ. Занавѣсъ поднимается. . . Онъ! она! восклицаетъ сердце, и теряетъ личность бытія своего. Тайственный Рокъ бросаетъ жребій въ урну: ты блаженъ! ты погибъ!»

«Все можно описать въ мірѣ, все, кромѣ страшной, героической любви; она есть символъ неба, копорой на землѣ не изъясняется. Передъ нею исчезаетъ всякое величіе. Цесарь малодушенъ, Регулъ слабъ . . . въ сравненіи съ истиннымъ любовникомъ, копорый выше дѣйствія спихій, внѣ сферы мірскихъ желаній, гдѣ обыкновенныя души, какъ пылинки въ вихрѣ, носятся и вершятся. Дерзко называть его полубогомъ — мы не язычники — но онъ не человекъ. Зороаспръ изображаетъ

«Бога въ пламени; пламя добродѣтельной, ге-
«роической любви достойнѣе всего окружающъ
«шронъ Всевышняго.»

«Монпанъ говоритъ: другъ мнѣ милъ для
«того, что онъ онъ; я милъ ему для того, что
«я я. Монпанъ говоритъ о любовникахъ —
«или слова его не имѣютъ смысла.»

«Прелести никогда не бывающъ основаніемъ
«спраси; она рождаешся внезапно опъ сооса-
«занія двухъ нѣжныхъ душъ въ одномъ взорѣ,
«въ одномъ словѣ; она естъ не что иное, какъ
«симпатія, соединенія двухъ половинъ, копо-
«рыя въ разлукѣ помились.»

«Только одинъ разъ старающъ вещи; шоль-
«ко одинъ разъ любивъ сердце.»

«Въ жизни чувствительныхъ бывающъ при
«эпохи: ожиданіе, забвеніе, воспоминаніе. Забве-
«ніемъ называю восторгъ любви, копорый не
«можетъ бытъ продолжителенъ, для шого,
«что мы не боги, и земля не Олимпъ. Любовь
«оспаляешъ по себѣ милое воспоминаніе, ко-
«порое уже не естъ любовь; но мы, кажешся,
«все еще любимъ челоука, для шого что нѣ-
«когда обожали его. Намъ пріятно по мѣсто,
«гдѣ что нибудь пріятное съ нами случилось.»

«Человѣкъ, любящій славу, знашность, бо-
«гашство, подобенъ шому, кшо за неимѣніемъ
«Новой Элоизы читаешъ романъ дѣвицы Скю-
«дери; за неимѣніемъ, говорю, или по дурно-
«му вкусу. На дикомъ Паросскомъ мраморѣ на-
«роспаешъ иногда довольно пріятная зелень;
«но можно ли сравнишь ее съ видомъ шого

«мрамора, который представляешь Фидіасову
«Венеру? Вотъ его истинное *опредѣленіе*
«(destination), подобно какъ опредѣленіе сердца
«есть любовь.»

«Одинъ великій музыкантъ сказалъ, что
«блаженство небесной жизни должно состо-
«яшь въ гармоніи; нѣжныя души увѣрены,
«что оно будетъ состоять въ любви.»

«Я не знаю, есть ли апейсшы; но знаю,
«что любовники не могутъ быть апейсшами.
«Взоръ съ милаго предмета невольно обращаеш-
«ся на небо. Кто любилъ, тотъ понимаетъ
«меня.»

Слушатели при всякой фразѣ говорили: бра-
во! *c'est beau, c'est ingénieux, sublime*; а я думалъ:
хорошо, изрядно, высокопарно, темно, и совсѣмъ
не женской языкъ! Глаза мои искали Авшора.
Черноволосая Дама, лѣтъ въ 30, сидѣла всѣхъ
далѣе отъ Аббаши, не слушала, развертывала
книги, нѣмшѣ на клавесинѣ: не трудно было
угадать въ ней сочинительницу. Хозяйка ска-
зала: «я не знаю Авшора, а хотѣла бы поцѣ-
«ловать его» — сказала, и съ великою нѣж-
ностію обняла Маркизу Л*. Всѣ захопали.
Черезъ минушу поставили два стола; при
Дамы и пятеръ Кавалеровъ сѣли играть въ кар-
ты; а другіе, сидя и стоя, слушали Аббаши
Д*, который съ великою спрөгосстію судилъ
главныхъ Французскихъ Авшоровъ. «Воль-
«теръ (говорилъ онъ) писалъ единственно для
«своего времени, искусство всѣхъ другихъ поль-
«зовался настоящимъ расположеніемъ умовъ;

«но достоинство его съ переменною обстоя-
«тельствъ необходимо должно теряться. Бу-
«дучи жаденъ къ минувшей славѣ, онъ боялся
«ощѣлиться разумомъ опъ современниковъ,
«боялся далеко опередить ихъ, чѣобы не сдѣ-
«лался темнымъ, невразумительнымъ; хо-
«телъ за каждую спрочу немедленнаго награж-
«денія, и для того искалъ единственно луч-
«шаго выраженія, лучшаго оборота для идей
«обыкновенныхъ; бралъ изъ чужихъ магази-
«новъ, работалъ начисто, не занимаясь изо-
«брѣженіемъ, не думая о собраніи новыхъ мате-
«ріаловъ. Онъ былъ совершенный Эпикуреецъ
«въ умѣ, не мыслилъ о попомствѣ, не вѣрилъ
«безсмертію славы; не сажалъ кедровъ, а сѣ-
«ялъ одни цвѣты, изъ копорыхъ уже многіе
«завяли въ глазахъ нашихъ — а мы еще со-
«временники Вольперовы! Чѣо же будешь че-
«резъ сто лѣтъ? Насмѣшки его надъ разными
«суевѣрными мнѣніями, надъ разными философ-
«скими системами, могутъ ли производить
«сильное дѣйствіе тогда, когда мнѣнія и систе-
«мы переменятся?» А его трагедіи? сказалъ я.
«— Онъ въ совершенствѣ успупаютъ Расино-
«вымъ, опвѣчалъ Аббапъ: въ слогѣ ихъ нѣтъ
«числоты, плавности, сладкаго краснорѣчія
«творца Федры и Андромахи; но много смѣ-
«лыхъ идей, копорыя теперь уже не кажутъ
«ся смѣлыми; много пакъ называемой Фило-
«софіи, копорая не принадлежишь къ суще-
«ству Драмы, а нравится паршеру; много
«вкуса, а мало истинной чувствительности.»—

Какъ! въ Заиръ мало чувствительности? —
«Да, я берусь доказать, что въ Заиръ нѣтъ
«ни одной нѣжной мысли, кою бы не на-
«шлось въ самомъ обыкновенномъ романѣ. До-
«стоинство Вольтерова состоитъ въ одномъ
«выраженіи; но никогда не найдете въ немъ
«жаркихъ изліяній чувства, сильныхъ спре-
«мленій сердца, de grands, de beaux élans de sen-
«sibilité, какъ на примѣръ въ Федръ.» — И
такъ Расинъ великой Трагикъ по вашему мнѣ-
нію? — «Великій Писатель, Стихотворецъ,
«а не Трагикъ. Нѣжная душа его никогда не
«могла принять въ себя трагическаго ужаса.
«Онъ писалъ драматическія Элегіи, а не Траге-
«діи; но въ нихъ много чувства, слогъ несравнен-
«ный, краснорѣчіе живое, ошъ полношны сердца;
«его можно назвать совершеннымъ, и до конца
«вселенной самою лучшею похвалою Французскихъ
«стиховъ будетъ: *они похожи на Расиновы!* Но
«имѣя даръ *цвѣтитъ* нѣжное чувство, совсѣмъ
«не имѣлъ онъ таланта изображать ужасное или
«героическое. Расинъ не представилъ на сценѣ
«ни одного сильнаго характера; въ трагедіяхъ
«его слышимъ великія имена, а не видимъ ни
«одного великаго человѣка, какъ на примѣръ въ
«Корнель.» — И такъ вы опдаете вънецъ
Корнелю? — «Онъ достоинъ былъ родиться
«Римляниномъ, изображалъ великое, какъ свое
«собственное; Герои его дѣйствительно Ге-
«рои; но сильный слогъ его часто слабѣетъ,
«унижается, оскорбляетъ вкусъ; а нѣжности
«Корнелевы почти всегда нестерпимы.» — Чшожъ

вы скажете о Кребийльонъ? — «То, что онъ
«ужаснѣе всѣхъ нашихъ Трагиковъ. Какъ Воль-
«теръ нравился, Расинъ пленяешь, Корнель
«возвеличиваетъ душу: такъ Кребийльонъ пу-
«гаетъ воображеніе; но варварскій слогъ его
«не достоинъ Мельпомены и нашего времени.
«Корнель не имѣлъ для себя образцевъ въ сло-
«гѣ, но часто служишь самъ образцемъ: Кре-
«бийльонъ же имѣлъ дерзость послѣ Расина
«писать грубыми, дикими стихами, и дока-
«заль, что у него не было ни слуха, ни чув-
«ства для красоты Стихотворства. Иногда
«проскакиваютъ въ его Трагедіяхъ хорошіе
«стихи, но какъ будто бы не нарочно, безъ
«его вѣдома и согласія.»

Какой спрашный Аристархъ! думалъ я: хо-
рошо, что у насъ въ Россіи нѣтъ такихъ
грозныхъ Кришиковъ.

Мы съѣли ужинавъ въ 11 часовъ. Всѣ гово-
рили, но въ памяти у меня ничего не оспа-
лось. Французскіе разговоры можно назвать
бѣглымъ огнемъ: такъ быстро летяшь слова
одно за другимъ, и вниманіе едва успѣваетъ
слѣдовать за ними.

Парижъ, Іюня. . . .

Я получилъ отъ Госпожи Н* слѣдующую записку: «Сестра моя, Графиня Д*, кошерую вы «у меня видѣли, желаетъ имѣть подробное «свѣдѣніе о вашемъ опечесствѣ. Нынѣшнія об- «стоятельства Франціи таковы, что всякой «изъ насъ долженъ гошовить себѣ убѣжище «гдѣ нибудь въ другой землѣ. Прошу отвѣ- «чать на прилагаемые вопросы: чѣмъ меня «обяжете.» Я развернулъ большой листъ, на кошоромъ подъ вопросами оставлено было мѣ- сто для отвѣповъ. Вотъ нѣчто для примѣ- ра — разсмѣйшесь!

Вопросъ. Можно ли человѣку съ нѣжнымъ здоровьемъ сносить жестокость вашего кли- мата?

Отвѣтъ. Въ Россіи перпяшъ отъ холода менѣе, нежели въ Провансѣ. Въ теплыхъ ком- насахъ, въ теплыхъ шубахъ, мы смѣемся надъ прескучимъ морозомъ. Въ Декабрѣ, въ Генварѣ, когда во Франціи небо мрачное и дождь льется рѣкою, красавицы наши, при яркомъ свѣтѣ солнца кашающся въ саняхъ по снѣжнымъ брилліаншамъ, и розы цвѣшуть на ихъ лилейныхъ щекахъ. Ни въ какое время года Россіянки не бывающъ столь прелесны, какъ зимою; дѣйствіе холода свѣжитъ ихъ лица, и всякая, входя съ надворья въ комна- шу, кажется Флорою.

Вопросъ. Какое время въ году бываетъ у васъ пріятно?

Отвѣтъ. Всѣ чешыре; но нигдѣ весна не

имѣешь сполько прелеспей, какъ въ Россіи. Бѣлая одежда зимы наконецъ упомляешь зрѣніе; душа желаетъ переменъ, и звонкой голосъ жаворонка раздаётся на высотѣ воздушной. Сердца прейеущихъ опъ удовольствія. Солнце быспрымъ дѣйствіемъ лучей своихъ расшопляетъ снѣжные холмы; вода шумитъ съ горъ, и поселянинъ, какъ мореплавателъ при концѣ Океана, радостно восклицаетъ: земля! Рѣки рвутъ на себѣ ледяныя оковы, пышно выливаясь изъ береговъ, и самой маленькой ручеекъ кажется величественнымъ сыномъ моря. Блѣдные луга, упишанные благошворною влагою, пушятся свѣжею правкою и красятся лазоревыми цвѣтами. Березовыя роши зеленѣютъ; за ними и дремучіе лѣса, при громкомъ гимнѣ веселыхъ пшичекъ, одѣваются лисьями, и Зефиръ всюду разноситъ благоуханіе аромашной черемухи. Въ вашихъ климахахъ весна наступаетъ медленно, едва примѣшнымъ образомъ: у насъ мгновенно слѣпаетъ съ неба, и глазъ не успѣваетъ слѣдовать за ея быспрыми дѣйствіями. Ваша Природа кажется изнуренною, слабою: наша имѣетъ всю пламенную живосъ юности; едва пробуждаясь опъ зимняго сна, является во всемъ блескѣ красоты своей; и что у васъ зрѣешь нѣсколько недѣль, то у насъ въ нѣсколько дней доходитъ до возможнаго расшительнаго совершенства. Луга ваши желтѣютъ въ срединѣ лѣша: у насъ зелены до самой зимы. Въ ясные осенніе дни мы наслаж-

даемся Природою какъ другомъ, съ копорымъ намъ должно разспашься на долгое время — и шѣмъ живѣе бываешъ наше удовольствіе. Наспупаешъ зима — и сельской жишель спѣшишь въ городъ пользовашья общеспвомъ.

Вопросъ. Какія пріятности имѣешъ ваша общеспвенная жизнь?

Отвѣтъ. Всѣ шѣ, копорыми вы наслаждаешесь: спектакли, балы, ужины, каршы и любезность вашего пола.

Вопросъ. Любятъ ли иноспранцевъ въ Россіи? хорошо ли ихъ принимающъ?

Отвѣтъ. Госпепрїимство ешъ добродѣшель Русскихъ. Мы же благодарны иноспранцамъ за просвѣщеніе, за множеспво умныхъ идей и пріятныхъ чувспвъ, копорые были неизвѣспны предкамъ нашимъ до связи съ другими Европейскими землями. Осыпая госпей ласками, мы любимъ имъ доказываешь, что ученики едва ли успупающъ учишелямъ въ искусспвъ жишъ и съ людьми обходишья.

Вопросъ. Уважаете ли вы женщинъ?

Отвѣтъ. У насъ женщина на шронѣ. Слава и любовь, лавръ и роза, ешъ девизъ нашихъ рыцарей.

Угадайте, какой вопросъ теперъ слѣдуешъ?... Много ли дичи въ Россіи? «спрашиваешъ мужъ мой (прибавляешъ Графиня), спраспный охоспникъ спрѣляшь.»

Я опивѣчалъ шакъ, что провинціальный Графъ долженъ закричаешь: ружье! лошадей! въ Россію!

Однимъ словомъ , еспѣли и мужъ и жена
шеперь не прискачущъ къ вамъ въ Москву ,
то не моя вина!

=

П а р и ж ъ , І ю н я

Наконецъ я рѣшился опсказаться на нѣ-
сколько времени опъ Спекшаклей , чпобы
осмотрѣть любопытныя Парижскія окрестно-
сти. Съ чего начать ? Безъ всякаго сомнѣнія
съ Версаліи.

Въ 9 часовъ утра нашъ Посольской священ-
никъ, Г. К* , Русской Арписшъ съ великимъ
шаланшомъ, и я пришли на берегъ Сены; съ-
ли на гальюшъ и поплыли мимо Елисейскихъ
полей, Булонскаго лѣса, многихъ прелесныхъ
загородныхъ домовъ и садовъ. На лѣвой спо-
ронѣ возвышающа замкъ Мёдонъ съ велико-
лѣпною своею террасою (длиною во 150 са-
женъ) и съ густымъ паркомъ. Онъ принадле-
жалъ опкупщику Сервіеню, Министру Лувуа,
Лудовику XIV и Дофину , копорый умеръ
тамъ оспою въ 1711 году. Въ мѣстечкѣ Мё-
донъ жилъ нѣкогда Францискъ Рабле, Авпоръ
романовъ Гарганшюа и Паншагрюель , напол-
ненныхъ оспроумными замыслами , гадкими
описаніями , темными аллегоріями и нелѣпо-
стію. Шесшой-надесять вѣкъ удивлялся его

знаніямъ , уму , шушовспву. Бывъ нѣсколько времени худымъ монахомъ, Рабле сдѣлался хорошимъ Докшоромъ, выпросилъ у Папы отпущную, и прославилъ Монпельерской Университетъ своими лекціями * ; ѣздилъ въ Римъ пошущишь надъ шуфлемъ своего благодѣтеля, взялъ на себя должность приходскаго священника въ Мёдонъ , усердно врачевалъ шѣло и душу своей пасшвы, и писалъ романы, въ кошорыхъ проспосердечный Лафоншенъ находилъ болѣе ума, нежели въ философскихъ пракшапахъ, и кошорые безъ всякаго сомнѣнія подали Сперну мысль сочинить Триспрама Шанди. Рабле жилъ и умеръ шушя. За нѣсколько минушъ до смерти своей сказалъ онъ: «занавѣсь опускается , комедія вся. Je vais chercher un grand peut-être » Духовная его состояла въ слѣдующихъ словахъ: *ничего не имѣю; много долженъ; остальное бѣднымъ.* — Въ деревенькѣ Севъ , извѣспной въ цѣломъ свѣшѣ по своей фарфоровой фабрикѣ (съ кошорою ни Саксонская , ни Берлинская не можешъ сравняшся въ чиспошѣ и въ живописи), мы позавпракали въ кофейномъ домѣ и опсправились въ Версалию пѣшкомъ; видѣли на обѣихъ споронахъ дороги прекрасные дома, сады, пракширы, и нечувспвишельно вошли въ Версаль-

* Такъ что по сіе время, въ память ему, на всякаго новопринимаемаго Докшора въ Монпелье надѣвають Раблееву мантию , кошорая не рѣдко напоминаешъ басню *осла во львиной кожѣ.*

скія аллеи, avenues de Versailles, гдѣ открылся намъ дворецъ. . . .

Лудовикъ XIV хотѣлъ сдѣлать чудо; велѣлъ — и среди пустыни, дикой, песчаной, явились Темпейскія долины и дворецъ, кошорому въ Европѣ нѣтъ подобнаго великолѣпіемъ.

Три двойныя аллеи, одна изъ Парижа, другая изъ Со, прешья изъ Сентъ-Клу, сходящіяся на площади, называемой Place d'armes, гдѣ возвышаются два огромныя зданія. Радуйтесь, естѣли вы любите лошадей: это конюшни. Впереди прекрасная желѣзная рѣшетка; а по концамъ двѣ группы, кошорыя изображаютъ побѣды Франціи надъ Гишпаніею и Нѣмецкою Имперіею. Новая пристройка съ лѣвой стороны, для Королевской гвардіи, имѣетъ видъ палатокъ: хорошо само по себѣ, но разрушаетъ общую симметрію. За площадью передній дворъ (avant-cour) или дворъ Министровъ; у воротъ стоятъ двѣ группы, представляющія Изобиліе и Миръ, два главные предмета дѣлъ Министерскихъ. Прежде всего пошли мы въ придворную церковь, о кошорой Вольтеръ упоминаетъ въ описаніи Храма Вкуса:

Il n'a rien des défauts pompeux
De la chapelle de Versaille,
Ce colifichet fastueux
Qui du peuple éblouit les yeux,
Et dont le connoisseur se raille.

Однакожь многіе знапоки не такъ думаютъ, и вопреки Фернейскому насмѣшнику находятъ

зданіе достойнымъ похвалы, какъ въ гармоніи цѣлаго, шакъ и въ частныхъ украшеніяхъ. Въ церкви служили обѣдню, но никого не было, кромѣ монаховъ. Рѣзная работа и живопись прекрасны; вездѣ богатство, разсыпанное съ блескомъ и со вкусомъ. Между многими хорошими картинами замѣшилъ я Жувеншуву, на которой изображенъ Св. Лудовикъ, Герой и Христіанинъ; побѣдивъ невѣрныхъ въ Египтѣ, онъ печется о раненыхъ и служишь имъ. На одномъ изъ олтарей показывающъ, какъ великую драгоценность, Распятіе изъ слоновой кости, вышиною въ 4 фута: даръ Августа II, Короля Польскаго. Изъ церкви прошли мы въ *Геркулесову залу*, которая огромна своимъ пространствомъ и великолѣпна украшеніемъ. Тутъ возвышающся 20 мраморныхъ Коринѣическихъ пиластровъ, съ жарко-вызолоченными капишелями и базами; но главная красота залы есть плафонъ, расписанный на полотнѣ масляными красками живописцемъ Лемуаномъ, и представляющій Геркулесово боготвореніе (апоѳеозу): самая величайшая картина въ свѣтѣ! Расположеніе, фигуры, выразишельность, служащъ доказательствомъ Лемуанова Генія. Самые лучшіе живописцы ему удивляющся. Тутъ же споящъ двѣ славныя Веронезовы картины: Спасишель и Ревекка. Первая была собственностью Сервишскихъ монаховъ въ Венеціи, которые ни за что не хотѣли продать ее Лудовику XIV; но Сенащъ, узнавъ желаніе Ко-

роля, опнялъ у монаховъ карпину и подарилъ ему. Даже и рамы достойны того, чтобы посмотрѣть на нихъ нѣсколько минутъ: прекрасная рѣзьба! — Залы *Изобилія*, *Венерина*, *Діанина*, *Марсова*, также всего болѣе достойны вниманія по своимъ живописнымъ плафонамъ. Во второй замѣтилъ я древнюю спашую земледѣльца и Дикташора Цинциннаша; въ третьей бюстъ Лудовика XIV; а въ четвертой удивлялись мы Лебрюневой *Даріевой* фамилии, признанной всѣми знапоками за лучшую изъ картинъ его. Онъ писалъ ее въ Фоншенбло; Король всякой день ходилъ смотрѣть его работу и восхищался ею — что имѣло вліяніе на кисть художника. Разсказываютъ, что одинъ Испаліанскій Прелатъ не могъ опъ зависпи видѣть этой карпины, и всегда, будучи во дворцѣ, проходилъ мимо ее зажмуривъ глаза. Подлѣ Лебрюневой спонитъ Веронезова картина, *Странники*, на копорой живописецъ изобразилъ все свое семейство. Въ *Меркуриевой* залѣ были прежде двѣ Рафаэлевы карпины: *Архангелъ Михаилъ* и *Святая фамилія*; но ихъ, къ нашему сожалѣнію, за чѣмъ-то сняли. Тутъ съ любопытствомъ разсматривали мы часы, сдѣланные въ началѣ нынѣшняго вѣка Мораномъ, копорый, подобно нашему Кулыбину, никогда не бывалъ часовщикомъ. Всякой часъ два пѣшуха поютъ махая крыльями; въ ту же секунду выходятъ изъ маленькой дверцы двѣ бронзовыя фигуры съ шимпаномъ, по копорому два Амура бьютъ всякую

четверть спальнымъ молоточкомъ; въ серединѣ декорации являея спашуя Лудовика XIV, а сверху на облакъ спускаея богиня побѣды и держишь корону надъ его головою; внутри играея музыка — и наконецъ вдругъ все исчезаея. — Въ Тронной, подъ великолѣпнымъ балдахиномъ, стоишь престолъ. «Вошь «первый пронъ въ свѣтъ!» сказалъ человекъ, который водилъ насъ по дворцу: *былъ*, разумѣю; но есѣли Богъ не оставилъ Французъ, то солнце Лудовика XIV опяшь возсіяея здѣсь во всей лучезарности!» — Черезъ залу войны, Salon de la Guerre, гдѣ кистъ Лебрюнева вездѣ изобразила побѣды Франціи, вошли мы въ галлерею, которая не даромъ названа большою: она длиною въ 37 сажень, вышиною 8. Прошивъ оконъ сдѣланы зеркальныя аркады, въ которыхъ самымъ прелестнымъ образомъ изображаея садъ, зелень, игра воды. На плафонъ представлена Лебрюнемъ, въ 27 аллегорическихъ картинахъ, Исторія Лудовика въ первыя семь лѣтъ его царствованія. Четыре мраморныя колонны съ осмью пиласпрами окружаюя входъ съ обѣихъ сторонъ галлереи; между пиласпрами, на мраморныхъ подножіяхъ, стоишь древнія спашуи: Бахусъ, Венера (найденная въ городѣ Арль), Веспалка и Муза Уранія: а въ серединѣ, въ четырехъ нишахъ, Германикъ, изваянный славнымъ Аѣинскимъ художникомъ Алькаменомъ; двѣ Вены и Діана. — Въ залѣ мира живопись представляея Францію, сидящую на лазоре-

вомъ шарѣ; Слава вѣнчаетъ ее; Амуры и Миръ соединяють голубей. На другой картинѣ Людовикъ подаетъ масличную вѣшвь Европѣ. — Изъ мирной залы входъ въ Королевины комнаты.... Я вспомнилъ 4 Октября, ту ужасную ночь, въ кошорую прекрасная Марія, слыша у дверей своихъ грозный крикъ Парижскихъ варваровъ и спукъ оружія, спѣшила neodѣтая, съ распущенными волосами, укрышья въ обѣяшіяхъ супруга отъ злобы шигровъ... Не скоро могъ я обратишь глаза на украшеніе и живопись комнатъ. Тутъ всѣ картины представляють славу и поржество женщинъ. Клеопатра подлѣ Антонія, гоповаго бросишья къ ногамъ ея; Царица Родопа смотришь на пирамиду, сооруженную красотъ ея; безсмертная Сафо играеть на лирѣ; Аспазія говоришь съ Аѳинскими мудрецами; Пенелопа распускаеть коверъ; невинныя дѣвы приносять Юпитеру жершву на горѣ Идѣ — и славнѣйшія Царицы древности. — Въ Королевскихъ внутреннихъ комнатахъ замѣтили мы Рафаэлева Іоанна, нѣсколько Веронезовыхъ, Бассановыхъ картинъ, портреты Каперины Валуа, Маріи Медицизы, Франциска I (Рубежовой, Вандиковой, Тиціановой кисти), два древніе бюста, Сципіона Африканскаго (бронзовой съ серебряными глазами) и Александра великаго, порфирový; большіе астрономическіе часы, кошорые бьютъ секунды, показывають мѣсяць, число, день недѣли, дѣйствіе холода и шепла на металлы, и круговращеніе планетъ съ такою

вѣрностію, что во снѣ лѣтъ не могушъ сдѣлашъ ни малѣйшей розницы съ астрономическими таблицами. Лудовикъ XIV спалъ на высокой постелѣ, съ кошорой онъ видѣлъ, сквозь прямую аллею, весь Парижъ передъ собою. Въ маленькихъ комнашахъ, подлѣ Королевскаго кабинеша, храняшся драгоцѣнные гравированные, древніе и новые камни; между ими всего любопытнѣе такъ называемая *печать Микеля Анджела*, на кошорой изображено собираніе винограда. — Осмотрѣвъ театръ, достойный называться Королевскимъ, пошли мы искашъ обѣда.

Версалія безъ Двора какъ тѣло безъ души; осиротѣла, уныла. Гдѣ прежде всякую минушю спучали карешы, тѣснился народъ, шамъ нынѣ едва вспрѣтншся человекъ: мершвая тишина и скука! Всякой жишель казался мнѣ печальнымъ. Въ самомъ лучшемъ шракширѣ заставили насъ два часа ждашъ обѣда. Хозяйка въ оправданіе свое говорила: «Чшо дѣлашъ? «Худыя времена, государи мои! несчастныя времена! Всѣ терпяшъ! и вы потерпите!»

Ушопливъ съ нуждою голодъ свой, поропились мы видѣшъ сады и паркъ, копорые въ окружности сосшавляюшъ верстъ пшъде-сяшъ.

Ничшо не можешъ сравняшся съ великолѣпнымъ видомъ дворца изъ саду; фасада его, вмѣстѣ съ флигелями, простирается на 300 сажень. Тутъ разсѣяны всѣ красоты, всѣ богатства архитекшуры и ваянія. Никшо изъ

Царей земныхъ , ни самый роскошный Соломонъ не имѣлъ такого жилища. Надобно видѣть: описать не возможно. Исчислять колонны, статуи, вазы, статуи, не есть описывать. Огромность, совершенная гармонія частей, дѣйствіе цѣлаго: вопъ чего и самому живописцу не лзя изобразить кистию!

Пойдемъ въ сады, твореніе Ленопра, копорато смѣлый Геній вездѣ сажалъ на протъ гордое Искусство, а смиренную Нашуру, какъ бѣдную невольницу, повергалъ къ ногамъ его.

Къ великолѣнію Царя осуждены;
Мы пребуемъ отъ нихъ огромности блестящей,
Во изумленіе нашъ разумъ приводящей;
Какъ солнцемъ ея бытъ хотимъ ослѣплены.

И такъ не ищите Природы въ садахъ Версальскихъ ; но здѣсь на всякомъ шагу Искусство плѣняетъ взоры ; здѣсь царство кристальныхъ водъ, богини Скульптуры и Флоры, Партеры, цвѣтники, пруды, фонтаны, бассейны, лѣсочки, и между ими безчисленное множество статуй, группъ, вазъ, одна другой лучше, не привлекаютъ, а развлекаютъ вниманіе, такъ что вы не знаете, на что смотрѣть. Вопъ точно дѣйствіе, копорое хотѣли произвести великій Царь и великій художникъ ! Послѣдній безъ сомнѣнія не думалъ, чтобы любопытные зрители разбирали всякую красоту въ особенностяхъ: сколько времени надобно для такого дѣла? Мало и года !

Нѣтъ, онъ воображалъ, что зришель, окинувъ глазами часъ несмѣшныхъ богашествъ, и воскликнувъ въ первую минушу: *великолѣпно!* умолкнешъ опъ изумленія, и не посмѣешь болѣе хвалишь. Я то и сдѣлалъ; въ чувствъ моего ничтожества передвигалъ ноги; переносилъ взоры опъ предмета къ предмету, находилъ все совершеннымъ, и смиренно удивлялся. Лудовикъ XIV съ Ленопромъ запечатали мнѣ воображеніе, кошорое не можешь шупъ ничего придумать, ничего представить иначе. Къ славѣ художника вспомнилъ я Тассово описаніе Армидиныхъ садовъ: какъ оно бѣдно въ сравненіи съ Версальскимъ! Тамъ эспампъ, здѣсь картина. А сколько разъ было сказано, что Художество не угоняется за Поэзією? въ изображеніи *сердца для сердца*, конечно; но во всемъ *картинномъ для глазъ* Поэтъ ученикъ Арписпа, и долженъ шрепешать, когда художникъ беретъ въ руки его сочиненіе.

Въ 1775 году Версальскій садъ прешерпѣлъ страшное опустошеніе: безжалостная съкира подрубила всѣ густыя, высокія деревья, для того (говоряшъ), что они начинали спарѣшья, и походили не на лѣсочки, а на лѣсъ. Спиховорець въ такихъ случаяхъ не принимаетъ никакихъ извиненій, и Делиль въ гармоническихъ спихахъ изъявляешъ свое негодованіе:

O Versailles, ô regrets, ô bosquets ravissans,
Chef-d'oeuvre d'un grand Roi, de Lenotre et du tems!
La hache est à vos pieds, et votre heure est venue!

«Исчезли, продолжаетъ онъ, исчезли вѣш-
«висшыя сшарцы, кошорыхъ величественныя
«главы осѣняли священную главу Царя вели-
«каго! Увы! гдѣ прекрасныя рощи, въ кошо-
«рыхъ веселились Граціи? . . . Амуръ! Амуръ!
«гдѣ прелестныя сѣни, въ кошорыхъ нѣжно
«помилась гордая Моншеспанъ, и гдѣ милая,
«чувствительная Лавальеръ не нарочно оп-
«крыла тайну своего сердца щастливому лю-
«бовнику? Все исчезло, и пернашыя Орфеи,
«успрашенные шукомъ разрушенія, съ горе-
«стію лешашъ изъ мирной обители, гдѣ
«столько лѣтъ въ присутвіи Царей пѣли
«они любовь свою! Боги, кошорыми ваятель-
«ное художество населило сіи тѣнистые хра-
«мы; боги, вдругъ лишенные зеленого покрова,
«поскуютъ, и самая Венера въ первый разъ
«успыдилась наготы своей! . . . Распише, осѣ-
«найшесь, юныя деревья; возвращише намъ
«пшичекъ» . . .

Юныя деревья послушались стихотворца, раз-
рослись, осѣнились — Венера не стыдился
уже наготы своей — пшички возвратились
изъ горестной ссылки, и снова поютъ любовь;
но, ахъ! не въ присутвіи Царей! Никто не
слушаетъ шеперь ихъ пѣсенъ, кромѣ нѣкошо-
рыхъ любопытныхъ иностранцевъ, приходя-
щихъ иногда видѣть садъ Версальскій!

Одно названіе спашуй, кошорыми украшаю-
ся паршеры, фоншаны, лѣсочки, аллеи, заня-
ло бы нѣсколько страницъ; шутъ собраны
лучшія произведенія придцапи лучшихъ вая-

шелей. Упомяну только о древнемъ, колоссальномъ Юпитеръ славнаго Греческаго художника Мирона, сдѣланномъ изъ Паросскаго мрамора. Маркъ-Антоній нашелъ его въ Самосѣ; Августъ поставилъ въ Капитоліи; Германикъ, Траянъ, Маркъ-Аврелій, приносили ему жертвы. Маргарита, Герцогиня Комаринская, подарила его Министру Карла V, Грайвелю, который украсилъ имъ Безансонской садъ свой. Наконецъ, по волѣ Лудовика XIV, Самосской колоссальной Юпитеръ шагнулъ въ Версалію. Я поклонился въ немъ не богу, а глубокой древности, и смотрѣлъ на него съ особеннымъ удовольствіемъ. Время и пространство лишили его ногъ; художникъ Друилли придѣлалъ ихъ; но мнѣ казалось, что древній Зевсъ не твердо стоишь на новыхъ ногахъ.

Въ большомъ зѣринцѣ, въ красивыхъ павильонахъ, за желѣзными рѣшетками видѣлъ я множество зѣрей: львовъ, шигровъ, барсовъ и (что всего любопытнѣе) славнаго риноцера, или носорога. Онъ менѣе слона, но гораздо болѣе всѣхъ другихъ животныхъ. Спрашию смотрѣть на него и въ клѣткѣ: каково же встрѣтѣшься съ нимъ въ пустынь Африканской? Впрочемъ зѣри имѣютъ причину не любить насъ. Чего мы съ ними не дѣлаемъ? Маленькая двуногая шварь садится верхомъ на огромнаго слона, спучишь ему молопомъ въ голову, и правишь имъ какъ овечкою; величественнаго льва какъ суслика запираешь въ клѣтку; оковавъ яроснаго шигра, драз-

нишъ его палкою и смѣется надъ его злобою; беретъ за рогъ носорога, и ведетъ изъ Еѳіопіи въ Версалію. Многихъ живописныхъ называющъ хипрыми; но что ихъ хипрось прошивъ нашей?

Лудовикъ XIV хошя чрезмѣрно любилъ пышность, однакожь иногда скучалъ ею, и въ такомъ случаѣ изъ огромнаго дворца переселялся на нѣсколько дней въ Трианонъ, небольшой увеселишельной домъ, построенный въ Версальскомъ паркѣ, въ одинъ эшажъ, украшенный живописью, убранный со вкусомъ, и довольно просто. Передъ домомъ цвѣшники, бассейны, мраморныя группы.

Но мы спѣшили видѣть маленькой Трианонъ, о кошоромъ говоритъ Делиль:

*Semblable à son auguste et jeune Dcité,
Trianon joint la grace avec la majesté.*

Пріятныя лѣсочки съ Англійскими цвѣшниками окружающъ уединенный домикъ, Любезностію посвященный Любезности и шихимъ удовольствіямъ избраннаго общества. Тутъ не Королева, а только прекрасная Марія, какъ милая хозяйка, угощала друзей своихъ; шущъ, въ низенькой галлерей, закрываемой опъ глазъ густою зеленою, бывали самыя пріятнѣйшія ужины, концершы, пляски Грацій. Софы и кресла обшты собственною работою Маріи Аншунешы; розы, ею вышитыя, казались мнѣ прелеснѣе всѣхъ розъ Намуры. Садъ

Тріанона есть совершенство садовъ Англійскихъ; нигдѣ нѣтъ холодной симметріи; вездѣ пріятный безпорядокъ, простота и красоты сельскія. Вездѣ свободно играютъ воды, и цвѣтущіе берега ихъ ждуть, кажется, паслушки. Прелестный островокъ являеся взору: тамъ, въ дикой густотѣ лѣска, возвышается храмъ Любви; тамъ искусный рѣзецъ Бушардоновъ изобразилъ Амура во всей его любезности. Нѣжный богъ ласковымъ взоромъ своимъ привѣщиваетъ входящихъ; въ чертахъ лица его не видно опасной хитрости, коварнаго лукавства. Художникъ представилъ любовь невинную и щастливую. — Иду далѣе; вижу маленькіе холмики, обработанные поля, луга, сѣна, хижинки, дикой грошъ. Послѣ великолѣпныхъ, умомишельныхъ предметовъ Искусства нахожу Природу; снова нахожу самого себя, свое сердце и воображеніе; дышу легко, свободно; наслаждаюсь тихимъ вечеромъ; радуюсь заходящимъ солнцемъ. . . . Мнѣ хотѣлось бы остановишь, удержишь его на лазурномъ сводѣ, чтобы долѣе бышь въ прелестномъ Тріанонѣ. Ночь наступаетъ. . . . Проспите, мѣста любезныя! — Возвращаюсь въ Парижъ, бросаюсь на постелю и говорю самому себѣ: «я не видалъ ничего великолѣпнѣе «Версальскаго дворца съ паркомъ, и милѣе «Тріанона съ его сельскими красотою!»

Парижъ, Іюня. . . .

Я былъ нынѣшній день у Вальяна, славнаго Африканскаго путешественника; не засталъ хозяина дома, однакожь видѣлъ его кабинетъ, и познакомился съ хозяйкою, пріятною женщиною, и до крайности говорливою. Вальянъ хошѣлъ съ Мыса Доброй Надежды пробраться черезъ пустыни Африканскія до самаго Египта: глубокія рѣки, неизмѣримыя песчаныя степи, гдѣ вся Природа мертва и бездушна, заставили его возвратиться назадъ; но онъ во внутренности Африки былъ далѣе другихъ путешественниковъ. Весь Парижъ читаетъ теперь описаніе его романическаго странствія, въ которомъ Авторъ изображаетъ себя маленькимъ Тезеемъ, сражается съ чудовищами, и стрѣляетъ слоновъ какъ зайцевъ. Парижскія Дамы говорятъ: *il est vaillant, ce Monsieur de Vaillant!* Желая быть вторымъ Руссо, онъ ужаснымъ образомъ бранилъ просвѣщеніе, хвалилъ дикихъ, находилъ въ Кафріи милую для своего сердца, привлекательную Нерину; гоняется за нею какъ Аполлонъ за Дафною, прячетъ ея передникъ, когда она въ рѣкѣ купается; не можетъ нарадоваться невинностію смуглой красавицы; клянется самому себѣ не употреблять ее во зло, и хранилъ клятву. Вальянъ вывезъ изъ Африки нѣсколько звѣриныхъ кожъ, пернатыхъ чучелъ, Готтешонскихъ орудій и матерію для двухъ большихъ томовъ. Слогъ его чистъ, вырази-

теленъ, иногда живописенъ; и Госпожа Вальянъ съ гордымъ видомъ объявила мнѣ, что въ послѣднія 15 лѣтъ Французская Литтература произвела только двѣ книги для безсмертія: Анахарсиса и путешествіе мужа ея. Оно прекрасно, сказалъ я: но читая его, удивляюсь, какъ можно оставить милое семейство, общество, всѣ пріятныя удобства Европейской жизни, и скинуться за океаномъ по неизвѣстнымъ степямъ, чтобы вѣрнѣе другихъ описать какую нибудь ишичку. Теперь, видя васъ, еще болѣе удивляюсь. — «Видя меня?» — Имѣешь такую любезную супругу, и добровольно съ нею расстаешься! — «Государь мой! любопытство имѣешь своихъ мучениковъ. Мы женщины созданы для неподвижности; а вы всѣ Калмыки — любите скинуться, искаешь Богъ знаетъ чего, и не думаешь о нашемъ покоѣ.» — Я старался увѣрить Госпожу Вальянъ, что у насъ въ Россіи мужа гораздо нѣжнѣе, не любящаго расставаться съ женами, и швердящаго пословицу: *Донъ, Донъ, а лучше всего домъ!* — Она дозволила мнѣ прийти къ ней въ другой разъ, чтобы познакомиться съ ея мужемъ, который опять собирается ѣхать въ Африку!

Я пришелъ сюда для того, чѣмбы видѣть домъ, въ кошоромъ Буало писалъ сапиры свои, веселился съ друзьями, и гдѣ Мольеръ спасъ жизнь всѣхъ лучшихъ Французскихъ Писателей тогдашняго времени. Помните ли этотъ забавный анекдотъ? Хозяинъ, Расинъ, Лафоншенъ, Шапель, Молсеръ, ужинали, пили, смѣялись, и наконецъ вздумали *Гераклитствовать*, оплакивать жишейскія горести, проклиная судьбу, находя, по словамъ одного Греческаго Софиста, что первое щасіе есть. . . не рожись, а второе умереть какъ можно скорѣе. Буало, не теряя времени, предложилъ друзьямъ своимъ броситься въ рѣку. Сена была не далеко, и дѣти Аполлоновы, разгоряченные виномъ, вскочили, хотѣли бѣжать, лезъ въ объятія смерти. Одинъ благоразумный Мольеръ не вспалъ съ мѣсяца, и сказалъ имъ: «друзья! намѣреніе ваше похвально; но теперь «ночь: никто не увидитъ героическаго конца «Поэтовъ. Дождемся Феба, отца нашего; и «тогда весь Парижъ будетъ свидѣтелемъ «славной смерти дѣшей его!» Такая щасливая мысль всѣмъ полюбилась, и Шапель, наливая рюмку, говорилъ: «правда, правда; ушопимся завтра, а теперь допьемъ остальное «вино!» — По смерти стихотворца Буало жилъ въ его домъ придворный Медикъ Жандронъ. Вольперъ, будучи у него въ гостяхъ, написалъ карандашемъ на стѣнѣ:

C'est ici le vrai Parnasse
Des vrais enfans d'Apollon :
Sous le nom de Boileau, ces lieux virent Horace,
Esculape y paroît sous celui de Gendron.

Теперь эшопъ домъ принадлежишъ господи-
ну. . . забылъ имя.

Деревенька Опѣль славилась нѣкогда хоро-
шимъ виномъ своимъ ; но слава ея прошла :
нынѣшнее Опѣльское вино никуда не годишся.
Я не могъ выпить рюмки. — Смеркается ;
спѣшу въ городъ.

=

Сен - Дени.

Вселенная любовь иль страхъ,
Цари! что вы по смерти? . . . прахъ!

То есть, я былъ въ Аббатствѣ Св. Діони-
сія, на кладбищѣ Французскихъ Царей, кошо-
рые всѣ, въ глубокой пишинѣ, лежашъ другъ
подлѣ друга: колѣно Меровеево, Карлово, Ка-
пепово, Валуа и Бурбонское. Я напрасно
искалъ гробницы Ярославовой дочери, прекра-
сной Анны, супруги Генриха I, кошорая по
смерти его вышла за Графа Крепи, и сконча-
ла дни свои въ Жанлизскомъ монастырѣ, ея
основанномъ; другіе же Историки думаютъ,
что она возвратилась въ Россію. Какъ бы то

ни было, но ея кеношаѣ нѣшъ подлѣ монумента Генриха I. Вообразите чувство юной Россіянки, которая, оставляя свою милую отчизну и семейство, ѣдетъ въ чужую, дальнюю землю, какъ въ темный лѣсъ, не зная тамъ никого, не разумѣя языка — чтобы быть супругою неизвѣстнаго ей человека! . . . Слѣдственно и тогда приносились горестныя жертвы Полишкѣ! Анна должна была перемѣнить законъ, во время самыхъ жаркихъ раздоровъ Восточной и Западной Церкви: что очень удивительно. Генрихъ I заслуживалъ быть ея супругомъ; онъ славился мужествомъ и другими Царскими достоинствами. Любовь заключила второй брачный союзъ ея; но Анна не долго наслаждалась счастьемъ любви: Графъ Крепи былъ убитъ на поединкѣ однимъ Бришанскимъ рыцаремъ.

Я поклонился гробу Лудовика XII и Генриха IV. . . .

Великій человекъ достоинъ монумента,
Великій Государь достоинъ олтарей.

Гробъ Франциска I, прозваннаго *Отцемъ Искусствъ и Наукъ*, великолѣпно украшенъ благодарнымъ Художествомъ; но монументъ перваго изъ новыхъ военачальниковъ, Александра храбросію, Фабія благоразуміемъ — однимъ словомъ, Тюрена, всѣхъ другихъ достойнѣе примѣчанія. Герой кончается въ объятіяхъ Безсмертія, которое вѣнчаетъ его лаврами.

Храбрость и Мудрость стояшъ подлѣ его гроба: одна въ ужасѣ, другая въ горестномъ изумленіи. Черная мраморная доска ждетъ эпитафій: для чего не вырѣжешь на ней слѣдующихъ стиховъ, не знаю къмъ сочиненныхъ:

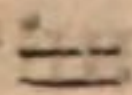
Turenne a son tombeau parmi ceux de nos Rois ;
Il obtint cet honneur par ses fameux exploits ;
Louis voulut ainsi couronner sa vaillance,
Afin d'apprendre aux siècles d'avenir ,
Qu'il ne met point de différence
Entre porter le sceptre et le bien soutenir.

Честъ Франціи, Тюренъ,
Съ Царями погребенъ.
Симъ Лудовикъ его и въ гробъ награждаетъ,
Желая свѣту доказатьъ,
Что онъ единымъ починаетъ,
На пронъ бытъ, или пронъ славно защищать.

Я не буду говоришь вамъ о спранныхъ барельефахъ Дагобершовой гробницы, на которыхъ изображены дьяволы въ дракѣ, Св. Діонисій въ лодкѣ и Ангелы съ подсвѣчниками: мысль и работа достойны варварскихъ вѣковъ. Король Дагоберъ основалъ Діонисіево Аббатство. Не буду описывать вамъ и шамошняго сокровища, золотыхъ распятій, священныхъ гвоздей, рукъ, ногъ, волосовъ, лоскутьевъ, подаренныхъ Аббатству разными Королями и благочестивыми людьми. Замѣчу только вѣнецъ Карла Великаго, скипетръ и державу Генриха IV, мечъ Лудовика Святаго (которымъ онъ въ Африкѣ и въ Азіи рубилъ не-

вѣрныхъ,) поршрешъ шакъ называемой Орлеанской дѣвственницы, славной Героини Вольперовой Поэмы, и большую древнюю чашу, сдѣланную изъ воспочнаго агаша для Египетскаго Царя Пшоломея Филадельфа, съ изображеніемъ Вакхова торжества.

Св. Діонисій, Папронъ Франціи, проповѣдывалъ въ Галліи Хрисціанство, и былъ казненъ злыми язычниками на Монмартрѣ. Каполическія Легенды говорятъ, что онъ послѣ казни спалъ на ноги, взялъ въ руки опрубленную голову свою и шелъ съ нею версты чешыре. Одна Парижская Дама, разсуждая о семъ чудѣ, сказала: *cela n'est pas surprenant; il n'y a que le premier qui coute.*

П а р и ж ъ, Іюня. . . .

Сколько разъ былъ я въ Булонскомъ лѣсу, не видавъ славной *Бездѣлки*! Сегодня видѣвъ ее, хвалилъ вкусъ хозяина, жалѣлъ о нынѣшней судьбѣ его. Вы догадаетесь, что я говорю о Булонскомъ увеселительномъ домѣ Графа д'Аршуа, называемомъ *bagatelle*, и вспомните, что сказалъ объ немъ Делиль:

*Et toi, d'un Prince aimable ô l'asyle fidelle,
Dont le nom trop modeste est indigne de toi.
Lieu charmant! etc.*

Въ концѣ лѣса, почти на самомъ берегу Сены, возвышается прекрасный павильонъ, съ золошою надписью на дверяхъ: *parva, sed arta; малъ, но покоенъ*. У крыльца стоить мраморная Нимфа, и держишь на головѣ корзину съ цвѣтами : въ эту корзину ставишся ночью хрустальный фонарь для освѣщенія крыльца. Первая комната столовая, гдѣ изъ двухъ дельфиновъ бьешъ вода и льешся въ обширный бассейнъ, окруженный зеленью; зеркала повсюду дѣйствіе фонтана. Опшуда входъ въ большую ропонду, украшенную спеклами, барельефами, арабесками и разными аллегорическими фигурами. Къ залъ примыкають два кабинета : баня и будуаръ, гдѣ все нѣжно и сладострасшно. На картинахъ улыбаешся Любовь, а въ альковѣ кроюшся Воспорги. . . не смѣю взглянуть на постелю. Въ верхнемъ этажѣ спальня бога Марса: вездѣ пики, каски, шрофеи, знаки сраженій и побѣдъ. Но Марсъ друженъ съ Кипридою: взгляните на право. . . . шупъ маленькой пайный кабинетъ, гдѣ представляюшся глазамъ знаки другаго роду сраженій и побѣдъ: Спыдливосшь умираешъ, Любовь поржесшвуешъ. Цвѣшъ дивана, креселъ и другихъ приборовъ, ешъ самый нѣжный шѣлесный; одни Амуры умѣють такъ красишь. Подойдите къ окну: видъ прелесшный! Течение Сены, Лоншанскій монастырь, мостъ Нѣльи, образують самой живописный ландшафтъ. — Наконецъ вы узнаете, что эшотъ павильонъ ешъ въ самомъ дѣлѣ волшебный, будучи по-

спроенъ, ошдѣланъ, убранъ въ пять недѣль: безъ волшебства такихъ чудесъ не дѣлается.

Отъ павильона идушъ двѣ аллеи, и примыкаюшъ къ гранишному утесу, изъ котораго вытекаешъ ручей; за утесомъ пріятный лѣсокъ, посвященный *стыдливой Венерѣ*, à la *Venus pudique*; мраморный образъ ея споишъ на высокомъ подножіи. Тутъ начинаешся садъ Англійской, картина сельской Природы, въ иныхъ мѣстахъ дикой, угрюмой, въ другихъ обрабошанной и веселой. Прежде всего являешся глазамъ большой лугъ, окруженный лѣсомъ и маленькими холмиками; въ серединѣ свѣшлый прудъ, по которому вѣшеръ носишъ лодку. На лѣвой сторонѣ извиваешся пропинка, и приводишъ васъ къ *пустынѣ*; густыя деревья, перепутываясь своими вѣшвями, служашъ ей оградой. Видите маленькой домикъ, покрытый шроспникомъ; въ немъ двѣ комнашы, обклеенныя мохомъ и лисшьями, кухня, нѣсколько деревянныхъ спульевъ, постеля. Тутъ въ самомъ дѣлѣ жилъ когда-то пустынный, въ трудахъ и воздержаніи; любопытные приходили видѣшъ уединеннаго мудреца, и слушашъ его наставленія. Онъ съ презрѣніемъ говорилъ о свѣшѣ, называлъ его забавы адскими игрищами, женскую красоту приманкою Сашаны, а любовь (боюсь сказашъ) самимъ дьяволомъ. Купидонъ раздраженный такимъ дерзскимъ *Эротохуленіемъ*, рѣшилсѣ ошмспишъ Анахорету, шроспрѣлилъ его насквозъ своею кипарисною стрѣлой, и показалъ ему вдали

сельскую красавицу, кошорая на берегу Сены рвала фїялки. Пустынникъ воспламенился; забылъ свое ученіе, свою густую бороду, и сдѣлался Селадомъ. Далѣе молчитъ исторія; но изустное преданіе говоритъ, что онъ былъ несчастливъ въ любви, и хошя обрилъ себѣ бороду, хошя обрѣзалъ длинное свое плащье, но красавицѣ не могъ понравиться; съ опчаянія записался въ солдашъ, дрался съ Англичанами, былъ раненъ и принявъ въ домъ Инвалидовъ, гдѣ Графъ д'Аршуа давалъ ему столбировъ пенсіи. — Близъ домика часовня; поле, кошорое Анахоретъ обрабатывалъ, и ручей, кошорымъ онъ утолялъ свою жажду.

Вздохнувъ о слабости человѣческой, иду далѣе, и вдругъ являешся передо мною высокой обелискъ, исписанный таинственными гіероглифами. Жаль, что Египетскіе жрецы не оставили мнѣ ключа своей науки; сказываютъ, что на сей пирамидѣ помѣщена вся ихъ мудрость. За обелискомъ, по цвѣтущимъ лугамъ, извивающся тропинки, текутъ ручейки, возвышающся красивые мостики и павильоны. Одинъ изъ нихъ построенъ на скалѣ; всходъ неудобенъ, труденъ . . . эше павильонъ *Философїи*, кошорая не всякому дается. Видъ его снаружи не привлекателенъ, спранный, гошическій: въ знакъ того, что Философія мила только Философамъ, а другимъ кажется едва ли не сумазбродствомъ. Внутренность украшена медальйонами Греческихъ мудрецовъ; а разноцвѣтныя окончины представляютъ

вамъ всякую вещь разноцвѣтною: эмблема несогласія умовъ и мнѣній человѣческихъ. Внизу павильона грошъ, куда лучи солнца проникающъ сквозь разсѣлины камней, гдѣ собраны всѣ произведенія минеральнаго царства. — Съ другой дикой скалы спремится большой каскадъ, шумишъ и вливается пѣною въ кристаллъ пруда, котораго тихія струи омывающъ въ одномъ мѣстѣ черную мраморную гробницу, обсаженную кипарисами: предметъ прогашельный для всякаго, кто любилъ и терялъ милыхъ!

Ктожъ милыхъ не терялъ? Оспавъ холодный свѣтъ,
И гореснѣ раздѣлай съ унылыми древами,
Съ кристалломъ помныхъ водъ и съ пѣжными цвѣтами;
Чувствительный во всемъ себѣ друзей найдетъ.

Тамъ урну хладную съ любовью освѣщаютъ

Тополь высокій, блѣдный шисъ,

И шны, другъ мертвыхъ, кипарисъ!

Печальныя сердца пивсю пріятность знаютъ.

Любовникъ пѣжный миршы рветъ.

Для славы гордый лавръ расщепъ;

Но шны милѣе шѣмъ, которые спешаютъ

Надъ прахомъ счастья и друзей!

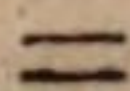
Делиль.

Хошите ли, подобно Орфею, за любезною шѣнію сойти въ Плутонovo царство? Есть ли у васъ сладкогласная лира? . . . Земля разверзается передъ вами: вы спускаетесь въ глубины ея по каменнымъ ступенямъ, и препещете отъ ужаса; густой мракъ окружаешъ

вась. Поздно думашъ о возвращеніи; надобно ишши впередъ, въ ночной шемношъ, въ неизвѣстности. Безпокойное воображеніе мечтаетъ объ адскихъ чудовищахъ, слышишь грозный шумъ Сшикса и Коциша; скоро, скоро залаешь Церберъ. . . Не бойшесь: быспрый лучъ свѣта издали озаряетъ ваши глаза — еще нѣскольکو шаговъ, и вы опятъ въ подсолнечномъ міръ, на берегу журчащей рѣчки, среди прелесныхъ ландшафтовъ. Здѣсь, любезные друзья, остановишесь со мною; сядыше на мягкомъ дернѣ, и насладишесь пріятнымъ вечеромъ. Не хочу болѣе описывать; описаніе можетъ наскучить. . . но никогда, никогда не скучилось бы вамъ гулять въ Булонскомъ саду Графа д' Аршуа!

На возвращномъ пуши въ городъ случилась со мною странность. Смерклось; я шелъ одинъ какъ можно тише, какъ можно чаще останавливаясь и смотря на всѣ стороны. Скачешъ кареша. Я слышу голосъ: *arrête! arrête! стой!* Кучеръ удержалъ лошадей. Вышли два человекъ, прямо ко мнѣ; оглядѣли меня съ головы до ногъ, и спросили: кто я? — Иностранецъ. Что вамъ угодно? — «Не вы ли «ходили въ Булонскомъ лѣсу съ Господиномъ «Лаклосомъ?» — Я ходилъ въ Булонскомъ лѣсу одинъ, и не знаю Господина Лаклоса. — «Тѣмъ «лучше, или тѣмъ хуже. По крайней мѣрѣ не «обѣхала ли васъ дама верхомъ, въ зеленомъ «Амазонскомъ плашѣ?» — Я не примѣтилъ. Но что значатъ ваши вопросы, государи мои?

— «Такъ; намъ нужно знать. Извините.» —
Они приподняли шляпы, прыгнули въ карету
и поскакали.

Парижъ, Іюня. . . .

Я былъ въ Марли; видѣлъ черпогъ солнца
* и 12 павильоновъ, изображающихъ 12 зна-
ковъ Зодіака; видѣлъ Олимпъ, долины Темпей-
скія, сады Альциноевы; однимъ словомъ, впо-
рую Версалю, съ нѣкошорыми особливыми оп-
шѣнками. вмѣсто подробнаго описанія, вошъ
вамъ худой переводъ Делилевыхъ прекрасныхъ
сшиховъ, въ копорыхъ онъ прославляешъ
Марли:

Тамъ все велико, все прелестно,
Искусство славно и чудесно;
Тамъ испицный Арминъ садъ,
Или великаго Героя
Доспойный мирный верпоградъ,
Гдѣ онъ въ обьяпіяхъ покоя
Еще желаешъ *побъждатъ*
Напуру смѣлыми шрудами,
И каждый шагъ свой означаешъ
Могущесшвомъ и чудесами,

* Солнце, какъ извъспно, было девизомъ Лудовика XIV. Ко-
ролевскій павильонъ, построенный среди двѣнадцати дру-
гихъ, называется *солнечнымъ*.

Едва пояшными уму.
Спихи творческой Природы
Подвласны кажутся ему;
Въ его рукахъ земля и воды.
Тамъ храмы въ рощахъ Ореадъ
Подъ кровомъ зелени блистающъ;
Тамъ бронзы дышущъ, говорящъ;
Тамъ рѣки шокъ свой пресѣкающъ,
И вверхъ стремяся упадающъ
Жемчужнымъ, радужнымъ дождемъ,
Лучами солнца озлащеннымъ;
Пошомъ, извивистымъ пушемъ,
Древями шемно ошпеннымъ,
Едва журчащъ среди луговъ.
Тамъ, въ тихой мрачности лѣсовъ,
Вездѣ встрѣчающся Сильваны,
Подруги скромныя Діаны.
Тамъ каждый мраморъ — богъ, лѣсочикъ вся-
кой — храмъ *
Герой, извѣстный всѣмъ спранамъ,
На лаврахъ славы опдыхая,
И будно весь Олимпъ сзывая
Къ себѣ на велепный шръ,
Съ богами торжествуетъ миръ.

Надобно бышь механикомъ, чшобы поняшь
чудесность Марлійской водяной машины; ея
горизонтальныя и вершикальныя движенія,
дѣйствіе насосовъ, и проч. Дѣло состоишь
въ томъ, чшо она беретъ воду изъ рѣки Се-
ны, поднимаетъ ее вверхъ, вливаетъ въ шру-
бы, проведенныя въ Марли и въ Трианонъ.
Изобрѣтатель сей машины не зналъ грамо-
шъ.

* Я удержалъ въ этомъ славномъ стихѣ мѣру оригинала.

Какъ обогащены Искусствомъ все мѣста вокругъ Парижа! Часпо хожу на гору Валеріанскую, и тамъ, сидя подлѣ уединенной часовни, смотрю на великолѣпныя окрестности великолѣпнаго города.

Я не забылъ Эрмишажа, сельскаго дома Госпожи д'Епинне, въ которомъ жилъ Руссо и гдѣ сочинена Новая Элоиза; гдѣ Авторъ читалъ ее своей просвѣдливой Терезѣ, которая, не умѣвъ счесть до сѣхъ, умѣла чувствовать красоты безсмертнаго Романа, и плакала. Домъ маленькой, на пригоркѣ; вокругъ сельскія равнины.

Былъ и въ Монморанси, гдѣ написанъ Эмиль; былъ и въ Пасси, гдѣ жилъ Франклинъ; былъ и въ Бельвю, достойномъ своего имени *; и въ Сен-Клу, гдѣ бѣеши славнѣйшій искусствен- ный каскадъ въ Европѣ; былъ я и въ разныхъ другихъ городкахъ, деревенькахъ, замкахъ, по чему нибудь достойныхъ любопытства.

=

Парижъ, Іюня . . .

Наемный слуга мой Бидеръ, который (за 24 су въ день) всюду меня провожаетъ, зная (по словамъ его) Парижъ какъ свой чердакъ, давно

* Бельвю значить прекрасный видъ.

уже приспупалъ ко мнѣ, чшобы я шелъ смотрѣть Царскую кладовую, *Garde-meuble du Roi*. «Сшыдно, государь мой, сшыдно! Бышь при мѣсяца въ Парижѣ, и не видашь еще самой любопышнѣйшей вещи! Что вы здѣсь дѣлаешъ? бѣгаете по улицамъ, по шеапрамъ, по лѣсамъ, вокругъ города! Вошъ вамъ шляпа, просшь; надобно непременно ишши въ кладовую!» — Я надѣлъ шляпу, взялъ просшь, и пошелъ на мѣсто Лудовика XV въ *Garde-meuble*, большое зданіе съ колоннами.

Въ самомъ дѣлѣ я видѣлъ шамъ множесшво рѣдкихъ вещей, серебра и золоша, драгоценныхъ камней, вазъ и всякаго роду оружія Любопышнѣе всего: 1) круглой серебряный щипъ, около шрехъ фушовъ въ діаметрѣ, найденный въ Ронѣ близъ Ліона, представляющій (*en bas-relief*) сраженіе конницы, и подаренный, какъ думаютъ, Гишпанскимъ народомъ Сципіону Африканскому; 2) спальные лапы Франциска I, съ рѣзною работою по рисунку Юлія Романа, шакія легкія, чшо ихъ можно поднять одною рукою (онъ въ нихъ сражался при Павіи, гдѣ Французы *все потеряли, кромѣ чести*; *tout est perdu hormis l'honneur*, писалъ Францискъ къ мапери, будучи въ плѣну у непріятеля со всѣми своими Генералами); 3) лапы Генриха II (въ кошорыхъ онъ былъ смертельно раненъ на шурнирѣ Графомъ Монгомерри) и Лудовика XIV, подарокъ Венеціанской Республики; 4) два меча Генриха IV; 5) двѣ пушки съ серебряными лафешами, при-

сланныя Сіамскимъ Царемъ Лудовику XIV, въ доказательство, что у него есть артиллерія *; 6) длинное вызолоченное копье Папы Павла V, копорымъ онъ хотѣлъ заколотъ Венеціанскую Республику; 7) золотая корзинка, осыпанная бриліаншами и рубинами; 8) золотая церковная утварь Кардинала Ришельё, также осыпанная драгоценными каменьями; 9) богатое сѣдло, подаренное Султаномъ Лудовику XV — и наконецъ шелковыя каршинныя обои, за копорыя Францискъ I заплашилъ около 100,000 талеровъ Фламандскимъ художникамъ, и на копорыхъ вышканы сраженія Сципіоновы, дѣянія Апостольскія и басни Псиши, по рисунку Юлія Романа и Рафаэля. Тутъ же хранятся и лучшія произведенія Гобелинской фабрики, заведенной въ Парижъ Кольбертомъ: работа удивительная правильностію рисунка, блескомъ красокъ, нѣжными оплѣнками шелковъ, такъ, что тканье не уступаетъ въ ней живописи. — Слуга мой Бидеръ безпрестанно говорилъ: eh bien, Monsieur, eh bien, qu'en dites-vous?

Теперь скажу вамъ нѣсколько словъ о Бидерѣ. Онъ родомъ Нѣмецъ, но забылъ свой природный языкъ; живешь со мною въ одной *Отели*, только на чердакѣ; бѣденъ какъ Ирѣ, а честенъ какъ Сократъ; покупаетъ мнѣ все дешево, и бранишь меня, ешьли гдѣ нибудь заплачу

* Ему сказали, что Лудовикъ не считаетъ его опаснымъ своимъ непріятелемъ, полагая, что у него нѣтъ пушекъ.

лишнее. Однажды, всходя на лѣспницу, я выронилъ завернутые въ бумажку пять ливировъ: онъ шелъ за мною, поднималъ ихъ и принесъ ко мнѣ. Ты самый честный слуга, Бидеръ! говорю ему. Il faut bien que je le sois, Monsieur, pour ne pas dementir mon nom *, опивчаешъ мой Нѣмецъ. Не помню, за что я сказалъ ему грубость. Бидеръ отступилъ два шага назадъ. . . Monsieur, de choses pareilles ne se disent point en bon françois. Je suis sensible pour le souffrir. Я разсмѣялся. Riez, Monsieur: je rirai avec vous; mais point de grossieretés, je vous en prie. — Однажды Бидеръ пришелъ ко мнѣ весь въ слезахъ и сказалъ, подавая листъ газетъ: «читайте!» Я взялъ и прочиталъ слѣдующее: «Сего Маія 28 дня, въ 5 часовъ утра, въ улицѣ Сен-Мери заспрълился слуга господина N. Прибѣжали на выспръль, отворили дверь. . . несчастный плавалъ въ крови своей; подле него лежалъ писмошъ; на сшѣнѣ было написано: quand on n' est rien, et qu'on est sans espoir, la vie est un opprobre, et la mort un devoir; а на дверяхъ: aujourd'hui mon tour, demain le tien. Между разбросанными по столу бумагами нашлись спихи, разныя философическія мысли и завѣщаніе. Изъ первыхъ видно, что сей молодой человѣкъ зналъ наизустъ опасныя произведенія новыхъ Философовъ; вмѣсто утѣшенія, извлекалъ изъ каждой мысли ядъ для души своей, необразованной воспитаніемъ для чте-

* Бидеръ по-Нѣмецки значить добрый или честный.

нія такихъ книгъ, и сдѣлался жертвою мечпательныхъ умствованій. Онъ ненавидѣлъ свое низкое состояніе, и въ самомъ дѣлѣ былъ выше его, какъ разумомъ, такъ и нѣжнымъ чувствомъ; цѣлыя ночи просиживалъ за книгами, и покупалъ свѣчи на свои деньги, думая, что строгая честность не позволяла ему прашить на то господскихъ. Въ завѣщаніи говоритъ, что онъ сынъ любви, и весьма прогашельно описываетъ нѣжность второй матери своей, добродушной кормилицы; ошказываетъ ей 130 ливровъ, опечеству (en don patriotique) 100, бѣднымъ 48, заключеннымъ въ темницѣ за долги 48, луидоръ шѣмъ, которые возмущъ на себя трудъ предашь землѣ прахъ его, и при луидора другу своему, слугѣ Нѣмцу, живущему въ Британской Отели. Комисаръ нашелъ въ его ларчикѣ болѣе 400 ливровъ. — «Три луидора ошказаны мнѣ, сказалъ чувствительный Бидеръ: онъ былъ съ ребяческа «другомъ моимъ и рѣдкимъ молодымъ человекомъ; вмѣсто того, чтобы шашапья по «шрактирамъ, ходилъ всякой день на нѣсколь- «ко часовъ въ кабинетъ чтенія, и всякое Во- «скресенье въ шеапръ. Не рѣдко со слезами го- «варивалъ мнѣ: Генрихъ! будемъ благородны «сердцемъ! заслужимъ собственное свое прочте- «ніе! Ахъ! я не могу пересказать вамъ всѣхъ «рѣчей его: Жакъ говаривалъ какъ самая умная «книга; а я, бѣднякъ, не умѣю сказать двухъ «красивыхъ словъ. Съ нѣкошораго времени онъ «спалъ задумчивъ, ходилъ повѣся голову и

«любилъ разсуждать со мною о смерти. Дней «шесть мы не видались: вчера узналъ я, что «Жаку наскучила жизнь, и что въ свѣшѣ не спало «одного добраго человѣка!» — Бидеръ плакалъ какъ ребенокъ. Я самъ былъ сердечно пронутъ. Бѣдный Жакъ! . . Гибельныя слѣдствія полу-Философіи! Drink deep or taste not, *пей много, или не пей ни капли*, сказалъ Англичанинъ Попъ. Эпикшетъ былъ слугою, но не убилъ себя.

=

Эрменонвиль.

Верстъ 30 отъ Парижа до Эрменонвиля: тамъ Руссо, жертва спраспей, чувствительности, пылкаго воображенія, злобы людей и своей подозрительности, заключилъ бурный день жизни тихимъ, яснымъ вечеромъ; тамъ послѣднее дѣло его было — благодѣяніе, послѣднее слово — хвала Природѣ; тамъ въ мирной сѣни высокихъ деревъ, дружбою насаженныхъ, покоился прахъ его. . . Туда спѣшашъ добрые спранники, видѣшь мѣста, освященные невидимымъ присутствіемъ Генія, — ходишь по пропинкамъ, на копорыхъ слѣдъ Руссовой ноги изображался — дышашъ тѣмъ воздухомъ, копорымъ нѣкогда онъ дышалъ — и нѣжною слезою меланхоліи оросишь его гробницу.

Эрменонвиль былъ прежде зашемняемъ дремучимъ лѣсомъ, окруженъ болошами, глубокими и бесплодными песками : однимъ словомъ, былъ дикою пусшынею. Но челоѡкъ, богашый и деньгами и вкусомъ, купилъ его, ошдѣлалъ— и дикая, лѣсная пусшыня обрашилась въ прелесшный Англійскій садъ, въ живописные ландшафшы, въ Пуссенеѡу каршину.

Древній замокъ ошался въ прежнемъ своемъ гошическомъ видѣ. Въ немъ жила нѣкогда милая Габріель, и Генрихъ IV наслаждался ея любовію: воспоминаніе, кошорое украшаетъ его лучше самыхъ великолѣпныхъ периспилей! Маленькіе домики примыкаютъ къ нему съ обѣихъ споронъ; свѣшлыя воды спруятся во-кругъ его, образуя множество пріятныхъ оспровковъ. Здѣсь раскиданы лѣсочки; шамъ зеленѣютъ долины; шумъ гропы, шумные каскады; вездѣ Природа въ своемъ разнообразіи — и вы чишаете надпись :

Ищи въ другихъ мѣстахъ Искусства красоты:

Здѣсь видѣ богашья Природы

Есть образъ щасшлиѡой свободы

И милой сердцу просшоты.

Прежде всего поведу васъ къ двумъ гусшымъ деревьямъ, кошорыя сплелись въшвями, и на кошорыхъ рукою Жанъ-Жака вырѣзаны слова: *любовь все соединяетъ*. Руссо любилъ ошдыхать подъ ихъ сѣнію, на дерновомъ канапѣ, имъ самимъ сдѣланномъ. Тушъ разсѣяны зна-ки пасшущеской жизни; на въшвяхъ висятъ

свирѣли, посохи, вѣйки, и на дикомъ монументѣ изображены имена сельскихъ Пѣвцовъ: Теокриша, Виргилія, Томсона.

На високомъ пригоркѣ видише храмъ — *новой Философїи*, который своею архишекшурою напоминаетъ развалины Сибиллина храма въ Тиволи. Онъ не достроенъ; матеріалы готовы, но предразсудки мѣшаютъ совершить зданіе. На колоннахъ вырѣзаны имена главныхъ Архишекторовъ, съ означеніемъ того, что каждый изъ нихъ обрабатывалъ по своему таланту. На примѣръ:

J. J. Rousseau - - - Naturam (Природу).

Montesquieu - - - Justitiam (Правосудіе).

W. Penn - - - Humanitatem (Человѣчество).

Voltaire - - - Ridiculum (смѣшное).

Descartes - - - nil in rebus inane (нѣтъ въ вещахъ пустяго).

Newton - - - lucem (свѣтъ).

Внутри написано, что сей недостроенный храмъ посвященъ Моншаню; надъ входомъ: *познавай причину вещей; а на столпѣ: кто довершитъ?* Многіе писали отвѣтъ на колоннахъ. Одни думаютъ, что несовершенный умъ человѣческій не можетъ произвести ничего совершеннаго; другіе надѣются, что разумъ въ школѣ вѣковъ возмужаетъ, побѣдитъ всѣ затрудненія, dokonчитъ свое дѣло и воцаритъ истину на земномъ шарѣ.

Видѣ, который открываеиъ съ вершины пригорка, веселишъ глаза и душу. Криспаль-

ныя воды, нѣжная зелень луговъ, густая зелень лѣса, представляющъ разнообразную игру свѣтъ и свѣта.

Уныло журчащій ручеекъ ведетъ васъ, мимо дикихъ грошовъ, къ олшарю задумчивости. Далѣе, въ лѣсу, находите мшистый камень съ надписью: *здѣсь погребены кости несчастныхъ, убитыхъ во времена суевѣрія, когда братъ возставалъ на брата, гражданинъ на гражданина за несогласное мнѣніе о Религіи.*—На дверяхъ маленькой хижины, кошорая должна бытъ жилищемъ ошшельника, видите надпись:

Здѣсь поклоняюся Творцу

Природы дивныя и нашему Ошцу.

Перейдите чрезъ большую дорогу, и невольный ужасъ овладѣетъ вашимъ сердцемъ: мрачныя сосны, печальные кедры, дикія скалы, глубокой песокъ, являющъ вамъ каршину Сибирской пусыны. Но вы скоро примиритесь съ нею. . . На хижинѣ, покрышой сосновыми вѣшвями, написано: *Царю хорошо въ своемъ дворцѣ, а лѣснику въ своемъ шалаши; всякой у себя господинъ; а на древнемъ, густомъ вязѣ:*

Подъ свѣію его я съ милой изъяснился;

Подъ свѣію его узналъ, что я любимъ!

Слѣдствено и въ дикой пусынѣ можно бытъ щасшливымъ! — Во внутренности каменнаго ушеса найдете грошъ Жанъ-Жака Рус-

со, съ надписью: *Жанъ-Жакъ безсмертенъ*. Тупъ, между многими девизами и шишуломъ всѣхъ его сочиненій, вырѣзано прекрасное изреченіе Женевскаго Гражданина: *тотъ единственно можетъ быть свободенъ, кому для исполненія воли своей не надобно приставлять къ своимъ рукамъ чужихъ* *. — Идете далѣе, и дикость вокругъ васъ мало по малу исчезаетъ: зеленая мурава, скалы покрышыя можжевельникомъ, шумящія водопады, напоминающъ вамъ Швейцарію, Мельери и Кларанъ; вы ищете глазами Юліана имени, и видите его — на камняхъ и деревьяхъ.

Свѣтлая рѣка течетъ по лугу мимо виноградныхъ садовъ, сельскихъ домиковъ; на другой сторонѣ ея возвышается гошическая башня *прекрасной Габріели*, и маленькая лодочка гошова перевезши васъ. На дверяхъ башни читаете:

Здѣсь было царство Габріели;

Ей надлежало данъ плащъ.

Французы изспари умѣли

Сердцами красотоу даришь.

Архитектура наружности, крыльцо, внутреннія комнаты, напоминающъ вамъ тѣ времена, когда люди не умѣли со вкусомъ ни строить, ни украшать своихъ домовъ, но умѣ-

* Короче: «кто не имѣетъ нужды въ чужихъ рукахъ;» но не такъ живописно.

ли обожашь славу и красавицъ. Здѣсь, думаете вы, здѣсь Король Рыцарь, послѣ военнаго грома, наслаждался пишиною и сердцемъ своимъ въ объятіяхъ милой Габріели; здѣсь сочинилъ онъ нѣжную пѣсню свою:

Charmante Gabrielle,
Percé de mille dards,
Quand la gloire m'appelle,
Je vole au champ de Mars.
Cruelle déparlie!
Malheureux jour!
G'est trop peu d'une vie
Pour tant d'amour *.

И куда ни взглянете въ комнапахъ, вездѣ читаете: charmante Gabrielle! Авторъ Седень сочинилъ здѣсь на голосъ этой пѣсни другую такого содержанія:

Здѣсь Габріели страстной
Взоръ нѣжность изъяслялъ;
Здѣсь богъ войны ужасной
Въ цѣпяхъ любви вздыхалъ.
Французъ въ воспоргъ приходишь
Опѣ имени ея;
Оно на мысль приводишь
Намъ добраго Царя.

Съ нѣжными чувствами выходите изъ башни, и вступаете въ прекрасной лѣсокъ, посвященный Музамъ и Спокойствію. Тутъ

* Вѣроятно, что послѣдніе два стиха не Генриховы. Музыка сей старинной пѣсни очень пріятна.

спремится ручей, подобный Воклюзскому, гдѣ, по увѣренію Италіянскаго Тибулла, травы, цвѣты, Зефиры, птицы и Петрарка о любви говорили. Тутъ въ прохладномъ гробѣ написано:

Являйте, зеркальныя воды,
Всегда любезный видъ Природы
И образъ милой красоты!
Съ Зефирами играйте,
И мнѣ воспоминайте
Петрарковы мечты!

Опѣ-всѣхъ Эрменонвильскихъ домиковъ, живописно разбѣянныхъ по лугу, опличается пошѣ, копорый спроенъ былъ для Жанъ-Жака, но досроенъ уже по смерти его: самый сельской и пріятный! Подлѣ садикъ, огородъ; лужокъ, орошаемый ручейкомъ; густыя деревья; мосшикъ, примкнушый къ двумъ большимъ вязамъ, и маленькой жершвенникъ, съ надписью:

A l'amitié, le baume de la vie.

Дружбѣ, бальзаму жизни.

Подъ сѣнію одного дерева стоишъ канапе, съ надписью:

Жанъ-Жакъ любилъ здѣсь опдыхашъ,
Смотрѣшъ на зелень дерна,
Бросашъ для пшичекъ зерна,
И съ нашими дѣшми играшъ.

Руссо переехалъ въ Эрменонвиль 20 Мая 1778, а умеръ 2 Іюля : слѣдственно не долго наслаждался онъ здѣшнимъ тихимъ уединеніемъ ; успѣлъ только ласкою , обходительностію снискавъ любовь Эрменонвильскихъ жителей, которые по сіе время не могутъ безъ слезъ говорить объ немъ. Слѣшь , Лишперашура, слава, все ему наскучило; одна Природа сохранила до конца милыя права свои на его сердце и чувствительность. Въ Эрменонвиль рука Жанъ-Жакова не бралась за перо, а только подавала милослыню бѣднымъ. Лучшее его удовольствіе состояло въ прогулкахъ, въ дружескихъ разговорахъ съ земледѣльцами и въ невинныхъ играхъ съ дѣтьми. За день до смерти своей онъ ходилъ еще собирать травы: 2 Іюля, въ 7 часовъ утра, вдругъ почувствовалъ слабость и дурношу ; велѣлъ своей Терезѣ распахнуть окно , взглянулъ на лугъ, сказалъ : *comme la Nature est belle!* и закрылъ глаза навѣки. . . . Человѣкъ рѣдкій , Авторъ единственныи ; пылкій въ справахъ и въ слогѣ, убѣдительный въ самыхъ заблужденіяхъ, любезный въ самыхъ слабостяхъ! младенецъ сердцемъ до старости! мизантропъ, любви исполненный! несчастный по своему характеру между людьми, и завидно-щастливый по своей душевной нѣжности въ объятіяхъ Натуры, въ присутствіи невидимаго Божества , въ чувствѣ Его благости и красоты творенія! . . . Прахъ его хранился на маленькомъ прекрасномъ островкѣ, *île des peupliers*, осѣненномъ высоки-

ми пополями. Надобно переѣхать на лодкѣ — и Харонъ говоришь вамъ о Жанъ-Жакъ; сказываешь, что Эрменонвильской цырюльникъ купилъ и просилъ его и не хотѣлъ продать ее за 100 экю; что жена мельникова никому не даетъ садиться на томъ стулѣ, на копоромъ Руссо у мельницы сиживалъ, смотря на пѣнистую воду; что школьный мастеръ хранилъ два пера его; что Руссо ходилъ всегда задумавшись, неровными шагами, но всякому кланялся съ ласковымъ видомъ. Вамъ хочется и слушать переводчика, и читать надписи на берегу, и видѣть скорѣе гробъ Ж. Жаковъ...

Среди журчащихъ водъ, подъ свѣію священной,
Ты видишь гробъ Руссо, наставника людей;
Но памятникъ его неплѣнной
Есть чувство нѣжныхъ душъ и щастіе дѣшей *.

Всякая могила есть для меня какое-то святилище; всякой безмолвный прахъ говоритъ мнѣ:

И я былъ живъ, какъ ты;
И ты умрешь, какъ я.

Сколь же краснорѣчивъ пепелъ такого Автора, копорый сильно дѣйствовалъ на ваше сердце; копорому вы обязаны многими изъ любезнѣйшихъ своихъ идей; копораго душа опчаспи перелилась въ вашу? Монументъ его

* Переводъ одной изъ надписей.

имѣешь видѣ древняго жершвенника; съ одной стороны написано: *ici repose l'homme de la Nature et de la vérité*, *здѣсь покоится человекъ истины и природы*; а на другой сторонѣ изображены играющія дѣти съ машерью, кошорая держишь въ рукѣ томѣ Эмиля; на верху девизъ Жанъ-Жаковъ: *vitam impendere vero*, *жизнь для истины*. На свинцовомъ гробѣ вырѣзано: *hic jacent ossa J. J. Rousseau*, *здѣсь лежатъ кости Руссо*.

Что Руссо въ жизни своей имѣлъ злобныхъ враговъ, не мудрено; но можно ли безъ омерзѣнія слышать, что нѣкоторые хошѣли ругаться и надъ безчувственнымъ прахомъ его, вырѣзывали на гробѣ непристойныя, безстыдныя надписи, бросали грязь на монументъ и ломали его, такъ что хозяинъ, Маркизь Жирарденъ, долженъ былъ приставить караулъ къ острову!

За то Руссо имѣлъ и жаркихъ, ревностныхъ почитателей болѣе, нежели кто нибудь изъ новыхъ Авшоровъ. Ревность нѣкоторыхъ доходила до безумія. Рассказываютъ, что одинъ молодой Французъ, восхищенный швореніями Жанъ-Жака, вздумалъ проповѣдывать его ученіе въ Азіи, и сочинилъ на Арабскомъ языкѣ капихизисъ, кошорый начинается такъ: *Что есть правда? Богъ. Кто ложный пророкъ Его? Магометъ. Кто истинный? Руссо*. Французской Консулъ видѣлъ его въ Бассорѣ въ 1780 году, и никакъ не могъ доказать ему, что онъ сумасшедшій. Скромный Руссо конечно не хо-

пѣлъ такихъ учениковъ. Думаю, что и нынѣшніе Французскіе Орапоры не одолжили бы его своими пышными хвалами: чувствительный, добродушный Жанъ-Жакъ объявилъ бы себя первымъ врагомъ Революціи.

Говорили, что Тереза, жена его, вышла замужъ за слугу Маркиза Жирардена: это неправда. Она гордится именемъ Руссовой супруги, и живетъ одна въ маленькой деревенькѣ Плесси-Бельвиль.

Кто, опершись рукою на монументъ незабвеннаго Жанъ-Жака, видѣлъ заходящее солнце и думалъ о безсмертіи: тотъ наслаждался не малымъ удовольствіемъ въ жизни.

=

ШАНТИЛЬИ.

Dans sa pompe élégante admirez Chantilly,
De heros en heros, d'âge en âge embelli.

Не ожидайте отъ меня пышнаго описанія: я видѣлъ Шантильи въ дурное время, въ дурномъ расположеніи и въ страхъ, чтобы не уѣхала безъ меня почтовая карета. Мысль, что хозяинъ его скидается нынѣ по чужимъ землямъ, какъ бѣдный изгнанникъ, шакже шуманила для глазъ моихъ предметы. Что вамъ сказать? Я видѣлъ великолѣпныя палаши, прекрасныя шпаги, Физическіе Кабинеты,

подземельные ходы съ высокими сводами, рѣдкія оранжереи, огромныя конюшни, большой паркъ, красивыя террасы, *островъ Любви*, пріятный Англійскій садъ, хижины украшенныя какъ дворецъ, чудесную игру водъ и наконецъ лапы Орлеанской дѣвственницы. Я вспомнилъ то великолѣпное, безпримѣрное зрѣлище, которымъ Принцъ Конде веселилъ здѣсь нашего Сѣвернаго Графа. Ночь превратилась въ день; опъ безчисленныхъ огней казалось, что лѣса и воды горѣли; искры сыпались опъ каскадовъ; музыка гремѣла, и охотники, при восклицаніяхъ народа, неслись вихремъ за быспрыми оленями. Такъ и восточные Государи не забавляли гостей своихъ.

Шанпильи окруженъ густымъ лѣсомъ. Тушъ, на большой равнинѣ, гдѣ сходятся 12 безконечныхъ аллей, Великой Конде, Герой и другъ просвѣщенія, давалъ праздники Лудовику XIV и всему Двору его.

Сей лѣсъ напоминаетъ печальную смерть мрачнаго Романиста Прево. Онъ гулялъ въ немъ, и упалъ безъ чувства; его подняли какъ мертваго, вздумали анашомить, и безразсудный лекарь вопкнулъ ему ножъ въ сердце — пронзительный крикъ раздался — Прево былъ еще живъ — лекарь зарѣзалъ его.

Я списалъ въ Шанпильи прекрасную Грувелеву надпись къ Амуру, представленному безъ покрова, безъ оружія и безъ крыльевъ. Какъ умѣю, переведу ее:

Одною нѣжностью богатъ,
Какъ Правда сердцемъ обнаруженъ,
Какъ Непорочность безоруженъ,
Какъ Поспѣшество некрылатъ,
Онъ былъ въ Аспренъ вѣкъ. Уже мы не находимъ
Его нигдѣ; по жизнь въ исканіи проводимъ.

=

П а р и ж ъ, Іюня. . . . 1790.

Вчера цѣлыхъ пять часовъ провелъ я у Госпожи Н*, и не скучно; даже самый прелесный Баронъ, другъ ея, казался мнѣ сноснымъ. Говорили о чувствительности. Баронъ утверждалъ, что привязанность мужчинъ бываетъ гораздо сильнѣе и надежнѣе; что женщины болѣе плачутъ, а мы чаще умираемъ отъ любви. Хозяйка утверждала противоположное, и милымъ голосомъ, съ нѣжнымъ и помнымъ видомъ своимъ рассказала намъ печальный Ліонской анекдотъ. Всѣ были тронуты; я не менѣе другихъ. Госпожа Н* оборотилась ко мнѣ и спросила: «сочиняете ли вы стихи?» — Для тѣхъ, которые любятъ меня, отвѣчалъ я. — «Вотъ вамъ маперія. Дайте мнѣ слово описать это приключеніе въ Русскихъ стихахъ.» — Охотно; но позвольте немного украсить. — «Ни мало. Скажите только, что отъ меня слышали.» — Это слишкомъ просто. — «Истина не пребудетъ украшеній.» — По крайней

мѣръ въ разсказъ можно вмѣстѣ нѣкоторыя мысли, нравственныя истины. — «Дозволяю. Сдержите же слово.» — Я сдержалъ его, и написалъ слѣдующее:

А Л И Н А.

О даръ, достойнѣйшій Небесъ,
Источникъ радости и слезъ,
Чувствительность! сколь ты прекрасна,
Мила — но въ дѣйствіяхъ несчастна! . . .
Внимайте, нѣжныя сердца!

Въ странѣ, украшенной дарами
Природы, щедрого Творца,
Гдѣ Сона свѣтлыми водами
Кропитъ зеленые берега,
Сады, цвѣтушіе луга,
Алина милая родилась;
Плѣняла взоры красою,
А души Ангельской душой;
Плѣняла — и сама плѣнилась.
Одна любовь въ любви законъ,
И сердце въ выборѣ не власно:
Что мило, то всегда прекрасно;
Но нѣжный юноша, Милошъ,
Достоинъ былъ Алины нѣжной;
Какъ спарецъ въ младости уменъ,
Любезенъ всѣмъ, опъ всѣхъ почтенъ.
Съ улыбкой гордой и надежной
Себѣ подруги опъ искалъ;
Увидѣлъ — вольности лишился:
Алинѣ сердцемъ покорился;
Сказавъ: люблю! опѣша ждалъ. . . .
Еще Алина словъ искала;
Боялась сердцу волю дань,

Но все молчаніемъ сказала. —
Другъ друга вѣчно обожая
Они глялись чистосердечно.
Но что въ минушней жизни вѣчно?
Что клятва? — искренній обманъ!
Что сердце? — вѣтреный пираниъ!
Оно въ желаньяхъ своевольпо,
И самымъ щаспьемъ — недовольно.

И самымъ щаспьемъ! — Такъ Милопъ
Осыпанный любви цвѣтами,
Ея нѣжнѣйшими дарами,
Вдругъ спалъ задумчивъ. Часпо онъ,
Ласкаемый подругой милой,
Имѣлъ видъ томной и унылой,
И въ землю пошуплялъ глаза,
Когда блестящая слеза
Люби, чувствительности спраспной
Кашилась по лицу прекрасной;
Какъ въ пламенныхъ ея очахъ
Спыдливість съ нѣжностью сражалась,
Грудь тихо, тайно волновалась,
И розы плѣли на усахъ.
Чего ему не доспавало?
Онъ милой былъ богопворимъ!
Прекрасная дышала имъ!
Но верхъ блаженства есть начало
Унылой томности въ душахъ;
Любовь, воспоргъ, холодность смежны.
Увы! почпожъ сей пламень нѣжный
Не вмѣстѣ гаспетъ въ двухъ сердцахъ?

Любовь имѣетъ взоръ орлиный:
Глаза чувствительной Алины
Могли ль премѣны не видашь?
Могло ль ей сердце не сказать:

«Уже твой другъ не любитъ страстно?»

Она падъется (напрасно!)

Любовь любовью обновить:

Ее легко пайши исканьемъ,

Всегдашней ласкою, спараньемъ;

Но чѣмъ же можно возвращить?

Ничѣмъ! въ немилѣ все не мило.

Алина тоже, что была,

И всѣхъ другихъ пльнять могла,

Но чувствиво друга къ ней просило;

Когда онъ съ нею, скука съ нимъ.

Кто нами пламенно любимъ,

Кто прежде самъ любилъ насъ страстно,

Тому бышь въ тягость наконецъ

Для сердца пвжнаго ужасно!

Милонъ не есть коварный льстецъ:

Не хочетъ больше припворяться,

Влюбленнымъ безъ любви казаться —

И дни проводитъ розно съ той,

Которая одна, безъ друга,*

Проводитъ ихъ съ своей шоской.

Увы! несчастная супруга

Въ молчаніи спрадать должна. . . .

И скоро узнаетъ она,

Что въпреный Милонъ другою

Любезной женщиной пльнень;

Что онъ сражается съ собою,

И, сердцемъ въ горестъ погруженъ,

Винитъ жестокостъ злой судьбины *!

Ударъ послѣдній для Алины!

Ахъ! сердце друга пошеряетъ,

И щастію его мьшатъ

Въ другомъ любимомъ имъ предметъ,

* Женщина, въ которую Милонъ былъ влюбленъ, по словамъ Госпожи Н*, сама любила его; но имѣла твердостъ отка-
зать ему отъ дому, для того, что онъ былъ женатъ.

Любите всехъ мученій въ свѣтъ!
Міръ хладный, жизнь, прошивши ей;
Она бѣжитъ отъ глазъ людей. . . .
Но горестъ лишь себя находишь
Во всемъ, вездѣ, гдѣбъ ни была! . . .
Алина въ мрачной лѣсъ приходишь
(Нещастнымъ тѣнь лѣсовъ мила!)
И видишь храмъ уединенный,
Остатокъ древности священный;
Тамъ въспрь въ развалинахъ свиснишь,
И мраморъ желнымъ мхомъ покрывишь;
Тамъ древность Божеству молилась;
Тамъ послѣ, въ наши времена,
Кровь двухъ любовниковъ струилась:
Извѣстны свѣту имена
Фальдони, пѣжныя Терезы *;
Они живъ вмѣстѣ не могли,
И смерть разлукъ предпочли.
Алина, проливая слезы,
Равняетъ жребій ихъ съ своимъ,
И мыслишь: «Кто любя любимъ,
«Тотъ долженъ быть судьбой доволенъ;
«Въ темницѣ и въ цѣпахъ онъ воленъ
«Объ другъ сладостно мечтаетъ —
«Въ разлукѣ, въ горестяхъ питаетъ
«Себя надеждою щастливой.
«Неблагодарные! за чѣмъ,
«Въ жару любви непрерывливой

* См. III Част. Писемъ Русск. Пут. спр. 84. Церковь, въ кошорой они заспрълились, построена на развалинахъ древняго храма, какъ сказываютъ. Все, что здѣсь говоришь или мыслишь Алина, взято изъ ея Журнала, въ кошоромъ она почти съ самаго дѣтства записывала свои мысли, и кошорый хотѣла сжечь умирая, но не успѣла. За день до смерти несчастная ходила на то мѣсто, гдѣ Фальдони и Тереза умерли себя.

«И въ изступленіи своемъ,
«Вы Небо смертью оскорбили?
«Ахъ! мнѣ бы слезы ваши были
«Споль мило, какъ. . . любовь моя!
«Но щаспьемъ полнымъ насладишься,
«Изливной вдругъ его лишишься,
«И въ тягоспъ другу бышь какъ я. . .
«Въ подобномъ бѣдспвii насъ должно
«Лишь Богу одному судишь! . . .
«Когда мнѣ здѣсь уже не можно
«Для щаспiя супруга жишь,
«Могу еще, на зло судьбинѣ,
«Ему пожертвовашъ собой!»

Вдругъ обнаружились въ Алинѣ
Всѣ признаки болѣзни злой,
И смерть приближилась къ несчастной.
Супругъ у ногъ ея лежалъ;
Невѣрный слезы проливалъ,
И снова какъ любовникъ спраспной
Клялся ей въ нѣжнспи, въ любви;
(Но поздно!) говорилъ: «живи,
«Живи, о милая! для друга!
«Я можешъ бышь виновенъ былъ!»
«Нѣтъ!» — томнымъ голосомъ супруга
Ему сказала: «ты любилъ,
«Любилъ меня! и я сердечно,
«Мой другъ, благодарю тебя!
«Но еспли здѣсь ничто не вѣчно,
«То какъ тебѣ винишь себя?
«Цвѣтъ щаспья, жизнь, ахъ! все невѣрно!
«Любви блаженство споль безмѣрно,
«Что смертный былъ бы самый Богъ,
«Когдабъ продлишь его онъ могъ. . . .
«Ничто, ничто моей кончины
«Уже не можешъ ошврапишь!

«Послѣдній взоръ твоей Алины
«Спремился нѣжностью изъяснить. . . .
«Но дай ей умереть щасливо;
«Дай слово мнѣ — спокойнымъ быть,
«Снеси потерю терпѣливо
«И снова — для любви жить!
«Ахъ! есѣли ты съ другою будешь
«Дни въ мирныхъ радостяхъ вести,
«Хотя Алину и забудешь,
«Довольно для меня! . . . Проси!
«Есть мѣръ другой, гдѣ нѣтъ измѣны,
«Нѣтъ скуки, въ чувствахъ перемѣны:
«Тамъ ты увидишься со мной,
«И тамъ, надѣюсь, будешь мой!». . .
Навѣкъ закрылся взоръ Алины.
Никто не могъ понять причины
Сего внезапнаго конца;
Но вы, о нѣжныя сердца!
Ее конечно угадали!
Въ несчастъи жизнь намъ не мила. . . .
Спросили медиковъ: узнали,
Что ядъ Алина приняла. . . .
Супругъ, какъ громомъ пораженный,
Хотѣлъ итти за нею въ слѣдъ;
Но гласомъ дружбы убѣжденный,
Оспался жить. Опъ слезы льетъ;
И сею горестною жертвой
Судъ Неба и людей смягчилъ;
Живой Алинъ измѣнилъ,
Но хочеть вѣрнымъ быть ей мертвою!

Парижъ, Іюня. . . . 1790.

Скажу вамъ нѣчто о Парижскомъ Народномъ Собраніи, о копоромъ такъ много пишущъ теперь въ газетахъ. Въ первый разъ пришелъ я туда послѣ обѣда; не зналъ мѣста, хотѣлъ войти въ большія двери вмѣстѣ съ Членами, былъ остановленъ часовымъ, копорого никакія прозбы смягчить не могли, и готовился уже съ досадою ворошиться домой; но вдругъ явился человекъ въ темномъ кафтанѣ, собою очень некрасивый; взялъ меня за руку, и сказавъ: *allons, Mr. allons!* ввелъ въ залу. Я окинулъ глазами всѣ предмѣты
. Большая галлерея, столъ для Президента и еще два для Секретарей по сторонамъ; напрашивъ каѳедра; кругомъ лавки, одна другой выше; вверху ложи для зрителей. Засѣданіе еще не открывалось. Вокругъ меня было множество людей, по большей части неоправно одѣтыхъ — съ распепанными волосами, въ серпукахъ. Шумѣли, смѣялись, около часа. Зрители хлопали въ ладоши, изъявляя неперенѣніе. Наконецъ пошелъ самый человекъ, копорый ввелъ меня *, подошелъ къ Президентскому столу, взялъ колокольчикъ, зазвонилъ — и всѣ, закричавъ: *по мѣстамъ! по мѣстамъ!* разбѣжались и сѣли. Одинъ я оспался среди залы — подумалъ, что мнѣ дѣлать, и сѣлъ на ближней лавкѣ; но черезъ минушу

* Это былъ Рабо-Сеншъ-Эпьеръ.

подошелъ ко мнѣ Церемоніймейстеръ, въ черномъ кафтанѣ, и сказалъ: «Вы не можете быть здѣсь!» Я вспалъ и перешелъ на другое мѣсто. Между тѣмъ одинъ изъ Членовъ, Г. Андре, читалъ на кафедрѣ предложеніе Военной Коммисіи. Его слушали со вниманіемъ; я также, но не долго, потому что проклятый черный кафтанъ опять подлешѣлъ ко мнѣ и сказалъ: «государь мой! вы конечно не знаете, что въ этой залѣ могутъ быть только одни Члены.» — Куда же мнѣ дѣваться, Г. М.? — «Подите въ логи.» — А естьли тамъ нѣтъ мѣста? — «Подите домой, или куда вамъ угодно.» — Я ушелъ; но въ другой разъ высидѣлъ въ ложѣ 5 или 6 часовъ, и видѣлъ одно изъ самыхъ бурныхъ засѣданій. Депутаты Духовенства предлагали, чтобы Каполическую Религію признать единственною или главною во Франціи. Мирабо оспаривалъ, говорилъ съ жаромъ, и сказалъ: «я вижу опсюда по окно, изъ котораго сынъ Каперины Медици събрѣлъ въ Пропе-«сшантовъ!» Аббатъ Мори вскочилъ съ мѣста, и закричалъ: «вздоръ! ты опсюда не видишь его.» Члены и зрители захохотали во все горло. Такія непристойности бывають весьма часно. Вообще въ засѣданіяхъ нѣтъ ни малой поржесствености, никакого величія; но многіе Риторы говорятъ краснорѣчиво. Мирабо и Мори вѣчно единоборствуютъ, какъ Ахиллесъ и Гекторъ.

На другой день послѣ споровъ о Каполической Религіи явились въ лавкахъ бумажныя

шабакерки à l'abbé Maury; отворише крышку, выскочишъ Аббашъ. Таковы Французы: на всякой случай у нихъ готова выдумка. — Расскажу вамъ другой анекдотъ въ семъ родѣ. Въ шомъ самый день, какъ Собраніе опредѣлило выдашъ ассигнаціи, я былъ въ театръ. Играли старую оперу *башибашника*, копорому во второмъ актѣ надлежало пѣшъ извѣстный *водевиль*. Въмѣсто того онъ запѣлъ новые стихи, въ похвалу Короля и Народнаго Собранія, съ припѣвомъ:

L'argent caché ressortira
Par le moyen des assignats.

Зришели были виѣ себя опѣ удовольствію, и заспавили актера десяшъ разъ повтораюшъ: *L'argent caché ressortira*. Имъ казалось, что передъ ними лежашъ уже кучи золоша!

=

Парижъ, Іюня... 1790

Вы помнише, что Йорикъ сказалъ Министру Б* о характерѣ Французовъ: «они слишкомъ *важны!*» Министръ удивился; но разговоръ вдругъ перервался, и забавный Йорикъ не изъяснилъ намъ своей мысли. Кажешся, объ Аѳинскомъ народѣ было сказано, что онъ

Томъ V.

5

важными дѣлами шушилъ какъ бездѣлками, а бездѣлки считалъ важными дѣлами: то же самое можно сказать о Французахъ, кошорые не обижающся сходствомъ съ Аѳинскимъ народомъ. Вспомните жаркіе, но смѣшные споры о древней и новой Липшерапуръ, кошорыми Версальской Дворъ и весь Парижъ занимался; вспомните исторію Глукишповъ, Пичинисповъ, Месмерисповъ, и согласитесь, что въ нѣкоторомъ смыслѣ Йорикъ могъ утверждать свой парадоксъ. Но Французы имѣютъ характеръ, вопреки его старымъ шиллингамъ, *qui, à force d'être polis, n'ont plus d'empreinte* * — имѣютъ даже болѣе другихъ народовъ. Я говорилъ объ этомъ съ Госпожею Н*, и послѣ выразилъ мысли свои въ письмѣ къ ней. Вотъ переводъ:

«Скажу: огонь, воздухъ — и характеръ Фран-
«цузовъ описанъ. Я не знаю народа умнѣе,
«пламеннѣе и въпренѣе вашего. Кажется,
«будто онъ выдумалъ, или для него выдуманно
«общество: столь мила его обходительность,
«и столь удивительны его точки соображе-
«нія въ искусствѣ жить съ людьми! Сіе искус-
«ство кажется въ немъ любезною природою.
«Никто, кромѣ его, не умѣетъ приласкать
«человѣка однимъ видомъ, одною вѣжливою
«улыбкою. Напрасно Англичанинъ или Нѣмецъ
«захопѣлъ бы учиться ей передъ зеркаломъ:
«на лицѣ ихъ она чужая, принужденная. Я хо-

* Слова Йориковы, сказанныя имъ въ другомъ мѣстѣ.

«чу жить и умереть въ моемъ любезномъ оше-
«чествѣ; но послѣ Россіи нѣтъ для меня земли
«пріятнѣе Франціи, гдѣ иностранецъ часто
«забывается, что онъ не между своими. Гово-
«ряшъ, что здѣсь трудно найти искренняго,
«вѣрнаго друга. . . Ахъ ! друзья вездѣ рѣдки;
«и чужеземцу ли искать ихъ, тому, кто, по-
«добно Кометѣ, являясь *исчезаетъ*. Дружба
«есть потребность жизни ; всякой хочешь
«для нее предмета надежнаго. Но все, чего по
«справедливости могу требовать отъ чужихъ
«людей , Французъ предлагаетъ мнѣ съ лас-
«кою, съ *букетомъ цвѣтовъ*. Въпреносъ, не-
«постоянство, которыя составляютъ порокъ
«его характера, соединяются въ немъ съ лю-
«безными свойствами души, *происходящими* *
«нѣкоторымъ образомъ отъ сего самаго порока.
«Французъ непостояненъ — и не злопамятенъ;
«удивленіе, похвала, можетъ скоро ему наску-
«чить, ненависть также. По въпреноси оста-
«вляется онъ доброе, избираетъ вредное : за то
«самъ первый смѣется надъ своею ошиб-
«кою—и даже плачетъ, если надобно. Веселая
«безразсудность есть милая подруга жизни его.
«Какъ Англичанинъ радуется открытію нова-
«го острова, такъ Французъ радуется остроуму
«слову. Чувствительенъ до крайности, спрашно
«влюбляется въ истину, въ славу, въ великія
«предпріятія; но любовники непостоянны! Мину-
«ты его жара, изступленія, ненависти, могутъ

* Qui tiennent à ce même défaut.

«имѣшь страшныя слѣдствія: чему примѣромъ
«служишь Революція. Жаль, если эта ужа-
«сная политическая переменна должна пере-
«мѣнить и характеръ народа, столь веселаго,
«остроумнаго, любезнаго!»

Это писано для Дамы, и для Француженки,
которая ахнула бы отъ ужаса, и закричала:
сѣверный варваръ! если бы я сказалъ ей,
что Французы не остроумнѣе, не любезнѣе
другихъ.

=

Я оставилъ себя, любезный Парижъ, оста-
вилъ съ сожалѣніемъ и благодарностію! Среди
шумныхъ явленій твоихъ жилъ я спокойно и
весело, какъ безпечный гражданинъ вселенной;
смотрѣлъ на твое волненіе съ тихою душою,
какъ мирный пастырь смотритъ съ горы на
бурное море. Ни Якобинцы, ни Аристократы
твои не сдѣлали мнѣ никакого зла; я слы-
шалъ споры, и не спорилъ; ходилъ въ велико-
лѣпные храмы твои наслаждаясь глазами и
слухомъ: тамъ, гдѣ свѣтозарный богъ Ис-
кусствъ сіяетъ въ лучахъ ума и талантовъ;
тамъ, гдѣ Геній славы величественно поко-
ится на лаврахъ! Я не умѣлъ описать всѣхъ
пріятныхъ впечатлѣній твоихъ, не умѣлъ
всѣмъ пользоваться, но выѣхалъ изъ тебя не
съ пустою душою: въ ней остались идеи и

воспоминанія ? Можешъ бышь , когда нибудь еще увижу тебя и сравню прежнее съ настоящимъ ; можешъ бышь порадуюсь тогда большею зрѣлостію своего духа , или вздохну о потерянной живоспи чувсшва. Съ какимъ удовольствіемъ взошелъ бы я еще на гору Валеріанскую , откуда взоръ мой лешалъ по швоимъ живописнымъ окрестностямъ ! Съ какимъ удовольствіемъ , сидя во мракѣ Булонскаго лѣса, снова развернулъ бы передъ собою свижокъ Исторіи * , чтобы найши въ ней предсказаніе будущаго ? Можешъ бышь тогда все темное для меня изъяснишся ; можешъ бышь тогда еще болѣе полюблю чловѣчешво ; или, закрывъ лѣшописи, переспану занимашься его судьбою. . . .

Просши, любезный Парижъ ! просши, любезный В* ! Мы родились съ тобою не въ одной землѣ, но съ одинакимъ сердцемъ ; увидѣлись, и при мѣсяца не разспавались. Сколько пріятныхъ вечеровъ провелъ я въ швоей Сен-Жерменской *Отели*, чишая привлекашельныя мечшы единоземца и соученика швоего , Шиллера, или занимаясь собсшвенными нашими мечшами , или философсшвуя о свѣшѣ, или судя новую Комедію , нами вмѣсшѣ видѣнную ! Не забуду нашихъ пріятныхъ обѣдовъ за городомъ, нашихъ ночныхъ прогулокъ , нашихъ рыцарскихъ приключеній , и всегда буду хра-

* Въ Булонскомъ лѣсу чишалъ я Мабліеву Исторію Французскаго Правленія.

нишь нѣжное, дружеское письмо швое, копорое пишонько написалъ ты въ моей комнашѣ за часъ до нашей разлуки. Я любилъ всѣхъ моихъ земляковъ въ Парижѣ; но единственнo съ тобою и съ Б* мнѣ грустно было разсшаваться. Къ ушѣшенію своему думаю, что мы въ швоемъ или моемъ опечесшвѣ можемъ еще увидѣться, въ другомъ состояніи души, можешъ бышь и съ другимъ образомъ мыслей, но равно знакомы и дружны *!

А вы, опечесшвенные друзья мои, не назoвете меня невѣрнымъ за то, что я въ чужой землѣ нашелъ человека, съ копорымъ сердце мое было какъ дома. Это знакомство счишаю благодареніемъ Судьбы въ спранническомъ сиропшсшвѣ моемъ. Какъ ни пріятно, какъ ни весело всякой день видѣшь прекрасное, слышашь умное

* Черезъ 10 лѣтъ послѣ нашей разлуки, не имѣвъ во все это время никакого объ немъ извѣстія, вдругъ получаю опъ него письмо изъ Пешербурга, куда онъ присланъ съ важною комисією опъ Двора своего — письмо дружеское и любезное. Мнѣ пріятно напечатать здѣсь пѣкопорыя его спроки; Je vous supplie, mon cher ami, de me répondre le plutôt possible, pour que je sache que vous vous portez bien et que je peux toujours me compter parmi vos amis. Vous n'avez pas d'idée, combien le souvenir de notre séjour de Paris a de charmes pour moi. Tout a changé depuis; mais l'amitié, que je vous ai vouée alors, est toujours la même. Je me flatte aussi, que vous ne m'avez pas entièrement oublié. J'aime à croire que nous nous entendons toujours à demi-mot, и проч. Онъ женился на молодой, любезной женщишѣ, копорая извѣстна въ Германіи по уму и талантамъ своимъ. Она написала Романъ, копорый долго счишался швореніемъ славнаго Гете: потому что скромная Муза не хотѣла наименовать себя.

и любопытное ; но людямъ нѣкотораго роду надобны подобные имъ люди, или сердцу ихъ будетъ грустно.

Наконецъ скажу вамъ, что, выключая мои обыкновенныя меланхолическія минушны, я не зналъ въ Парижѣ ничего, кромѣ удовольствій. Провеспи такъ около чепырехъ мѣсяцовъ, ешь, по словамъ одного Англійскаго Доктора, выманишь у скупой волшебницы, Судьбы, очень богатый подарокъ. Почти всѣ мои земляки провожали меня, и Б* и Баронъ В*. Мы обнялись нѣсколько разъ прежде, нежели я сѣлъ въ дилижансъ. Теперь мы ночуемъ, опѣхавъ верспъ 30 опѣ Парижа. Душа моя такъ заняша прошедшимъ, что воображеніе мое еще ни разу не заглянуло въ будущее ; ѣду въ Англію, а объ ней еще не думаю.

=

Го-Бюиссонъ, въ 4 часа по полудни.

Въ Иль-де-Франсѣ плоды уже зрѣлы — въ Пакардіи зелены — въ окрестностяхъ Булони все еще цвѣтешъ и благоухаетъ. Переменная климата чувствительна на каждой милѣ — и воображеніе, что я удаляюсь безпрестанно опѣ благословенныхъ странъ юга, горестно для души моей. Напура видимо бѣднѣетъ къ сѣверу.

Теперь сижу одинъ подъ каштановымъ деревомъ , шагахъ въ двадцати отъ почтоваго двора , — смотрю черезъ луга и поля на синѣющее вдали море и на городъ Кале, окруженный болошами и песками.

Спранное чувство! Мнѣ кажется, будто я пріѣхалъ на край свѣта — тамъ необозримое море — конецъ земли — Природа хладѣетъ , умираетъ — и слезы мои льются ручьями.

Все тихо , все печально ; почтовой дворъ стоишь уединенно; вокругъ его чистое поле. Товарищи мои сидятъ на правѣ, подлѣ нашей кареты, не говоря между собою ни слова; поспильйоны впрягаютъ лошадей; въперъ воешь, и лѣсъ уныло шумятъ надъ головой моей.

Кто видишь мои слезы? кто беретъ участие въ моей горести! кому изъясню чувства мои? Я одинъ.... одинъ! — Друзья! гдѣ взоръ вашъ? гдѣ рука ваша? гдѣ ваше сердце? Кто утѣшилъ печальнаго?

О милыя узы отечества, родства и дружбы! я васъ чувствую , не смотря на отдаленіе — чувствую, и лобызаю съ нѣжностію!...

Дикой , преселенный изъ мрачныхъ Канадскихъ лѣсовъ въ великолѣпный городъ Европы, на сцену всѣхъ блестящихъ Искусствъ , видишь богатство и пышность — видишь , и плѣняешься ; — но черезъ минушу очарованіе исчезаетъ — хладъ оспаетъ въ его сердцѣ, и онъ желаетъ возвратиться въ бѣдные шалаши лѣсовъ Канадскихъ , гдѣ грудь его согрѣ-

валась пишательными лучами любви и дружбы.

Товарищи мои садящся въ карешу — черезъ часъ будемъ въ Кале.

=

КАЛЕ, въ часъ по полуночи.

Насъ привезли въ пракширъ почтоваго двора. — Я пошчасъ пошелъ къ Дессеню (кошораго домъ естъ самый лучшій въ городъ); оспановилъ передъ его ворошами, украшенными бѣлымъ павильйономъ, и смопрѣлъ на право и на лѣво. «Чшо вамъ надобно, государь мой?» спросилъ у меня молодой Офицеръ въ синемъ мундирѣ. «Комнаша, въ кошорой жилъ Лавреншій Спернъ» *, ошвѣчалъ я. — «И гдѣ въ первый разъ ѣлъ онъ Французской супъ?» сказалъ Офицеръ. — Соусъ съ цыплятами, ошвѣчалъ я. — «Гдѣ хвалилъ онъ кровь Бурбоновъ?» — Гдѣ жаръ чловѣколюбія покрылъ лице его нѣжнымъ румянцемъ. — «Гдѣ самый шяжелый изъ мешалловъ казался ему легче пуха!» ** — Гдѣ приходилъ къ не-

* См. Sentimental Journey, Сперново путешествованіе. Оно переведено на Русской, и напечатано.

** Все сіе памятно тому, кто хотя одинъ разъ читалъ Сперново или Йорикова путешествованіе; но можно ли читать его только одинъ разъ?

му отецъ Лорензо съ крошесію святаго мужа. — «И гдѣ онъ не далъ ему ни копѣйки?» — Но гдѣ хошѣлъ онъ заплашеть двадцать фунтовъ сперлинговъ тому Адвокашу, кошорый бы взялся и могъ оправдать Йорика въ глазахъ Йориковыхъ. — «Государь мой! эша комнаша во впоромъ эшажѣ, прямо надъ вами. Тушъ живешъ нынѣ спарая Англичанка съ своею дочерью.»

Я взглянулъ на окно, и увидѣлъ горшокъ съ розами. Подлѣ него стояла молодая женщина, и держала въ рукахъ книгу — вѣрно *Sentimental Journey*!

Благодарю васъ, государь мой — сказалъ я словоохотному Французу: но еспѣли позволише, то я спросилъ бы еще — — «Гдѣ шошъ карешный сарай, перервалъ Офицеръ, въ кошоромъ Йорикъ познакомился съ милою сестрою Графа Л*?» — Гдѣ онъ помирился съ ошцомъ Лорензомъ и . . . съ своею совѣснѣю. — «Гдѣ Йорикъ ошдалъ ему черепаховую свою шабакерку и взялъ на обмѣнъ роговую?» — Но кошорая была ему дороже золошой и брилліаншовой. — «Эшошъ сарай въ 50 шагахъ ошсюда, черезъ улицу; но онъ запершъ, а ключъ у Господина Дессеня, кошорый шеперь . . . у вечерни.» — Офицеръ засмѣялся, — поклонился, и ушелъ. — «Господинъ Дессень въ Театрѣ,» сказалъ мнѣ другой человекъ мимоходомъ. «Господинъ Дессень на караулъ (сказалъ шрешій:) его недавно пожаловали въ Капралы Гвардіи.» — О Йорикъ!

думалъ я — о Йорикъ! какъ все перемѣнилось нынѣ во Франціи! Дессенъ Капраломъ! Дессенъ въ мундиръ! Дессенъ на караулъ! Grand Dieu! — Смерклося, и я возвратился въ свой шракширъ.

Что вамъ сказать о Кале? Городъ не великъ, но чрезвычайно многолюденъ — и Англичане составляютъ по крайней мѣрѣ шестую часть жителей. Дома не высокіе, — въ два этажа; а роскошь видна только въ однихъ шракширахъ. Впрочемъ все кажется мнѣ здѣсь печальнымъ и бѣднымъ. Воздухъ напиханъ сыростью и тонкою морскою солью, которая непріятнымъ образомъ щекопитъ нервы обонянія. Ни для чего въ свѣтъ не хотѣлъ бы я жить здѣсь долго!

За ужиномъ ѣли мы прекрасную рыбу и свѣжихъ морскихъ раковъ, опмѣнно вкусныхъ. Тушъ сидѣло человѣкъ 40; между прочими семь или восемь Англичанъ, кошорые только-что переѣхали черезъ Каналь, и намѣрены спранспрововать по всей Европѣ. Съ ними былъ одинъ Италіянецъ, великой говорунъ и великой шрусъ; худымъ Англійскимъ и Французскимъ языкомъ рассказывалъ онъ о многихъ опасностяхъ, угрожавшихъ ему и товарищамъ его на морѣ. Англичане смѣялись, и называли его Улиссомъ, кошорый пугаетъ Царя Альциноя повѣспованіемъ о спрацныхъ небылицахъ *. Между шѣмъ они безпрестанно кричали шракширщику: вина! вина! самага лучша-

* См. Одиссею.

so! du meilleur! du meilleur! и розовое Шампанское лилось изъ урны своей не въ рюмки, а въ стаканы. Оно шакъ хорошо алѣло въ стеклѣ, шакъ хорошо пѣнилось, чшо и умѣренной другъ вашъ, не спрашивая о цѣнѣ, велѣлъ подашь себѣ бушылку — du meilleur! du meilleur! Прекрасное вино! Нѣмецъ съ длиннымъ носомъ, сидѣвшій подлѣ меня, доказывалъ убѣдительнымъ образомъ, чшо оно и цвѣтомъ и вкусомъ похоже на божественный Некшаръ, который излился изъ роговъ свяшой козы Амальшей *. «Мы давно слышали, сказалъ одинъ изъ Англичанъ, чшо Нѣмцы ученый народъ: шеперь вѣрю эшому. Vraiment, Monsieur, vous êtes savant comme tous les diables!» — Германецъ улыбался, и былъ сердечно доволенъ заслуженною похвалою.

Я пришелъ въ свою комнату, бросился на постелю, и заснулъ; но черезъ нѣсколько минутъ разбудилъ меня шумъ веселыхъ Англичанъ, которые въ другой горницѣ кричали, шопали, спучали и проч. и проч. Съ полчаса я терпѣлъ; наконецъ кликнулъ слугу и послалъ его напомнимъ Бришанцамъ, чшо они не одни въ шракширѣ, и чшо сосѣди ихъ, можешъ быть, хопяшъ пишины и спокойствія. Сказавъ нѣсколько разъ *Годъ демъ*, они замолчали. — Рука не пишешъ болѣе — проспиге!

=

* Такъ говоритъ Миеологія.

Кале, 10 часовъ утра.

Узнавъ, что пакешъ-бошъ нашъ не опшвалшъ опъ берега прежде одиннадцати часовъ, я пошелъ бродишъ, куда глаза глядяшъ — очушился за городомъ, близъ кладбища, обсаженнаго высокими деревьями, и вспомнилъ могилу опца Лоренза, гдѣ Йориковы слезы лились на мягкой дернѣ, — гдѣ въ одной рукѣ держалъ онъ шабакерку добродушнаго монаха, а другою рвалъ зеленую праву. — Пашеръ Лорензо! другъ Йорикъ! (думалъ я, облокошившись на одинъ мшистой камень) — гдѣ вы, не знаю; но желаю нѣкогда бышъ съ вами вмѣспѣ!

У ногъ моихъ синѣлись цвѣпочки; я сорвалъ два, и спряпалъ въ записную книжку свою. Вы ихъ увидите нѣкогда, — еспьли волны морскія не поглошяшъ меня вмѣспѣ съ ними! — Проспише!

=

ПАКЕТЪ-ВОТЪ.

Мы уже при часа на морѣ; вѣшеръ пресильной; многіе пассажиры больны. Берегъ Французской скрылся опъ глазъ нашихъ — Англійской показывается въ опдаленіи.

Вмѣспѣ съ нами сѣли на пакешъ-бошъ мо-

лодый Лордъ и двѣ Англичанки, жена и сестра его; они возвращаются изъ Италіи. Лордъ важенъ, но учтивъ. — Лади и Миссъ любезны. Съ какимъ неперпѣніемъ приближаются они къ опечесству, къ родственикамъ и друзьямъ своимъ, послѣ шестилѣтней разлуки! Съ какою радостію говорятъ о шѣхъ удовольствіяхъ, копорыя ожидаютъ ихъ въ Лондонъ! — Ахъ! я завидовалъ имъ отъ всего сердца! Они примѣтили мою чувствительность, и для того, можетъ быть, обошлись со мною ласковѣе, нежели съ другими пассажирами. Черезъ два часа Лади занемогла морскою болѣзнію — Лордъ также — ихъ опвели въ каюшу. Миссъ оспалась на палубѣ; но скоро и она поблѣднѣла. Въперъ сорвалъ съ нее шляпу, развѣвалъ ея русые длинные волосы. Я принесъ ей стаканъ холодной воды; но ничто не помогало! Бѣдная Англичанка, смотря на меня умильными и помными глазами, говорила: *Je suis mal, très mal; ma poitrine se déchire — Dieu! je crois mourir!* *мнѣ дурно, очень дурно; грудь моя раздирается — я умираю!* — Наконецъ и ее должно было веспи въ каюшу къ прочимъ больнымъ женщинамъ. Она подала мнѣ свою руку, холодную, слабую и дрожащую; грудь ея видимо подымалась и опускалась; слезы капились градомъ по блѣдному лицу — я почти несъ ее на рукахъ. Какая мучительная болѣзнь! Видя вездѣ спрадающихъ; видя многія непріятныя явленія, копорыя бывающъ всегдашнимъ слѣдствіемъ

морскихъ припадковъ , я самъ едва было не упалъ въ обморокъ; оставилъ свою больную , возвратился на палубу , и мало по малу отдохнулъ на свѣжемъ воздухѣ.

Подлѣ меня сидятъ теперь два Нѣмца — кажешся , ремесленники , копорые , думая , что ихъ никто не разумѣетъ , свободно разговаривающъ между собою. — «Что-то мы увидимъ въ Англіи? сказалъ одинъ: Французы намъ теперь извѣстны; въ нихъ не много пуши.» — «Думаю , отвѣчалъ другой , что и Англія намъ не очень полюбится. Гдѣ лучше нашей любезной Германіи! Гдѣ лучше береговъ Рейна!» — «Гдѣ лучше Вейндорфа!» сказалъ первый съ улыбкою: «тамъ живешь Аняша.» — Правда , отвѣчалъ другой со вздохомъ : тамъ живешь Аняша. Не далеко отсюда живешь и Лиза, примолвилъ онъ съ улыбкою. — Ахъ! не далеко! отвѣчалъ первый съ такимъ же вздохомъ. — «Еще шесть или семь мѣсяцевъ,» сказалъ одинъ , взявъ товарища своего за руку — — «Еще шесть или семь мѣсяцевъ, повторилъ другой , и мы въ Германіи!» — «И мы на берегу Рейна!» — «И мы въ Вейндорфъ!» — «Тамъ, гдѣ живешь Аняша!» — «Тамъ, гдѣ живешь Лиза!» — «Дай Богъ ! дай Богъ !» — сказали они въ одинъ голосъ , и крѣпко , крѣпко пожали руку одинъ у другаго.

Уже открываеися Дувръ и высокія башни, въ копорыхъ ночью зажигающъ огонь для безопасности плаващелей. Нигдѣ не видно зелени; вездѣ песчаные холмы, песчанья равни-

ны. Мы близко къ берегу; но еще буря можешъ унести насъ далеко въ необозримоспъ морскую — еще опасноспъ не миновалась — еще корабль нашъ можешъ ударисъ о подводныя гранишы, и погрузисъ въ шумящей безднѣ. Тогда . . . adieu!

=

Дувръ.

Берегъ! берегъ! Мы въ Дувръ, и я въ Англіи — въ той землѣ, кошую въ ребячеспвѣ своемъ любилъ я съ такимъ жаромъ, и кошая по характеру жишелей и спепени народнаго просвѣщенія еспъ конечно одно изъ первыхъ государствъ Европы. — Здѣсь все другое: другіе дома, другія улицы, другіе люди, другая пища — однимъ словомъ, мнѣ кажешся, что я переѣхалъ въ другую часпъ свѣта.

Англія еспъ кирпичное царство: и въ городѣ и въ деревняхъ всѣ дома изъ кирпичей покрышы черепицею, и некрашеные. Вездѣ видише дымъ земляныхъ угольевъ; вездѣ чувспвуеше ихъ запахъ, кошорый для меня весьма неприяшенъ; улицы широки и опмѣнно чисты; вездѣ *тротуары*, или камнемъ выспланная дорожки для пѣшихъ — и на каждомъ шагу — въ такомъ маленькомъ городкѣ, какъ Дувръ—

встрѣчается вамъ красавица, въ черной шляпкѣ, съ крошкою, нѣжною улыбкою, съ посошкомъ въ бѣлой рукѣ.

Такъ, друзья мои! Англію можно назвать землею красоты — и путешественникъ, который не плѣнится миловидными Англичанками; который — особливо пріѣхавъ изъ Франціи, гдѣ очень мало красавицъ — можетъ смотрѣть равнодушно на ихъ прелести, долженъ имѣть каменное сердце. Часа два ходилъ я здѣсь по улицамъ единственно для того, чтобы любоваться Дуврскими женщинами, и скажу всякому живописцу: «если бы не былъ въ Англіи, то кисть твоя никогда совершенной красоты не изображала!» — Англичанокъ не лѣзя уподобить розамъ; нѣтъ, онѣ почти всѣ блѣдны — но сія блѣдность показываетъ сердечную чувствительность, и дѣлается новою пріятностію на ихъ лицахъ. Поэтъ назоветъ ихъ лиліями, на которыхъ, опъ розовыхъ облаковъ неба, мелькаютъ алые опѣнки. Кажется, будто всякимъ томнымъ взоромъ своимъ говорятъ онѣ: *я умѣю любить нѣжно!* — Милыя, милыя Англичанки! — Но вы опасны для слабаго сердца, опаснѣе Нимфъ Калипсиныхъ, и вашъ островъ есть островъ волшебства, очарованія. Горе бѣдному страннику! Равнодушно взглянешъ онъ съ берега на пылающій корабль свой, и снова устремитъ огненные глаза на какую нибудь Эвхарису *. Ахъ! ка-

* Известно, что Телемакъ, влюбленный въ Калипсину Нимфу, Эвхарису, не шужилъ о сгорѣвшемъ кораблѣ своемъ.

кой Меншоръ низвергнешъ его въ волны морскія !

Между тѣмъ не думайте, чтобы другъ вашъ, прѣхавъ въ опасную Англію , гдѣ Купидонъ во всѣ спороны пускаетъ тысячами стрѣлы свои, лишился всей пвердосши , ослабѣлъ и распаялъ въ томныхъ чувствахъ. Нѣтъ , друзья мои! я имѣлъ еще сполько силъ, чтобы взойти на превысокую гору и видѣть тамъ древній зѣмокъ, колодезь въ 360 фузовъ глубиною, и мѣдную пушку, длиною въ три сажени, которая называется карманнымъ пистолеомъ Королевы Елисаветы.

Я сѣлъ отдыхашъ на вершинѣ горы, и великолѣпнѣйшій видъ предспавился глазамъ моимъ. Съ одной спорсны вся Кенпская провинція съ городами и деревнями, рощами и полями; а съ другой безконечное море, въ кошорое погружалось солнце , и гдѣ пестрѣли разноцвѣтные флаги; гдѣ бѣлѣлись парусы и миллионы пѣниспыхъ валовъ.

Англійскій Лордъ, любезная жена и милая сестра его, вышедши на берегъ , съ нѣжноспію обняли другъ друга. «Берегъ моего опечесства! (сказалъ Лордъ) я благословляю тебя!» — Они дали мнѣ свой Лондонской адресъ, и поѣхали въ наемной карешъ.

Когда я пришелъ въ шракширъ , гдѣ мы оспановились ночевашъ, то въ первой комнатѣ окружили меня семь или восемь человекъ, весьма худо одѣспыхъ, кошорые грубымъ голосомъ пребовали денегъ. Одинъ говорилъ: «дай

мнѣ шиллингъ за то, что я подалъ тебѣ руку, когда ты сходилъ съ пакеш-боша;» другой: «дай мнѣ шиллингъ за то, что я поднѣлъ плашокъ твой, когда ты уронилъ его на землю;» третій: «дай мнѣ два шиллинга за то, что я донесъ до пракшира чемоданъ твой.» Четвертый, пятый, шестой — всѣ пребывали, всѣ объявляли права свои на мой кошелекъ; но я, бросивъ на землю два шиллинга, ушелъ отъ нихъ. Судите, любяшъ ли здѣсь деньги, и дешево ли цѣнятъ Англичане трудъ свой?

Еще другая черта. Всѣ наши сундуки и вещи принесли съ пакеш-боша въ таможенную. «У меня нѣтъ ничего запрещеннаго, сказалъ я тамошникамъ: и если вы повѣрите моему честному слову, и не будете разбивать моего чемодана, то я съ благодарностію заплачу нѣсколько шиллинговъ.» — Нѣтъ, государь мой! (отвѣчали мнѣ) «намъ должно все видѣть.» — Я отперъ, и показалъ имъ спарыя свои книги, бумаги, бѣлье, фраки. «Теперь, сказали они, вы должны заплатить полкроны.» — За что же? спросилъ я: развѣ вы были снисходительны, или нашли у меня что нибудь запрещенное? — «Нѣтъ; но безъ этого не получите своего чемодана.» Я пожалъ плечами, и заплашилъ три шиллинга. — И такъ Англійскіе таможенные присавы умѣютъ спрого исполнять свою должность, и при томъ . . . наживаются!

Мнѣ хотѣлось видѣть Англійскую кухню.

Какая чистота! На полу нѣтъ ни пылинки; каспрюли, блюда, чашки — все бѣло, все свѣтло, все въ удивительномъ порядкѣ. Каменные уголья пылаютъ на большомъ очагѣ, и розовымъ огнемъ своимъ прельщаютъ зрѣніе. Хозяйка улыбнулась очень пріятно, когда я сказалъ ей: «видѣ Французской кухни не рѣдко опшимаешь аппешишь; видѣ вашей кухни производишь его.»

Ужинъ нашъ состоялъ изъ жареной говядины, земляныхъ яблокъ, пудинга и сыру. Я хотѣлъ спросить вина, но вспомнилъ, что въ Англіи нѣтъ виноградныхъ садовъ, и спросилъ поршеру. Бушылка самага худаго Шампанскаго или Бургонскаго споить здѣсь болѣе чешырехъ рублей! Проспите! Теперь полночь.

=

Лондонъ.

Въ шесть часовъ утра сѣли мы въ чешверомѣспную карешу, и поскакали на прекрасныхъ лошадяхъ по Лондонской дорогѣ, ровной и гладкой.

Какія мѣста! какая земля! Вездѣ богатыя, темнозеленые и шучные луга, гдѣ пасутся многочисленныя стада, блестящія своею перловою и серебряною волною; вездѣ прекрасныя

деревеньки съ кирпичными домиками, покрытыми свѣшлою черепицею; вездѣ видите вы маленькихъ красавицъ (въ чистыхъ, бѣлыхъ корсетахъ, съ распущенными кудрями, съ открытою снѣжною грудью), которыя держашъ въ рукахъ корзинки, и продающъ цвѣты; вездѣ замки богатыхъ Лордовъ, окруженные рощами и зеркальными прудами; вездѣ встрѣчается вамъ множество карешъ, колясокъ, верховыхъ; множество хорошо одѣтыхъ людей, которые ѣдутъ изъ Лондона и въ Лондонъ, или изъ деревень и сельскихъ домиковъ выѣзжаютъ прогуливаться на большую дорогу; вездѣ шакширы, и у всякаго шакшира стоятъ осѣдланная лошади и кабриолеты — однимъ словомъ, дорога отъ Дувра до Лондона подобна большой улицѣ многолюднаго города.

Что, ежели бы я прямо изъ Россіи пріѣхалъ въ Англію, не видавъ ни Эльбскихъ, ни Рейнскихъ, ни Сенскихъ береговъ; не бывъ ни въ Германіи, ни въ Швейцаріи, ни во Франціи? — Думаю, что картина Англіи еще болѣе поразила бы мои чувства; она была бы для меня новѣе.

Какое многолюдство! какая дѣятельность! и при томъ какой порядокъ! Все представляешь видъ довольства, хотя не роскоши, но изобилія. Ни одинъ предметъ отъ Дувра до Лондона не напомнилъ мнѣ о бѣдности человеческой.

На каждыхъ четырехъ верстахъ перемѣня-

ли мы лошадей; но не смотря на то, посыльоны или кучера, coachmen, останавливающиеся раза три лишь въ праксирахъ — и ни-
что не смѣй имъ сказать ни слова!

Въ Каншербури, главномъ городѣ Кенпской провинціи, пили мы чай, въ первый разъ по-Англійски, то есть, крѣпкой и густой, почти безъ сливокъ, и съ масломъ, намазаннымъ на ломтики бѣлаго хлѣба; въ Рочесперѣ обѣдали, также по-Англійски, то есть, не ѣли ничего, кромѣ говядины и сыра. Я спросилъ салату, но мнѣ подали вялую праву, обли-
шную уксусомъ: Англичане не любяшъ ника-
кой зелени. *Рост-бифъ*, *бифъ стекъ* * есть ихъ обыкновенная пища. Ошъ того густѣ-
есть въ нихъ кровь; ошъ того дѣлающся они
флегмашиками, меланхоликами, несносными
для самихъ себя, и не рѣдко самоубійцами.
Къ сей физической причинѣ ихъ *сплина* **
можно прибавишь еще двѣ другія: вѣчной шу-
манъ ошъ моря и вѣчный дымъ ошъ угольевъ,
кошорый облаками носишся здѣсь надъ горо-
дами и деревнями.

Мы проѣзжали мимо одного огромнаго зам-
ка, построеннаго на высокомъ мѣстѣ, откуда
можно видѣшь нѣсколько городовъ, множе-
ство деревень, рѣкъ, море, и проч. «Какъ
щасливъ долженъ бышь хозяинъ этого до-
му!» сказала наша сопушница, пожилая Францу-

* Жареная и битая говядина.

** То есть, меланхолія.

женка. «Нѣтъ (опивчалъ молодой Кеншской дворянинъ, ѣхавшій съ нами въ каретѣ): блестящая наружность и прекрасные виды не дѣлаютъ человека благополучнымъ. Я знаю исторію хозяина; она горестна.» — Англичанинъ разсказалъ намъ слѣдующее:

«Лордъ О* былъ молодъ, хорошъ, богатъ; но съ самаго младенчества носилъ на лицѣ своемъ печать меланхоліи — и казалось, что жизнь, подобно свинцовому бремени, тяготила душу и сердце его. Двадцати-пяти лѣтъ женился онъ на знатной и любезной дѣвицѣ, оставилъ Лондонъ, пріѣхалъ въ нашу провинцію, въ эшопъ замокъ, построенный и украшенный опцомъ его, и не смотря на всѣ ласки, на всѣ нѣжности милой супруги, предался болѣе, нежели когда нибудь, мрачной задумчивости и меланхоліи. Бѣдная Лади, живучи съ нимъ, спрадала и помилась, *semblable á ces flambeaux, á ces lugubres feux, qui brulent près des morts sans échauffer leur cendre.* — Въ одинъ бурный вечеръ онъ взялъ ее за руку, привелъ въ густоту парка, и сказалъ: *я мучилъ тебя; сердце мое мертвое для всѣхъ радостей, не чувствуетъ цѣны твоей: мнѣ должно умереть — прости!* Въ самую сію минуту несчастный Лордъ проспрѣлилъ себѣ голову, и упалъ мертвый къ ногамъ оцѣпенѣвшей жены своей. — Уже два года покоится въ землѣ прахъ его. Чувствительная вдова клялась не выѣзжать изъ замка, и всякой день проливаетъ слезы на гробъ супруга, который былъ неизъяснимымъ

феноменомъ въ нравственномъ мірѣ.» — Товарищи мои начали разсуждать о семъ происшествіи; я молчалъ.

Версшъ за пашъ увидѣли мы Лондонъ въ густомъ шуманѣ. Куполь церкви Св. Павла гигантски превышалъ всѣ другія зданія. Близъ него — шакъ казалось издали — подымался сквозь дымъ и мглу шонкой высокой сполшъ, монументъ, сооруженный въ память пожара, кошорый нѣкогда преврашилъ въ пепель большую часть города. Черезъ нѣсколько минушъ открылось пошомъ и Веспминстерское Аббатство, древнее готическое зданіе, вмѣстѣ съ другими церквами и башнями, вмѣстѣ съ зелеными, густыми парками, звѣринцами и рощами, окружающими Лондонъ. — Надобно было спускашся съ горы: я вышелъ изъ кареты — и смошря на величественный городъ, на его окрестности и на большую дорогу, забылъ все. Если бы товарищи не хвашились меня, то я ошался бы одинъ на горѣ, и пошелъ бы въ Лондонъ пѣшкомъ.

На правой споронѣ, между зеленыхъ береговъ, сверкала Темза, гдѣ возвышались безчисленныя корабельныя мачты, подобно лѣсу, опаленному молніями. Вотъ первая пристань въ свѣшъ, средоточіе всемірной торговли!

Мы въѣхали въ Лондонъ.

Лондонъ, Іюля 1790.

Парижъ и Лондонъ , два первые города въ Европѣ, были двумя Фаросами моего путешествія, когда я сочинялъ планъ его. Наконецъ вижу и Лондонъ.

Есѣли великолѣпіе состоишъ въ огромныхъ зданіяхъ, копорыя, подобно гранишнымъ ушесамъ , гордо возвышающся къ небу, то Лондонъ совсѣмъ не великолѣпенъ. Проѣхавъ двадцать или тридцать лучшихъ улицъ, я не видалъ ни однихъ величественныхъ палащъ, ни одного огромнаго дому. Но длинныя, широкія, гладко-вымощенныя улицы; большими камнями ушланная дороги для пѣшихъ; двери домовъ, сдѣланныя изъ краснаго дерева, напершыя воскомъ и блестящія какъ зеркало; безпрерывный рядъ фонарей на обѣихъ сторонахъ; красивыя площади (Squares), гдѣ представляющся вамъ или спашуи или другіе историческіе монументы; подъ домами богатыя лавки, гдѣ, сквозь стеклянныя двери, съ улицы видите множество всякаго роду шоваровъ; рѣдкая чистота, опрятность въ одеждѣ людей самыхъ простыхъ, и какое-то общее благоустройство во всѣхъ предметахъ — образующъ картину неописанной пріятности , и вы сто разъ повторяете: *Лондонъ прекрасенъ!* Какая розница съ Парижемъ! Тамъ огромность и гадость, здѣсь простота съ удивительною чистотою; тамъ роскошь и бѣдность въ нѣжной противоположности, здѣсь единообразіе

общаго доспашка; тамъ палашы, изъ ко-
рыхъ ползущъ блѣдные люди въ раздранныхъ
рубищахъ: здѣсь изъ маленькихъ кирпичныхъ
домиковъ выходятъ Здоровье и Довольствіе,
съ благороднымъ и спокойнымъ видомъ —
Лордъ и ремесленникъ, чисто одѣтые, почти
безъ всякаго различія; тамъ распудренный,
разряженный человекъ тащится въ скверномъ
фіакрѣ, здѣсь поселянинъ скачетъ въ хорошей
карешѣ на двухъ гордыхъ коняхъ; тамъ грязь
и мрачная шѣсноша, здѣсь все сухо и гладко
— вездѣ свѣшлый просторъ, не смотря на
многолюдство.

Я не зналъ, гдѣ мнѣ приклонить свою го-
лову въ обширномъ Лондонѣ, но ѣхалъ спо-
койно, весело; смотрѣлъ и ничего не думалъ.
Обыкновенное слѣдствіе путешествія и пере-
ѣздовъ изъ земли въ землю! Человекъ привы-
каетъ къ неизвѣстности, спрашной для
домосѣдовъ. Здѣсь есть люди: я найду себѣ
мѣсто, найду знакомство и пріятности —
вошъ чувствую, которое дѣлаетъ его беззабот-
нымъ гражданиномъ вселенной!

Наконецъ карета наша остановилась; пова-
рищи мои выпрыгнули и скрылись. Тутъ
вспомнилъ я, что и мнѣ надлежало иш-
ти куда нибудь съ своимъ чемоданомъ — ку-
да же? Однажды, всходя въ Парижской Опе-
ли своей на лѣстницу, поднялъ я каршочку,
на которой было написано: *Г. Ромели въ Лон-
донъ, на улицу Пель-Мель, въ 208 нумеръ,*
имѣетъ комнаты для иностранцевъ. Каршочка

сохранилась въ моей записной книжкѣ, и другъ вашъ отправился къ Гну Ромели. Вспомните анекдотъ, что одинъ Французъ, умирая, велѣлъ позвать къ себѣ обыкновеннаго духовника своего; но посланный возвратился съ отвѣтомъ, что духовника его уже лѣтъ двадцать нѣтъ на свѣтѣ. Со мною случилось подобное. Г. Ромели скончался за 15 лѣтъ до моего пріѣзда въ Лондонъ! . . . Надлежало искать другаго пристанища: мнѣ отвели уголокъ въ одномъ Французскомъ шпакширѣ. «Комната не велика (сказалъ хозяинъ), и занята молодымъ Эмигрантомъ; но онъ добрый человекъ, и согласится разделить ее съ вами.» Товарища моего не было дома; въ горницѣ не нашелъ я ничего, кромѣ постели, гишары, картъ и . . . a black pair of silk breeches *. Въ ту же минуту явился Англійской парикмахеръ, толстый флегматикъ, который изрѣзалъ мнѣ щеки пупою бришвою, намазалъ голову саломъ и напудрилъ мукою . . . я уже не въ Парижѣ, гдѣ кисть искуснаго, веселаго Ролеша ** подобно Зефиру навѣвала на мою голову бѣлѣйшій ароматный иней! На мои жалобы: *ты меня рѣжешь, помада твоя пахнетъ саломъ, изъ пудры твоей хорошо только печь сухари*, Англичанинъ отвѣчалъ съ сердцемъ: *I dont understand*

* Съ которыми отправился Йорикъ во Францію, какъ известно.

** Имя моего Парижскаго парикмахера.

you, Sir; я васъ не разумлю! И большой чело-
вѣкъ не естъ ли ребенокъ? Бездѣлица весе-
лишь, бездѣлица огорчаетъ его: толстой
Лондонской парикмахеръ грубостью своею
какъ облакомъ зашмиль мою душу. Надѣвая на
себя Парижской фракъ, я вздохнулъ о Пари-
жѣ, и вышелъ изъ дому въ задумчивости, ко-
торая однакожь въ минушу разсѣялась видомъ
прекраснѣйшей иллюминаціи. . . . Едва толь-
ко закашилось солнце, а всѣ фонари на ули-
цахъ были уже засвѣчены; ихъ здѣсь тысячи,
одинъ подлѣ другаго, и куда ни взглянешь,
вездѣ перспектива огней, копорые вдали ка-
жущся вамъ огненною, непрерывною нишью,
пропаянушою въ воздухъ. Я ничего подобнаго
не видывалъ, и не дивлюсь ошибкѣ одного
Нѣмецкаго Принца, копорый, въѣхавъ въ
Лондонъ ночью и вида яркое освѣщеніе
улицъ, подумалъ, что городъ иллюминированъ
для его пріѣзда. Англійская нація любитъ
свѣтъ, и даетъ Правительству милліоны,
чтобы замѣнялъ естественное солнце искус-
ственнымъ. Разительное доказательство на-
роднаго богатства! Французское Миниспер-
ство давало пенсіи на лунной свѣтъ *; гор-
дый Британецъ смѣется, звучитъ въ карма-
нѣ гинеями, и велитъ Пишшу зажигать фо-
нари засвѣгло.

Я люблю большіе города и многолюдство,

* Въ лунныя ночи Парижъ не освѣщался; изъ оспашковъ сум-
мы, опредѣленной на освѣщеніе города, давались пенсіоны.

въ кошоромъ челоуѣкъ можешъ бытъ уединеніе, нежели въ самомъ маломъ обществѣ; люблю смотрѣть на тысячи незнакомыхъ лицъ, кошорыя, подобно Кишайскимъ шѣнямъ, мелькають передо мною, оставляя въ нервахъ легкія, едва примѣшныя впечатлѣнія; люблю перяшся душою въ разнообразіи дѣйствующихъ на меня предметовъ и вдругъ обращаешься къ самому себѣ, — думаешь, что я средоточіе нравственнаго міра, предметъ всѣхъ его движеній, или пылинка, кошорая съ міріадами другихъ атомовъ обращается въ вихрь predetermined случаевъ. Философія моя укрѣпляется, такъ сказать, видомъ людской суешности; напрошивъ того, будучи одинъ съ собою, часто ловлю свои мысли на мірскихъ ничтожностяхъ. Свѣтъ нравственный, подобно небеснымъ тѣламъ, имѣетъ двѣ силы: одною влечетъ сердце наше къ себѣ, а другою отпалкиваетъ его: первую живѣе чувствую въ уединеніи, другую между людей — но не всякой обязанъ имѣть мои чувства.

Я умствую: извините. Таково дѣйствіе Англійскаго климата. Здѣсь родились Невтонъ, Локкъ и Гоббесъ!

Надобно смотрѣть, надобно описывать. — Ошибаюсь или нѣтъ; но мнѣ кажется, что первый взглядъ на городъ даетъ намъ лучшее, живѣйшее объ немъ понятіе, нежели долгое пребываніе, въ кошоромъ, занимаясь частями, теряемъ чувство цѣлаго. Свѣжее любопытство ловитъ главные, опли-

чишельные знаки мѣста и людей: то, что собственно называется характеромъ, и что при долгомъ, повторительномъ разсмащриваніи зашемняется въ душѣ наблюдашеля. Такимъ образомъ, есшлы бы я, проживъ въ Лондонѣ года два, уѣхалъ и захошѣлъ себѣ предсшавишь его въ каршинѣ, то мнѣ надлежало бы оживишь въ памяти своей сильныя впечатлѣнія нынѣшняго дня.

Кшо скажешъ вамъ: шумный Лондонъ! шонъ, будьте увѣрены, никогда не видалъ его. Многолюденъ, правда; но шихъ удивительнымъ образомъ, не шолько въ сравненіи съ Парижемъ, но даже и съ Москвою. Кажешся, будшо здѣсь люди или со сна не разгулялись, или чрезмѣрно успали отъ дѣшшельности, и спѣшашъ опдыхашъ. Есшлы бы отъ времени до времени спукъ карешъ не пошрясалъ нервъ вашего слуха, то вы, ходя по здѣшнимъ улицамъ, могли бы вообразишь, что у васъ залегли уши. Я входилъ въ разные кофейные дома: двадцашъ, шридцашъ человекъ сидашъ въ глубокомъ молчаніи, чишающъ газетш, пьюшъ красное Поршугальское вино; и хорошо есшлы въ 10 минушъ услышите два слова — какія же? *your health, gentleman!* *ваше здоровье!* Мудрено ли, что Англичане славяшся глубокомыслиемъ въ Философіи? они имѣющъ время думать. Мудрено ли, что Орашоры ихъ въ Парламентѣ заговоривъ не умѣющъ кончишь? имъ наскучило молчашъ дома и въ публикѣ.

Спокойствіе моихъ ушей давало полную сво-

боду глазамъ моимъ занимаюсь наружностію предмешовъ, особливо лицами. Женщины и въ Лондонѣ очень хороши, одѣваясь просто и мило; всѣ безъ пудры, безъ румянъ, въ шляпкахъ, выдуманныхъ Граціями. Онѣ ходятъ какъ лешающъ; за иною два лакея съ трудомъ успѣваютъ бѣжать. Маленькія ножки, выспавляясь изъ-подъ кисейной юбки, едва касающъ до камней троттуара; на бѣломъ корсетѣ развѣвается Остъ-Индская шаль; и на шаль, изъ-подъ шляпки, падаютъ свѣпые локоны. Англичанки по большой части бѣлокуры; но самыя лучшія изъ нихъ темно-волосыя. Такъ мнѣ показалось; а я, право, смотрѣлъ на нихъ съ большимъ вниманіемъ! Взглядывалъ и на Англичанъ, кошорыхъ лица можно раздѣлить на три рода: на угрюмыя, добродушныя и звѣрскія. Клянусь вамъ, что нигдѣ не случалось мнѣ видѣть столько послѣднихъ, какъ здѣсь. Я увѣрился, что Гогардъ писалъ съ Напуры. Правда, что такія гнусныя фізіогноміи встрѣчающъ только въ низкой черни Лондонскаго народа; но столько многообразны, живы и разительны, что десяти Лафашеровъ не доспало бы для описанія всѣхъ дурныхъ качествъ, ими изображаемыхъ. Франшавъ видѣлъ я здѣсь гораздо болѣе, нежели въ Парижѣ. Шляпа сахарною головою, густо-насаленные волосы и виски до самыхъ плечъ, толстой галсукъ, въ кошоромъ погребена вся нижняя часть лица, разинушый ротъ, обѣ руки въ карманахъ, и самая непри-

сшойная походка : вошъ ихъ общія примѣшы! Не думаю, чшобы изъ пысячи подобныхъ людей вышелъ одинъ хорошій Членъ Парламента. Боркъ , Фоксъ , Шериданъ , Пишпъ , въ молодоспи своей вѣрно не бѣгали по улицамъ разинями.

Скажише, друзья мои, нашему П., обожаешю Англичанъ , чшобъ онъ попчасъ заказалъ себѣ дюжину синихъ фраковъ: это любимый цвѣшъ ихъ. Изъ 50 человекъ, копорые вспрѣшяшся вамъ на Лондонской улицѣ, по крайней мѣрѣ двадцашъ увидите въ синихъ кафшанахъ. Такимъ важнымъ замѣчаніемъ могу кончить письмо свое: осшальныя наблюденія поберегу для слѣдующихъ. Скажу шолько , что я съ великимъ трудомъ нашелъ свою Таверну. Лондонскія улицы всѣ одна на другую похожи; надобно было спрашивашъ, а я дурно выговаривалъ имя своей, и не прежде одиннадцати часовъ возвратился къ любезному моему . . . чемодану.

=

Лондонъ, Іюня. . . . 1790.

Я не видалъ еще никого въ Лондонъ; не успѣлъ взять денегъ у Банкаира , но успѣлъ слышашъ въ Веспминстерскомъ Аббатствѣ Генделеву Орашорію, Мессію, опдавъ за входъ

последнюю гиню свою. Въ оркестръ было 900 музыкантовъ. Пѣли славная въ Европѣ Мара, Синьора Каншело, Спораче, извѣстный пѣвецъ Паккіеротти, Норрисъ и проч. Инструментальною музыкою управлялъ Г. Крамеръ. Вообразите дѣйствіе 600 инструментовъ и 300 голосовъ, наилучшимъ образомъ согласенныхъ, — въ огромной залѣ, при безчисленномъ множествѣ слушателей, наблюдающихъ глубокое молчаніе! Какая величественная гармонія! какія прогнательныя аріи! гремящія хоры! быстрыя перемѣны чувствъ! Послѣ священнаго ужаса, вселяемаго арією: who shall stand when he appears *, вы въ восторгѣ отъ хора: arise, shine, for thy light is come **. Печаль, грусть обнимаетъ сердце, когда Мара поетъ о Хрисѣ: he was a man of sorrows, and acquainted with grief ***. Такъ называемые *семи-хоры*, вопросами и отвѣтами, производящъ удивительное дѣйствіе. Одинъ: who is the king of glory? Другой: The Lord, strong and mighty. — Who is the king of glory; The Lord of Hosts ****. Послѣ чего *семи-хоръ* повторяется всѣмъ хоромъ. Я плакалъ отъ восхищенія, когда Мара пѣла арію: I know that my Redeemer lives — и дуэшь съ Паккіеротти: O Death, where is thy sting? O grave, where is thy victory

* Кто устоитъ предъ лицемъ Его, и проч.

** Возстанъ и сіяй, ибо явился свѣтъ Твой.

*** Онъ испыталъ горести, узналъ печаль.

**** Кто Царь славы? Господь небесныхъ воинствъ.

* ? Я слыхалъ музыку Перголезіеву, Іомелліеву, Гайденову, но не бывалъ ничѣмъ сполько распроганъ, какъ Генделевымъ Мессіею. И печально и радосшно, и великолѣпно и чувствительнѣно!

Орашорія раздѣляется на три часпи; послѣ каждой музыканты отдыхали, а слушашели, пользуясь тѣмъ временемъ, завтракали. Я былъ въ ложѣ съ однимъ купеческимъ семействомъ. Меня посадили на лучшемъ мѣстѣ и кормили пирогами, но нимало не думали занимать разговоромъ. Лишь только Король съ Фамиліею вошелъ въ ложу свою, одинъ изъ моихъ поварищей ударилъ меня по плечу и сказалъ: «вошъ нашъ добрый Джорджъ съ добрыми дѣшми своими! Я нарочно наклонюсь, чшобы вы могли лучше видѣть ихъ.» Эшо мнѣ очень полюбилось, и полюбилось бы еще болѣе, ешлы бы онъ не шакъ сильно ударилъ меня по плечу. — Вошъ другой случай; къ намъ вошла женщина съ аффишами, и вшера мнѣ въ руки листочекъ, для шого, чшобы взяшь съ меня 6 пенсовъ. Спаршій изъ фамиліи выдернулъ его у меня съ сердцемъ и бросилъ женщинѣ, говоря: «ему не надобно; шы хочешъ опнять у него деньги; эшо спыдно. Онъ иносшранецъ, и не умѣешъ опговоришься.» Хорошо, подумалъ я: но для чего шы, господинъ Бришанецъ, вырвалъ листокъ съ

* Живъ, живъ Спаситель мой! . . . О Смерть! гдѣ швое жало? Могла! гдѣ побѣда швоя?

такою грубостію? для чего задѣлъ меня имъ по носу?

Между тѣмъ я съ пріятнымъ любопытствомъ разсматривалъ Королевскую Фамилію. У всѣхъ добродушныя лица, и болѣе Нѣмецкія, нежели Англійскія. Видъ у Короля самый здоровый; никакихъ слѣдовъ прежней его болѣзни въ немъ не примѣтно. Дочери похожи на мать: совсѣмъ не красавицы, но довольно миловидны. Принцъ Валлисской хорошій мужчина; только слишкомъ толстъ.

Тутъ видѣлъ я всю лучшую Лондонскую публику. Но всѣхъ болѣе занималъ меня молодой человекъ въ серенькомъ фракѣ, видомъ весьма обыкновенный, но умомъ своимъ рѣдкій; человекъ, который въ лѣтахъ цвѣтущей молодости живетъ единственно честолубіемъ, имѣя цѣлю пользу своего опечесыва; родителя славнаго сынъ достойный, уважаемый всѣми истинными патриотами — однимъ словомъ, Вильгельмъ Пипшъ! У него самое Англійское, покойное и даже немного флегматическое лицо, на которомъ однакожь изображается благородная важность и глубокомысліе. Онъ съ великимъ вниманіемъ слушалъ музыку — говорилъ съ тѣми, которые сидѣли подле него — но болѣе казался задумчивымъ. Въ наружности его нѣтъ ничего особеннаго, пріятнаго. — — Слышавъ Генделя и видѣвъ Пипша, не жалѣю своей гиней.

Эта Орапорія дается каждый годъ, въ память сочинителя и въ знакъ признашельно-

сти Англійскаго народа къ великимъ его талантамъ. Гендель жилъ и умеръ въ Лондонѣ.

Изъ Вестминстерскаго Аббатства прошелъ я въ славный Сент - Джемской паркъ — нѣсколько изрядныхъ липовыхъ аллей, обширный лугъ, гдѣ ходяшъ коровы, и болѣе ничего!

—

Лондонъ, Іюля. . . . 1790.

Съ помощію моихъ любезныхъ земляковъ нашелъ я въ Оксфордской улицѣ, близъ Cavendish Square, прекрасныя прикомнатныя запогоу въ недѣлю; онѣ составляютъ весь въпорой эпажъ дома, въ которомъ живушъ двѣ сестры хозяйки, служанка Дженни, вашъ другъ — и болѣе никого. «Одинъ мужчина съ тремя женщинами! какъ страшно или весело!» Нимало. Хозяйки мои украшены нравственными добродѣтелями и съдыми волосами; а служанка успѣла уже разсказать мнѣ тайную исторію своего сердца: Нѣмецъ ремесленникъ плѣнился ею, и скоро будешь щасливымъ ея супругомъ. Въ 8 часовъ утра приносишъ она мнѣ чай съ сухарями, и разговариваетъ со мною о Фильдинговыхъ и Ричардсоновыхъ романахъ. Вкусъ у нее спранный: на примѣръ, Ловеласъ кажется ей несравненно любезнѣе Грандиссона. Обожая Клеменшину, Дженни смѣется надъ

дѣвицею Байронъ , а Клариссу называетъ умною дуροю. Таковы Лондонскія служанки !

Въ каждомъ городѣ самая примѣчательнѣйшая вещь есть для меня . . . самый городъ. Я уже исходилъ Лондонъ вдоль и поперекъ. Онъ ужасно длиненъ , но въ иныхъ мѣстахъ очень узокъ; въ окружности же составляетъ верстъ пятьдесятъ. Распространяясь безпрестанно, онъ скоро поглотитъ всѣ окрестныя деревни, которыя исчезнутъ въ немъ какъ рѣки въ Океанъ. *Вестминстеръ* и *Сити* составляютъ двѣ главныя части его: въ первомъ живутъ по большей части свободные и достаточные люди, а въ послѣднемъ купцы, работники, мажоры: идутъ рѣка съ великолѣпными своими мостами, идутъ Биржа; улицы ширѣе, и вездѣ множество народу. Тутъ не видите уже той пріятной чистоты, которая на каждомъ шагу плѣняетъ глаза въ *Вестминстеръ*. Темза, величественная и прекрасная, совсѣмъ не служитъ къ украшенію города, не имѣя хорошей набережной (какъ на примѣръ Нева въ Петербургѣ, или Рона въ Лионѣ), и будучи съ обѣихъ сторонъ застроена скверными домиками, гдѣ укрываются самые бѣдные жители Лондона. Только въ одномъ мѣстѣ сдѣлана на берегу терраса (называемая *Адельфи*), и къ несчастію въ шакомъ, гдѣ совсѣмъ не видно рѣки подъ множествомъ лодокъ, нагруженныхъ земляными угольями. Но и въ этой неопрятной части города находите вездѣ богатыя лавки и магазины, наполненные всякаго рода товарами,

Индѣйскими и Американскими сокровищами, копорыхъ запасено шущъ на нѣсколько лѣтъ для всей Европы. Такая роскошь не возмущаетъ, а радуешь сердце, представляя вамъ разительный образъ человѣческой смѣлости, нравственнаго сближенія народовъ и общественнаго просвѣщенія! Пущь гордый богачъ, окруженный произведеніями всѣхъ земель, думаешь, что услажденіе его чувствъ есть главный предметъ торговли! Она, пишая безчисленное множество людей, пишаетъ дѣятельность въ мірѣ, переноситъ изъ одной части его въ другую полезныя изобрѣтенія ума человѣческаго, новыя идеи, новыя средства утѣшаться жизнью.

Нѣтъ другаго города столь пріятнаго для пѣшеходцевъ, какъ Лондонъ: вездѣ подлѣ домовъ сдѣланы для нихъ широкіе *троттуары*, копорые по-Русски можно назвать *намоствами*; ихъ всякое устро моютъ служанки (каждая передъ своимъ домомъ), такъ что и въ грязь и въ пыль у васъ ноги чисты. Одно только не нравилося мнѣ въ этомъ *намоствѣ*; а именно то, что безпрестанно видишь у ногъ опверстія, копорыя ночью закрываются, а днемъ не всегда; и если вы хотя мало задумаетесь, то можете попасть въ нихъ какъ въ западню. Всякое опверстіе служитъ окномъ для кухни, или для какой нибудь Таверны; или шущъ ссыпаютъ земляные уголья; или шущъ маленькая лѣстница для схода внизъ. Надобно знать, что всѣ Лондонскіе

дома спростыся съ подземельною частію, въ кошорой бываешъ обыкновенно кухня, погребъ и еще какія нибудь, очень несвѣтлыя горницы для слугъ, служанокъ, бѣдныхъ людей. Въ Парижѣ нищета взбирается подъ облака, на чердакъ; а здѣсь опускается въ землю. Можно сказать, что въ Парижѣ носятъ бѣдныхъ на головахъ, а здѣсь топчутъ ногами.

Дома Лондонскіе всѣ малы, узки, кирпичные, не бѣленые (для того, чтобы вѣчная копоть отъ угольевъ была на нихъ менѣе примѣтна), и представляющъ скучное, печальное единообразіе; но внутренность мила: все просто, чисто и похоже на сельское. Крыльцо и комнаты устланы прекрасными коврами; вездѣ свѣтлое красное дерево; нигдѣ не увидишь пылинки; нѣтъ большихъ залъ, но все уютно и покойно. Всѣхъ входящихъ къ хозяину или къ хозяйкѣ вводятъ въ горницу нижняго этажа, кошорая называется parlour; одни родные или друзья могутъ войти во внутреннія комнаты. — Ворота здѣсь нѣтъ: изъ домовъ на улицу дѣлаются большія двери, кошорыя всегда бывающъ запершы. Кто придетъ, долженъ стучаться мѣдною скобою въ мѣдный замокъ: слуга одинъ разъ, гость два, хозяинъ три раза. Для каретъ и лошадей есть особливые конюшенные дворы; при домахъ же бывающъ самыя маленькіе дворики, устланные дерномъ; иногда и садикъ, но рѣдко, потому что мѣс-

на въ городъ чрезмѣрно дороги. Ихъ по большой части опдають здѣсь на выспройку : возьми мѣсто , построй домъ , живи въ немъ 15 или 20 лѣтъ , и послѣ опдай все шому , чья земля.

Чшо, есшлы бы Лондонъ при такихъ широкихъ улицахъ , при шакомъ множествѣ красивыхъ лавокъ, былъ выспроенъ какъ Парижъ? Воображеніе не могло бы представишь ничего великолѣпіе.

Не скоро привыкнешь къ здѣшнему образу жизни, къ здѣшнимъ позднимъ обѣдамъ , которые можно почти назвашь ужинами. Вообразишъ , чшо за столъ сядяшся въ 7 часовъ! Хорошо шому , кто спитъ до одиннадцати ; но каково мнѣ, привыкшему вставашь въ восемь? Брожу по улицамъ ; люблюсь , какъ на вѣчной ярмонкѣ , разложенными въ лавкахъ шоварами; смопрю на смѣшныя каррикашуры, выспавляемыя на дверяхъ въ эстампныхъ кабинетахъ, и дивлюсь охотѣ Англичанъ. Какъ Французъ на всякой случай напишетъ пѣсенку , такъ Англичанинъ на все выдумаетъ каррикашуру. На примѣръ, шеперь Лондонскій Кабинетъ ссоришся съ Мадридскимъ за Нунка-Соундъ. Чшожь представляетъ каррикашура? Министры обоихъ Дворовъ спояшъ по горло въ водѣ и дерушся въ кулачки; у Гишпанскаго кровь бьешъ уже фоншаномъ изъ носу. — Захожу завпракашъ въ пирожныя лавки, гдѣ прекрасная вешчина, свѣжее масло, славные пироги и конфекшы; гдѣ все шакъ чисшо, шакъ

прибрано, что любо взглянуть. Правда, что такіе завтраки не дешевы, и меньше двухъ рублей не заплашишь, есѣли аппетишь хорошъ. Обѣдаю иногда въ кофейныхъ домахъ, гдѣ за кусокъ говядины, пудинга и сыру берушъ также рубли два. За то велика учтивость: слуга отворяетъ вамъ дверь, и миловидная хозяйка спрашиваетъ ласково, что прикажете? — Но всего чаще обѣдаю у нашего Посла, Г. С. Р. В. человека умнаго, достойнаго, пріятливаго, кошорый живетъ совершенно по-Англійски, любитъ Англичанъ и любимъ ими. Всегда нахожу у него человека пять или шесть, по большой части иносстранныхъ Министровъ. Обхождение Графа пріятно и ласково безъ всякой излишней корыстности. Онъ истинный патриотъ, знаетъ хорошо Русскую Исторію, Литтературу, и читалъ мнѣ наизустъ лучшія мѣста изъ Одъ Ломоносова. Такой посолъ не уронитъ своего Двора; за то Пиппъ и Гренвилъ очень уважаютъ его. Я замѣтилъ, что здѣшнія Министерскія конференціи бывають безъ всякихъ чиновъ. Въ назначенный часъ Министръ къ Министру идетъ пѣшкомъ, во фракъ. Хозяинъ, какъ сказываютъ, принимаетъ въ серпукъ; подають чай — высылають слугу — и, сидя на диванѣ, рѣшаютъ важное политическое дѣло. Здѣсь нуженъ умъ, а не пышность. Нашъ Графъ носитъ всегда синій фракъ и маленькой кошелекъ, кошорый отличаетъ его отъ всѣхъ Лондонскихъ жише-

лей: пошому что здѣсь никто кошелековъ не носишь. На лѣто нанимаетъ онъ прекрасный сельской домъ въ Ричмондѣ (версхахъ въ 10 миляхъ Лондона), гдѣ я также у него былъ и ночевалъ.

Вчерашній день пригласилъ меня обѣдать богатый Англичанинъ Бакснеръ, Консулъ, въ загородный домъ свой, близъ Гайдъ-Парка. Въ ожиданіи шести часовъ я гулялъ въ Паркѣ, и видѣлъ множество Англичанокъ верхомъ. Какъ онѣ скачутъ! Пріятно смотрѣть на ихъ смѣлосць и ловкосць; за каждою берейтеръ. День былъ хорошъ: но вдругъ пошелъ дождь. Всѣ мои Амазонки спѣшились, и подъ тѣнію древнихъ дубовъ искали убѣжища. Я осмѣлился съ одною изъ нихъ заговорить по-Французски. Она осмотрѣла меня съ головы до ногъ; сказала два раза oui, два раза non — и болѣе ничего. Всѣ хорошо-воспитанные Англичане знаютъ Французской языкъ, но не хотятъ говорить имъ, и я теперь крайне жалѣю, что такъ худо знаю Англійской. Какая розница съ нами! У насъ всякой, кто умѣетъ только сказать: comment vous portez-vous? безъ всякой нужды коверкаетъ Французской языкъ, чтобы съ Русскимъ не говорить по-Русски; а въ нашемъ такъ называемомъ *хорошемъ обществѣ* безъ Французскаго языка будешь глухъ и немъ. Несмыдно ли? Какъ не имѣть народнаго самолюбія? За чѣмъ бытъ попугаями и обезьянами вмѣстѣ? Нашъ языкъ и для разговоровъ право

не хуже другихъ ; надобно только, чтобы наши умные свѣтскіе люди, особливо же красавицы, поискали въ немъ выраженій для своихъ мыслей. Всего же смѣшнѣе для меня наши остроумцы, которые хопяшъ бышъ Французскими Авторами. Бѣдные ! они щаспливы шѣмъ , что Французъ скажетъ объ нихъ : *pour un étranger, Monsieur n'écrit pas mal!*

Извините , друзья мои , что я такъ разгорячился , и забылъ , что меня Баксперъ ждешъ къ обѣду — совершенно Англійскому, кромѣ Французскаго супа. Роспѣбивъ , *потаты* *, пудинги, и рюмка за рюмкой Кларешу, Мадеры ! Мущины пьюшъ , женщины говоряшъ между собою пошихоньку , и скоро оставляюшъ насъ однихъ; снимаюшъ скашершъ, кладушъ на столъ какія-то пестрыя салфешки, и спавяшъ множество бушылокъ: снова пишъ — *тосты*, здоровья! Всякой предлагаешъ свое; я сказалъ: *вѣчный миръ и цвѣтущая торговля?* Англичане мои сильно хлопнули рукою по столу , и выпили до дна. Въ 9 часовъ мы вспали , всѣ розовые; пошли къ дамамъ пишъ чай, и наконецъ всякой отправился домой. Это , говоряшъ , весело ! По крайней мѣрѣ не мнѣ. Не для того ли пьюшъ Англичане , что у нихъ вино дорого ? они любяшъ хваспашъся своимъ богатствомъ. Или холодная кровь ихъ имѣешъ нужду въ разгораченіи

=

* Земляныя яблоки.

Лондонъ, Іюля. . . 1790.

Нынѣшній день провелъ я какъ Говардъ — осматривалъ шемницы — хвалилъ попечительность Англійскаго Правленія, сожалѣлъ о людяхъ, и гнушался людьми.

Лучше, есѣли бы совсѣмъ не было нужды въ шюрмахъ; но когда бѣдный человѣкъ все еще проказишъ и безумствуетъ, то Англійскія должно называть благодѣяніемъ человеѣства, и Французская пословица: *il n'y a point de belles prisons* * здѣсь опчасши несправедлива.

Я хотѣлъ видѣть прежде Лондонское судилище, Justice-Hall, гдѣ каждая 6 недѣль собираются шакъ называемые *присяжные*, Jury, и судьи для рѣшенія уголовныхъ дѣлъ. Здѣсь, друзья мои, опдайте пальму Англійскимъ законодателямъ, которые умѣли жестокое правосудіе смягчить человеѣколюбіемъ, не забыли ничего для спасенія невинности и не боялись излишнихъ предосторожностей. Расскажу вамъ порядокъ слѣдствій.

Такъ называемый *мирный судья* естъ въ Англіи первый разбирашель всѣхъ доносовъ; онъ призываетъ къ себѣ обвиняемаго, даетъ очную ставку, и возвращаетъ ему свободу, есѣли доносъ оказываешся неосновательнымъ; въ противномъ же случаѣ обязываетъ его явиться въ судъ или, когда пресупленіе важно, опсылаетъ въ шемницу. Пошомъ дру-

* То естъ: «ѣтъ на свѣтѣ хорошихъ шемницъ.»

гой судья, именуемый Шерифомъ, избираешъ ошъ 12 до 24 присяжныхъ (всякаго соспоянiя людей, извѣстныхъ по своему доброму поведенiю), кошорые снова должны разсмошрѣшъ обстоятельство доноса; и ешъли 12 изъ нихъ не признаюшъ доказательствъ вѣрояшными, то обвиняемый выпускаешся; а ешъли признаюшъ, то начинаешся формальное дѣло — шакимъ образомъ:

Въ день рѣшительнаго засѣданiя пресшупникъ являешся въ судъ, выслушиваешъ на себя доносъ, и на вопросъ: «какъ хочешъ «бышъ судимъ?» ошвѣчаешъ: «по совѣспи и «закону моего опечества.» Шерифъ избираешъ тогда другихъ присяжныхъ ровно 12, и судимый имѣешъ право уничтожишъ ихъ выборъ, доказывая, что они по чему нибудъ могушъ бышъ присшрасшны; и даже безъ всякихъ причинъ можешъ опвергнушъ по закону 20 человекъ. Когда же присяжные выбрацы, тогда, давъ кляшву бышъ вѣрными совѣспи, саяшся на свои кресла, и вмѣстѣ съ судьями выслушиваюшъ дѣло, въ присушствiи многочисленныхъ зришелей. Донощикъ обвиняешъ, судимый оправдываешся, самъ или черезъ своего адвоката; предшавляюшъ свидѣшелей — и наконецъ, по разобранiи всѣхъ обстоятельствъ, одинъ изъ судей снова предлагаешъ ихъ въ ясномъ сокращенiи. Присяжные идушъ въ другую комнаш, запираюшся и судяшъ единшвенно по гласу совѣспи; законъ не велишъ имъ ни пишъ ни ѣшъ, пока

они на что нибудь единодушно не согласяшся. Вышедши опшуда, говоряшъ только одно слово: *виноватъ* или *невиноватъ*, и дѣло рѣшено безъ всякой аппелляціи. Есѣли скажутъ: *виноватъ*, то судьи прибираютъ только законъ на вину, держась его точнаго смысла, и не входя ни въ какія произвольныя изъясненія, такъ что въ Англіи не будетъ наказано и самое важное пресупленіе, есѣли законъ именно не опредѣляетъ его. Слѣдственно здѣсь нѣтъ челоѣка, отъ котораго зависѣла бы жизнь другаго! Не только осудишь, но даже и судишь не лзя никого безъ согласія 12 знаменимыхъ гражданъ. За то Англичане и хваляшся своими уголовными законами болѣе, нежели чѣмъ нибудь, называя усановленіе присяжныхъ священнымъ и божесвеннымъ. Разсказываютъ много удивительныхъ случаевъ, въ которыхъ темное чувство истины спасало невинныхъ вопреки всѣмъ вѣроятностямъ. На примѣръ: недавно одинъ ремесленникъ былъ судимъ въ убійствѣ; разныя улики обвиняли его; 11 присяжныхъ согласились произнести рѣшительное слово: *виноватъ*! двѣнадцатой не хотѣлъ. Товарищи пребовали отъ него причинъ.» Не знаю, отвѣчалъ онъ: но видѣ эшаго челоѣка говоришъ моему сердцу въ его пользу; и я скорѣ умру съ голода, нежели обвиню.» Прошелъ цѣлый день въ споръ; и наконецъ присяжные, изнуренные усталостію, рѣшились оправдать судимаго.

Черезъ нѣсколько дней нашелся другой убійца: ремесленникъ былъ невиненъ.

Изъ городского судилища сдѣланъ подземельный ходъ въ Невгапъ, ту славную шемницу, кою имя прежде всего узналъ я изъ Англійскихъ романовъ. Зданіе большое и красивое снаружи. На дворъ со всѣхъ сторонъ окружили насъ заключенные, по большой части важные преступники, и требовали подавнїя. Зная опытомъ, что и на Лондонскихъ улицахъ безпрестанно должно смотрѣть на часы и держатъ въ рукѣ кошелекъ, я пошчасъ схватился за свои карманы среди изобличенныхъ воровъ и разбойниковъ; но тюремщикъ, понявъ мое движеніе, сказалъ съ видомъ негодованїя: «государьмой! рассыпьте вокругъ себя гинеи; ихъ здѣсь не пронуть; таковъ заведенный мною порядокъ.» — Для чего же не сдѣлаютъ васъ Лондонскимъ Полицеймейстеромъ? спросилъ я; и въ доказательство, что вѣрю ему, спрянулъ обѣ руки въ жилетъ, бросивъ колодникамъ нѣсколько шиллинговъ. — Мы переходили изъ коридора въ коридоръ: вездѣ чистота, вездѣ свѣжій воздухъ, заражаемый только ядовитымъ дыханіемъ преступниковъ. Тюремщикъ, вводя насъ въ разныя комнаты, говорилъ: «здѣсь сидитъ господинъ убійца, здѣсь господинъ воръ, здѣсь «госпожа фальшивая монетчица!» Не можете вообразить, какія гнусныя лица представлялись глазамъ моимъ! Порокъ и злодѣйство страшно безобразятъ людей! Признаюсь, что

я сжавъ сердце ходилъ за надзирашелемъ, и нѣсколько разъ спрашивалъ : *все ли?* Но онъ хвастался передъ нами обширностію своего владѣнія и множествомъ ему подвластныхъ. Въ одной комнашѣ заключенъ молодой чело-вѣкъ. Дверь отворилась: онъ сидѣлъ на стулѣ и писалъ; приподнялъ голову, и съ ласковымъ видомъ намъ поклонился. Пріятное и томное лице его казалось чуждымъ злодѣянію. Тѣмъ болѣе я содрогнулся, когда шюрешникъ ска-залъ намъ, что онъ хотѣлъ умершвишь госпо-жу свою и — любовницу. Она не считала за преступленіе измѣнить молодому камердинеру своему; а камердинеръ, въ минуту изступле-нія, выхватилъ кинжалъ, и ранилъ ее въ руку. Желаю знать рѣшеніе присяжныхъ.

Въ Невгашѣ заключаются не только пре-ступники, но и бѣдные должники : они раз-дѣлены съ первыми одною спѣною. Такое со-сѣдство ужасно! И добрый челоѣкъ можешь разориться: каково же дышать однимъ возду-хомъ съ злодѣями и видѣть передъ своими окнами казни ихъ *? Съ нѣкошораго времени Правительство посылаетъ осужденныхъ въ Ботани-Бейскую колонію: отъ чего Невгашъ называютъ ея преддверіемъ; но не чудно ли вамъ покажется, что нѣкоторыя лучше хо-тяшъ бышъ съ честію повѣшены въ Англіи, нежели плышъ такъ далеко?» Мы любимъ свое опечество (говоряшъ они) и не терпимъ дур-наго общества.»

* Злодѣевъ казняшъ передъ самымъ Невгашомъ.

Я чишалъ въ Архенгольцъ описаніе Кингс-Бенча *, или шемницы для неплащащихъ должниковъ, — описаніе, которое можешь прельстись воображеніе чипашелей. Онъ говоритъ о пріятномъ мѣстоположеніи, о садахъ, о залахъ великолѣпно украшенныхъ, о балахъ, концерсахъ и весельяхъ всякаго роду. Однимъ словомъ, сей извѣстный Англومانъ описываетъ шюрму едва ли не такими живыми красками, какими Тассъ изобразилъ волшебное жилище Армиды. Скажешь вамъ правду, я не нашелъ сходства въ оригиналъ Кингс-Бенча съ поршрепомъ живописца Архенгольца. Вообразишь большое мѣсто, обнесенное высокою стѣною; нѣсколько маленькихъ домиковъ, бѣдно прибранныхъ; множество людей неопрятно одѣтыхъ, изъ копорыхъ одни ходятъ въ задумчивости по маленькой площади, другіе играютъ въ каршы или, чипая газеты, зѣваютъ: вотъ Кингс-Бенчъ! Я не видалъ ничего похожаго на садъ; но то правда, что есть лавки, въ копорыхъ покупаютъ и продаютъ заключенные; есть и кофейные дома, копорыхъ содержатели сами за долги содержащя въ Кингс-Бенчъ — это довольно странно! Поршныя, сапожники, и самыя Нимфы Венерины, тамъ сидящія, опправляютъ свое ремесло. Но между ими нѣтъ ни одной замуж-

* Выгода сидѣть въ Кингс-Бенчѣ, а не въ другой шюрмѣ, покупается деньгами; кто не можетъ ничего дать, того опправляютъ въ Невганъ.

ней женщины. По Англійскимъ законамъ въ разсужденіи долговъ всегда мужъ за жену отвѣчаетъ; она даетъ на себя обязательства, а онъ бѣднякъ или плашитъ, или идетъ въ тюрьму. Последнее спасеніе для дѣвицы или вдовы, которая не можетъ удовольствоваться своихъ займодавцевъ, есть въ Англіи замужство.

Послѣ Кингс-Бенча хотѣлъ я видѣть заключенныхъ другаго рода — пришелъ къ огромному замку, къ большимъ ворошамъ — и глаза мои, при входѣ, остановились на двухъ спашуяхъ, которыя весьма живо представляющъ безуміе печальное и свирѣпое. . . «Эпо Бедламъ!» скажете вы, и не ошибетесь. Надлежало сыскать надзирашеля, который изъ учтивости самъ пошелъ съ нами. Предлинныя галереи раздѣлены желѣзною решешкою! на одной сторонѣ женщины, на другой мужчины. Въ коридорѣ окружили насъ первыя, разсмашивали съ великимъ вниманіемъ, начинали говорить между собою сперва тихо, потомъ громче и громче, и наконецъ такъ закричали, что надобно было зажать уши. Одна брала меня за руку, другая за пучокъ, прешья хотѣла сдуть пудру съ головы моей — и не было конца ихъ ласкамъ. Между тѣмъ нѣкоторыя сидѣли въ глубокой задумчивости. «Эпо сумасшедшія «ошъ любви, сказалъ надзирашель: онъ всегда «смирны и молчаливы» И шакъ нѣжнѣйшая спрашъ человеческого сердца и въ самомъ безуміи занимаетъ еще всю душу! сонъ для вѣнчанныхъ предметовъ все еще продолжается!...

Я подошелъ къ одной молодой, блѣдной женщи-
нѣ, и смотрѣлъ на нее. Намъ рассказали ея
исторію. Она Француженка, ушла отъ сво-
ихъ родителей съ любовникомъ, молодымъ
Англичаниномъ, пріѣхала въ Лондонъ, и скоро
лишилась своего друга: онъ умеръ горячкою.
Разумъ ея, послѣ жестокой болѣзни, повре-
дился. Я начиналъ говорить съ нею: она кла-
нялась и не отвѣчала ни слова. Другая жен-
щина, лѣтъ въ 40, сидѣла на полу и смотрѣ-
ла въ землю: несчастная думаетъ, что она
приговорена къ смерти и будетъ сожжена
на кострѣ; ничто не можетъ ее разубѣдить
— и когда день пройдетъ, она говоритъ: «зав-
тра, завтра сожгутъ меня!» Какое ужасное со-
стояніе! — Многіе изъ мужчинъ заставили насъ
смѣяться. Иной воображаетъ себя пушкою и
безпрестанно палитъ ртомъ своимъ; другой ре-
ветъ медвѣдемъ и ходитъ на чешверенькахъ.
Бѣшеные сидятъ особливо; иные прикованы
къ стѣнѣ. Одинъ изъ нихъ безпрестанно
смѣется и зоветъ къ себѣ людей, говоря: «я
щасливъ! подише ко мнѣ; я вдохну въ васъ
блаженство!» Но кто подойдетъ, того уку-
ситъ. — Порядокъ въ домѣ, чистота, услуга
и присмотръ за несчастными достойны уди-
вленія. Между комнатами сдѣланы бани, теп-
лыя и холодныя, которыми Медики лечатъ
ихъ. Многіе выздоравливаютъ; и при выпускѣ
каждый получаетъ безденежно нужныя лекар-
ства для укрѣпленія души и тѣла. — Надзира-
тель провелъ насъ въ садъ, гдѣ гуляли самые

смирные изъ безумныхъ. Одинъ читалъ газеты: я заглянулъ въ нихъ и сказалъ : «это старья.» Безумный улыбнулся очень умно, приподнялъ свою шляпу и вѣжливымъ пономъ отвѣчалъ мнѣ: «государь мой! мы живемъ въ «другомъ свѣтѣ ; что у васъ старо , то у насъ еще ново!»

Въ Бедламѣ кончилъ жизнь свою Англійской Трагикъ Ли. Можешь быть вы не знаете объ немъ слѣдующаго забавнаго анекдота. Одинъ пріятель посѣтилъ его въ домѣ сумасшедшихъ. Ли чрезвычайно ему обрадовался , говорилъ очень умно и привелъ его на высокую террасу ; задумался и сказалъ : «Мой другъ! хочешь ли быть вмѣстѣ со мною безсмертнымъ ? Бросимся съ этой террасы : «шамъ внизу, на острыхъ камняхъ , ожида-«етъ насъ славная смерть!» — Пріятель увидѣлъ опасность , но отвѣчалъ ему равнодушно: «ничего не мудрено броситься сверху; «гораздо славнѣе сойти внизъ , и опшуда «вспрыгнуть на террасу.» — Правда, правда! закричалъ стихопворецъ и побѣжалъ съ лѣстницы; а пріятель между тѣмъ убрался домой.

Бедламу обязанъ я нѣкоторыми мыслями, и предлагаю ихъ на ваше разсмотрѣніе. Не правда ли, друзья мои, что въ наше время гораздо больше сумасшедшихъ, нежели когда нибудь? отъ чего же? отъ сильнѣйшаго дѣйствія спрасшей, какъ мнѣ кажется. Не говорю о физическихъ причинахъ безумія , дѣйствующихъ гораздо

рѣже нравственныхъ. Напримѣръ: когда бывало столько самоубійствъ отъ любви, какъ нынѣ? Мущина стрѣляется, а нѣжная, крошкая женщина сходитъ съ ума. Древніе не знали романовъ; рыцари среднихъ вѣковъ были честны въ любви, но шумная и воинственная жизнь ихъ не давала ей чрезмѣрно усиливаться въ сердцѣ. Напрошивъ того въ нашемъ образѣ жизни, покойной, роскошной, утонченной — въ свѣтѣ, гдѣ желаніе нравишься есть первое и послѣднее чувство молодыхъ и старыхъ; на театрѣ, который можно назвать *театромъ любви*; въ книгахъ, устѣянныхъ, такъ сказать, ея цвѣтами — все, все наполняешь душу горячимъ веществомъ для огня любовнаго. Дѣвушка двѣнадцати лѣтъ, побывавъ нѣсколько разъ въ спектаклѣ, начинаешь уже задумываться; женщина въ 45 лѣтъ все еще помнишь нѣжностію: та и другая любишь *воображеніемъ*; одна угадываешь, другая воспоминаешь — но я право не удивлюсь теперь, еслили покажутъ мнѣ десяти-или шестидесятилѣтнюю Сафу! Мущины тоже; и пусть скажутъ намъ, въ какое другое время бывало столько молодыхъ и старыхъ Селадоновъ и Альцибіадовъ, сколько ихъ видимъ нынѣ? — Возьмемъ въ примѣръ и славолубіе: утверждаю, что оно въ нынѣшній вѣкъ еще сильнѣе дѣйствуетъ, нежели прежде. Я люблю вѣрить всѣмъ великимъ дѣламъ древнихъ Героевъ; положимъ, что Кодры и Деціи давали убивать себя, и что Курціи бросались въ

пропасъ: но фанатизмъ Религіи конечно болѣе славолюбія участвовалъ въ ихъ героизмѣ*. Тогда же войны были народныя; всякой дрался за свои Аѳины, за свой Римъ. Нынѣ совсѣмъ другое; нынѣ Французъ или Гишпанецъ служишь волонтеромъ въ Русской арміи единственно изъ чести; дерется храбро и умираешь: вопъ славолюбіе!

Душа, слишкомъ чувствительная къ удовольствіямъ спрасей, чувствуешь сильно и непріятности ихъ: рай и адъ для нее въ сосѣдствѣ; за воспоргомъ слѣдуешь или опчаяніе или меланхолія, копорая споль часто отворяешь дверь . . . въ домъ сумасшедшихъ.

=

Лондонъ, Іюля. . . 1790.

Здѣсь терпимъ всякой образъ Вѣры; и есть ли въ Европѣ хошя одна Христіанская Секша, копорой бы въ Англіи не было? Пуритане или Кальвинисты, Методисты или Набожные, Пресвитеріане, Соціане, Унитане, Квакеры, Герригушеры; однимъ словомъ, чего хочешь, того просишь. Всѣ же шѣ, копорые не принадлежатъ къ главной или Епископ-

* О рыцарствѣ среднихъ вѣковъ можно сказать тоже.

ской церкви, называюща Диссенперами. Мнѣ хочется видѣть служеніе каждой Секты — и нынѣшній день началось мое пилигримство съ Квакуровъ. Въ 12 часовъ я пришелъ къ нимъ въ церковь: голыя сѣны, лавки и каѳедра. Всѣ одѣты просто; женщины не только безъ румянъ и пудры, но даже и ленточки ни на одной не увидишь; мужчины въ темныхъ кафтаныхъ безъ пуговицъ и складокъ. Всякой войдешь съ поспѣлымъ лицомъ, ни на кого не взглянешь, никому не поклонишься, сядешь на мѣсто и углубишься въ размышленіе. Вы знаете, что у нихъ нѣтъ ни священниковъ, ни учителей, и въ церкви проповѣдуютъ единственно тѣ, копорые вдругъ почувствуютъ въ себѣ дѣйствіе Св. Духа. Тогда вдохновенный спремится на каѳедру, говоритъ отъ полношя сердца, а другіе слушаютъ съ благоговѣніемъ. Я крайне любопытствовалъ видѣть такое явленіе, и смотрѣлъ на всѣ лица, чтобы схватить, такъ сказать, первыя черты вдохновенія. Проходишь часъ, другой: царствуютъ глубокое молчаніе, которое изрѣдка перерывается . . . кашлемъ. Всѣ физиогноміи покойны; никто не кривляется; многіе засыпаютъ — и другъ вашъ съ ними. Просыпаюсь — смотрю на часы: три — а все еще никто не говоритъ. Дожидаюсь, снова зѣваю, снова засыпаю — наконецъ вижу пять часовъ, лишаюсь терпѣнія и ухожу ни съ чѣмъ!—Господа Квакеры впередъ вы меня не заманише!

БИРЖА И КОРОЛЕВСКОЕ ОБЩЕСТВО.

Англичанинъ царствуетъ въ Парламентѣ и на Биржѣ; въ первомъ даетъ онъ законы самому себѣ, а на второй цѣлому торговому міру.

Лондонская Биржа есть огромное, четвероугольное зданіе, съ высокою башнею (на которой, вмѣсто флюгера, видите изображеніе сверчка *), съ колоннадами, поршиками и съ величественными аркадами надъ входомъ. Вошедши во внутренность, прежде всего встрѣчаете глазами статую Карла II, на высокомъ мраморномъ подножіи, и читаете въ надписи самую грубую латинскую и латинскую: *отцу отечества, лучшему изъ Королей, утѣху рода человѣческаго, и проч.* Кругомъ вездѣ Амурсы, не безъ смысла шушъ поставленные: извѣстно, что Карлъ II любилъ любить. Стоя на этомъ мѣстѣ куда ни взглянете, видите галерею, гдѣ, подъ аркадами, собираются купцы, всякой день въ 11 часовъ, и ходя взадъ и впередъ, дѣлающъ свои дѣла до шрехъ. Тутъ человѣкъ человѣку даромъ не скажешь слова, даромъ не пожмешь руки. Когда говоряшъ, то идешь торгъ; когда схватяшся руками, то дѣло рѣшено, и кораблю плывъ въ Новый Йоркъ или за Мысъ Доброй Надежды. Людей множество, но тихо; кругомъ жужжащъ, а не слышно громкаго слова. На стѣнахъ прибиты извѣстія о корабляхъ, пришедшихъ или от-

* Сверчокъ былъ гербомъ Архитектора Биржи.

ходящихъ; можете плыть, куда шолько вздумаете: въ Малабаръ, въ Кишай, въ Нушка-Соундъ, въ Архангельскъ. Капитанъ всегда на биржѣ; уговоритесь — и Богъ съ вами! — Тутъ славный Лойдовъ кофейный домъ, гдѣ собираются Лондонскіе спраховщики, и куда стекаются новоспи изъ всѣхъ земель и частей свѣта; тутъ лежишь большая книга, въ кошорую онъ вписываются для любопытныхъ, и кошора служитъ магазиномъ для здѣшнихъ журналистовъ. — Подлѣ Биржи множество кофейныхъ домовъ, гдѣ купцы завпракаютъ и пишутъ. Господинъ С* ввелъ меня въ одинъ изъ нихъ — представьте же себѣ мое удивленіе: всѣ люди заговорили со мною по-Русски! Мнѣ казалось, что я движеніемъ какого нибудь волшебнаго прутика перенесенъ въ мое отечество. Ошкрылось, что въ этомъ домѣ собираются купцы, торгующіе съ Россіею; всѣ они живали въ Пешербургѣ, знаютъ языкъ нашъ, и по своему приласкали меня.

Нынѣшній же день былъ я въ Королевскомъ Обществѣ. Г. Пар**, Членъ его, ввелъ меня въ это славное ученое собраніе. Съ нами пришелъ еще молодой Шведской Баронъ Сил*, человекъ умный и пріятный. Входя въ залу собранія, онъ взялъ меня за руку и сказалъ съ улыбкою: «здѣсь мы друзья, государь «мой»; храмъ Наукъ есть храмъ мира.» Я

* Тогда была у насъ война со Швеціею.

засмѣялся, и мы обнялись по-братски; а Г. Пар* закричалъ: «браво! браво!» Между тѣмъ Англичане, кошорые никогда не обнимающся, смотрѣли на насъ съ удивленіемъ: имъ странно казалось, что два человека пришли въ ученое собраніе цѣловаться! . . . Профаны! вы не разумѣли нашей Миспики; вы не знали, что мы подали хорошій примѣръ воюющимъ державамъ, и что по тайной симпатіи дѣйствій онъ скоро ему послѣдуютъ!

Въ большой залъ увидѣли мы большой столъ, покрытый книгами и бумагами; за столомъ, на бархатныхъ креслахъ, сидѣлъ Президентъ, Г. Банксъ, въ шляпѣ; передъ нимъ лежалъ золотой скипетръ, въ знакъ того, что просвѣщенный умъ есть царь земли; Секретари читали переписку, по большой части съ Французскими Учеными. Г. Банксъ всякой разъ снималъ шляпу и говорилъ: «изъявимъ такому-то Господину благодарность нашу за его подарокъ!» — Онъ сказывалъ свое мнѣніе о книгахъ, но съ великою скромностію. Читали еще другія бумаги, изъ коихъ я не разумѣлъ половины. Черезъ два часа собраніе кончилось, и Г. Пар* подвелъ меня къ Президенту, кошорый дурно произноситъ, но хорошо говоритъ по-Французски. Онъ человекъ тихой, и для Англичанина довольно привѣтливой.

Лондонъ Іюля. . . . 1790.

Хотя Лондонъ не имѣетъ столько примѣчанія достойныхъ вещей, какъ Парижъ, однакожь есть что видѣть, и всякой день употребляю нѣсколько часовъ на осматриваніе зданій, общественныхъ заведеній, Кабинетовъ; на примѣръ, нынѣшній день видѣлъ у Г. Толле (Towley) рѣдкое собраніе антиковъ, Египетскія статуи, древніе барельефы, между которыми живешь хозяинъ, какъ скупецъ между сундуками.

Англія, богатая Философами и всякаго рода Авторами, но бѣдная художниками, произвела наконецъ нѣсколько хорошихъ живописцевъ, коихъ лучшія историческія картины собраны въ такъ называемой *Шекспировой галлерей*. Г. Бойдель вздумалъ, а художники и Публика оказали всю возможную патристическую ревность для произведенія въ дѣйство щастливой идеи, изобразить лучшія сцены изъ Драмъ безсмертнаго Поэта, какъ для славы его, такъ и для славы Англійскаго Искусства. Охотники сыпали деньгами для ободренія талантовъ, и болѣе двадцати живописцевъ неутомимо трудятся надъ обогащеніемъ галлерей, въ которой былъ я нѣсколько разъ съ великимъ удовольствіемъ. Зная швердо Шекспира, почти не имѣю нужды справляясь съ описаніемъ, и смотря на картины, угадываю содержаніе. Всего болѣе нравились мнѣ работы Фисли, стариннаго Лафашерова дру-

га * ; онъ выбираешъ изъ Шекспира самое фаншаспическое или мечтательное, и съ удивительною силою, съ удивительнымъ богатствомъ воображенія даешъ вещественность воздушнымъ его твореніямъ, даетъ имъ имя и мѣсто, a local habitation and a name, какъ сказалъ одинъ Англичанинъ. Если бы воскресъ мечтатель-Поэтъ, какъ бы обнялъ онъ мечтателя-живописца! Картины Гамильтоновы, Ангелики Кауфманъ, Весловы также очень хороши и выразительны. — Тутъ же видѣлъ я рисунки всѣхъ картинъ Орфордова собранія, купленнаго нашею Императрицею.

==

Здѣшняя церковь Св. Павла почти столько же славна, какъ Римская Св. Петра, и есть конечно въпоря въ свѣтъ по наружному своему великолѣпію; вы видали рисунки той и другой: есть сходство, но много и различія. Избавлю себя и васъ отъ подробностей; не хочу говорить о стилѣ, о безчисленныхъ колоннахъ, фронтоннахъ, статуяхъ Апостоловъ, Королевы Анны, Великобританіи съ копьемъ, Франціи съ короною, Ирландіи съ арфою, Америки съ лукомъ; и даже не скажу ни слова о величествен-

* Въ молодости своей оба они влюблялись въ одну дѣвицу: Лафатеръ пожертвовалъ ему своею любовью. Фисли, ухавъ въ Испанію и посвятивъ себя Искусству, пересылалъ оповѣщая на письма своего друга; но Лафатеръ всегда говорилъ объ немъ съ чувствомъ и съ жаромъ.

номъ куполъ. Все это превозносятся и знапо-
ками и невѣждами. Я замѣшилъ для себя одну
прекрасную аллегорію; на фроншонъ портика
изображенъ фениксъ, вылезающій изъ пламени
съ Лашинскою надписью: *воскресаю!* что имѣешь
отношеніе къ возобновленію этой церкви, разру-
шенной пожаромъ. Окружающій ее балюстрадъ
считается первымъ въ свѣтѣ. Жаль, что она
сжата со всѣхъ сторонъ зданіями, и не имѣ-
етъ большой площади, на которой огром-
ность ея показалась бы несравненно рази-
пельнѣе! Жаль также, что Лондонской вѣч-
ной дымъ не пощадилъ великолѣпнаго храма
и закопшилъ его снизу до самаго золотого
шара, служащаго ему короною! Вошедши во
внутренность, я спѣшилъ, по совѣту моего
вожага, на середину церкви, и остановясь
подъ самымъ куполомъ, долго смотрѣлъ
вверхъ и вокругъ себя. Вы думаете, что
другъ вашъ, пораженный величествомъ храма,
былъ въ восхищеніи! Нѣтъ; мысль, которая
вдругъ пришла мнѣ въ голову, все испортила:
«что значатъ всѣ наши своды передъ сводомъ
«неба? сколько надобно ума и прудовъ для
«произведенія столь неважнаго дѣйствія? не
«есть ли Искусство самая безстыдная обезъ-
«яна Пророды, когда оно хочетъ спорить съ
«нею въ величіи!» Между тѣмъ Чичероне мой
говорилъ: «смотрише на эту гордую аркаду,
«на щипы, на фестоны, на всѣ украшенія;
«смотрише на живопись купола, на славные
«органы, на колонны галлерей, и согласишесь,

«что вы не видали ничего подобного!» — Въ пакъ называемомъ Хортъ сдѣланъ шронъ для Лондонскаго Епископа и мѣсто для Лондонскаго Лорда-Мера. . . Вдругъ началось въ церкви пѣніе столь пріятное, что я забылъ сморщиться, слушалъ и плѣнялся во глубинѣ души моею. Прекрасные мальчики, въ бѣломъ плащѣ, пѣли хоромъ: они казались мнѣ Ангелами! Что можетъ быть прелестнѣе гармоніи человѣческихъ голосовъ? Это непосредственный органъ божественной души! Декартъ, копорый всѣхъ живошныхъ, кромѣ человека, хотѣлъ признавать машинами, не могъ слушать соловьевъ безъ досады; ему казалось, что нѣжная Филомела, прогая душу, опровергаетъ его систему; а система, какъ извѣстно, всего дороже Философу! Каково же Матеріалисту слушать пѣніе человѣческое? Ему надобно быть глухимъ или чрезмѣрно упрямымъ. — Служеніе кончилось, и вожакой предложилъ мнѣ итти въ верхнія галлерей, вмѣстѣ съ Французскимъ Маркизомъ и женою его. Маркизъ задохнулся и сѣлъ на первой галлерей; но Француженка всходила бодро, и хотѣла быть на самомъ верху. Начались спрудныя спупени, темныя, узкіе переходы: Маркиза не опспавала и кричала мнѣ: *далѣе!* *Montez toujours!* Я былъ на Спразбургской башнѣ, на Альпійскихъ горахъ, но успалъ до смерти, и естли бы не постыдился женщины, шо опказался бы опъ славы быть на высочайшемъ пунктѣ Лондона. Мы взобрались едва

не подь самой крестъ; наконецъ . . . *pas plus ultra!* остановились и забыли свою усталость. Прекрасный видъ! весь городъ, всѣ окрестности передъ глазами! Лондонъ кажется грудой блестящей черепицы; безчисленные мачты на Темзѣ частымъ камынемъ на маленькомъ ручейкѣ; рощи и парки густою крививою. Мы пробывали съ часъ, и Француженка имѣла время показать мнѣ свое остроуміе, философію и наблюдательный духъ. «Въ Англіи, говоришь «она, надобно только *смотреть*; *слушать* не-
«чего. Англичане прекрасны видомъ, но скуч-
«ны до крайности; женщины здѣсь милостивы,
«и только: ихъ дѣло разливать чай и нянчить
«дѣшей. Парламентскіе Орашоры кажутся
«мнѣ Индѣйскими пѣпухами, Шекспировы
«трагедіи игрищами и похоронами; здѣшніе
«актеры умѣютъ только падать. Все это
«несносно: не правда ли?» Я боялся прошиво-
рѣчіемъ еще болѣе взволновать кровь ея, ко-
торая и безъ того была въ страшномъ дви-
женіи; подалъ ей руку въ знакъ согласія, и
мы пошли внизъ, дружелюбно раздѣляя опас-
ности и говоря безъ умолку. — *Craignez de
faire un faux pas, madame.* — «Ah! les femmes en
font si souvent!» — *C'est que les chûtes des femmes
sont quelque fois très aimables.* — «Oui, parce que
les hommes en profitent.» — *Elles s'en relevent avec
grace.* — «Mais non pas sans en ressentir la douleur
le reste de leurs jours.» — La douleur d'une belle
femme est une grace de plus. — «Et tout cela n'est
que pour servir sa majesté, l'homme.» — Ce Roi est
souvent détrôné, Md. — «Comme notre bon et pau-

vre Louis XVI: n'est ce pas?» — A peu près, Md. — —
Между тѣмъ мы сошли въ нижнюю галерею,
гдѣ Маркизъ сообщилъ намъ свои примѣчанія
на живопись купола, и гдѣ мы забавлялись
спранныю игрою звуковъ. Станьте въ одномъ
мѣстѣ галереи, и скажите что нибудь очень
тихо: стоящіе вдали, напрошивъ васъ, слы-
шатъ ясно каждое слово *. Звукъ чуднымъ
образомъ умножается къ окружности свода, и
скрытъ двери кажется вамъ сильнымъ уда-
ромъ грома. Опшуда прошли мы въ Библіо-
шеку, гдѣ примѣчанія достойна модель храма,
копорою Архипекшоръ Св. Павла, Христо-
форъ Ренъ (Wren), весьма радовался, но копо-
рая для того не была произведена въ дѣйство,
что походитъ на языческіе храмы. Художникъ
досадовалъ, спорилъ, и наконецъ согласился
сдѣлать другой планъ. — На мѣстѣ Св. Па-
вла было нѣкогда славное капище Діаны; во
впоромъ вѣкѣ оно превратилось въ Христіан-
скую церковь, копорая черезъ 400 лѣтъ была
снова украшена и посвящена Апостолу Павлу;
пять разъ горѣла, и не прежде какъ въ 1711
году явилась въ шеперешнемъ своемъ видѣ.
Она стоила 12 милліоновъ рублей.

=

Лондонская крѣпость, Tower, построена на
Темзѣ въ одиннадцатомъ вѣкѣ Вильгельмомъ
Завоевателемъ, была прежде дворцомъ Англій-

* Это напомнило мнѣ Парижскую Salle du secret.

скихъ Королей, ихъ убѣжищемъ въ народныхъ возмущеніяхъ, наконецъ государственною пещницею ; а теперь въ ней монетной дворъ, арсеналъ, царская кладовая и — звѣри!

Я не давно читалъ Юма , и память моя пощасъ представила мнѣ рядъ несчастныхъ Принцовъ, которые въ этой крѣпости были заключены и убиты. Англійская Исторія богата злодѣйствами ; можно смѣло сказать, что по числу жителей въ Англіи болѣе нежели во всѣхъ другихъ земляхъ погибло людей отъ внутреннихъ мятежей. Здѣсь Каполики умерщвляли Реформатовъ, Реформаты Каполиковъ, Роялисты Республиканцевъ, Республиканцы Роялистовъ; здѣсь была не одна Французская Революція. Сколько добродѣтельныхъ патриотовъ, Министровъ, любимцевъ Королевскихъ положило свою голову на эшафотъ! Какое оспервененіе въ сердцахъ ! какое изступленіе умовъ ! Книга выпадаетъ изъ рукъ. Кто полюбитъ Англичанъ , читая ихъ Исторію ? Какіе Парламенты ! Римской Сенатъ во время Калигулы былъ не хуже ихъ. Прочитавъ жизнь Кромвеля, вижу, что онъ возвышеніемъ своимъ обязанъ былъ не великой душѣ , а коварству своему и фанатизму тогдашняго времени. Рѣчи, говоренныя имъ въ Парламентъ , наполнены удивительнымъ безуміемъ. Онъ нарочно пущается въ словахъ, чтобы не сказать ничего: какая ничтожная хитрость! Великой человекъ не прибѣгаетъ къ такимъ малымъ средствамъ; онъ гово-

ришъ дѣло, или молчишъ. Сколь безсмысленно все говоренное и писанное Кромвелемъ, сколько умны и глубокомысленны сочиненія Секретаря его, Мильтона, который по восшествіи на престолъ Карла II спасся отъ эшафота своего Поэмою, славою и всеобщимъ уваженіемъ.

Дворецъ Вильгельма Завоевателя еще цѣль и называется *бѣлою башнею*, *white tower*: зданіе безобразное и варварское! Другіе Короли къ нему приспособивали, окруживъ его стѣнами и рвами.

Прежде всего показали намъ въ крѣпости дикихъ звѣрей (забаву Королей Англійскихъ со времени Генриха I), а потомъ большую залу, гдѣ хранящся трофеи перваго побѣдоноснаго флота Англіи, разбившаго славную Гишпанскую Армаду. Я съ великимъ любопытствомъ разсматривалъ флаги и всякаго рода оружіе; думалъ о Филиппѣ, о Елисаветѣ; воображалъ смиренную гордость перваго и скромное величіе послѣдней; — воображалъ ту минушу, когда Герцогъ Сидонія упалъ на колѣни передъ своимъ Монархомъ, говоря: *флотъ твой погибъ!* и когда Филиппъ, съ милостию проспирая къ нему руку, отвѣчалъ: *да будетъ воля Божія!* — Я воображалъ всеобщую ревность Лондонскихъ гражданъ и солдатъ Елисаветиныхъ, когда она, въ видѣ Любви и Красоты, какъ богиня явилась между ими, говоря: *друзья! не оставьте меня и отечество!* и когда всѣ они единодушно отвѣчали: *умремъ за тебя и спасемъ отечество!...*

Замѣшьте, что не только Гишпанская Армада, но почти всѣ огромныя вооруженія древнихъ и новыхъ временъ оканчивались сшымъ и ничтожносшю. Богъ слабымъ помогаетъ! Тамъ горсть Грековъ торжествуетъ надъ безчисленными Персами! шуть Голландскіе рыбаки или Швейцарскіе паспухи испребляютъ лучшія арміи; здѣсь Венеція или Прусской Фридрихъ пропившися всей Европѣ и заключаетъ славный миръ.

Ошшуда пошли мы въ большой арсеналь... прекрасный и грозный видъ! Сшны, колонны, пиласпры, все составлено изъ оружія, кошорое ослѣпляетъ глаза своимъ блескомъ. Одно слово — и 100,000 человекъ будутъ здѣсь вооружены въ нѣсколько минутъ. — Внизу подъ малымъ арсеналомъ, въ длинной галлерей, спойшъ *Королевская артиллерія* между столбами, на кошорыхъ висятъ знамена, въ разныя времена опняшья Англичанами у непріятелей. Тутъ же видите вы изображеніе знаменишѣйшихъ Англійскихъ Королей и Героевъ: каждой сидитъ на лошади, въ своихъ лапахъ и съ мечемъ своимъ. Я долго смотрѣлъ на храбраго *Чернаго Принца*.

Въ царской кладовой показывали намъ вѣнецъ Эдуарда *Исповѣдника*, осыпанный множествомъ драгоценныхъ камней; золотую державу съ фиолетовымъ аметистомъ, кошорому цѣны не полагаютъ; скипетръ, шакъ называемые мечи милосердія, духовнаго и временнаго правосудія, носимые передъ Англійскими

Королями въ обрядъ коронованія — серебряныя купѣли для царской фамиліи, и пребогатый государственный *вѣнецъ*, надѣваемый Королемъ для присутствія въ Парламентѣ, и украшенный большимъ изумрудомъ, рубиномъ и жемчугомъ.

Тутъ же показываютъ и шопоръ, которымъ опрубили голову Аннѣ Грей!!

Наконецъ ввели насъ въ монетную, гдѣ дѣлаютъ золотыя и серебряныя деньги; но это Англійская Тайная, и вамъ говорятъ: сюда не ходите, сюда не глядите; туда васъ не пустятъ! — Мы видѣли кучу гиней, но Г. надзирашеть не посмѣдился взять съ насъ нѣсколько шиллинговъ!

=

Сеншъ — Джемской дворецъ есть, можетъ быть, самый бѣднѣйшій въ Европѣ. Смотри на него, пышный человекъ не захочетъ быть Англійскимъ Монархомъ. Внутри также нѣтъ ничего царскаго. Тутъ Король обыкновенно показывается чужестраннымъ Министрамъ и публикѣ; а живетъ въ Королевиномъ Дворцѣ, Buckinghamhouse, гдѣ комнаты убраны со вкусомъ, опчаси работою самой Королевы, и гдѣ всего любопытнѣе славныя Рафаэлевы картоны или рисунки; ихъ всего 12: 7 у Королевы Англійской, два у Короля Французскаго,

два у Сардинскаго, а двѣнадцатой у одного Англичанина, который, занявъ для покупки сего драгоценнаго рисунка большую сумму денегъ, отдалъ его въ закладъ и получилъ назадъ испорченный. На нихъ изображены разные чудеса изъ Новаго Завѣша; фигуры всѣ въ человѣческій ростъ. Художники счищаютъ ихъ образцомъ правильности и смѣлости. — Я видѣлъ торжественное собраніе во Дворцѣ; однакожь не входилъ въ парадную залу, будучи въ простомъ фракѣ.

Уайтъ-галъ (White-hall) былъ прежде Дворцомъ Англійскихъ Королей — сгорѣлъ, и теперь существуютъ только его остатки, между которыми достойна примѣчанія большая зала, расписанная вверху Рубенсомъ. Въ семъ зданіи показываютъ закладенное окно, изъ котораго несчастный Карлъ сведенъ былъ на эшафотъ. Тамъ, гдѣ онъ лишился жизни, стоитъ мраморное изображеніе Іакова II; поднявъ руку, онъ указываетъ пальцемъ на мѣсто казни отца его *.

Адмиральтейство есть также одно изъ лучшихъ зданій въ Лондонѣ. Тутъ засѣдаютъ пять главныхъ Морскихъ Коммисаровъ; они

* Я видѣлъ и статую Карла I, любопытную по слѣдующему анекдоту. Послѣ его бѣдственной кончины, она была снята и куплена мѣдникомъ, который продалъ безчисленное множество шандаловъ, увѣряя, что они вылиты изъ металла статуи; но въ самомъ дѣлѣ онъ спряхалъ ее, и подарилъ Карлу II, при его восшествіи на престолъ — за что былъ награжденъ весьма щедро.

разсылающъ приказы къ начальникамъ Портовъ и къ Адмираламъ ; всѣ выборы Флотскихъ Чиновниковъ опъ нихъ зависяшъ.

Палашы Лорда-Мера и Банкъ спояшъ примѣчательнаго взгляда ; самый огромный домъ въ Лондонѣ есть пакъ называемый *Соммерсетъ-гаусъ* на Темзѣ , кошорый еще не достроенъ, и похожъ на цѣлый городъ. Тутъ соединены всѣ городскіе Приказы, Коммисіи, Бюро; тутъ живутъ Казначей, Секретари, и проч. Архитектура очень хороша и величественна. — Еще замѣшны дома Бенфордовъ, Честерфильдовъ, Девонширскаго Герцога, Принца Валлискаго, (кошорый даетъ впрочемъ дурную идею о вкусѣ хозяина или Архитектора); другіе всѣ малы и ничтожны.

Описанія свои заключу я примѣчаніемъ на счетъ Англійскаго любопытства. Чшо ни пойдете вы здѣсь осматривашъ: церковь ли Св. Павла, Шекспирову ли галерею , или домъ какой, вездѣ находите множество людей, особливо женщинъ. Не мудрено: въ Лондонѣ обѣдающъ поздно ; и кшо не имѣешъ дѣла, шому надобно выдумывашъ, чѣмъ заняшъ себя до шести часовъ.

Земляки мои непременно хопѣли видѣшь славную скачку близъ Виндзора, гдѣ рѣзвая лошадь приносишь хозяину иногда болѣе Ост-Индскаго корабля. Я радъ съ другими всюду ѣхашь, и въ 9 часъ утра поскакали мы четверо въ каретѣ по Виндзорской дорогѣ; безпрестанно кричали нашему кучеру: *скорѣе! скорѣе!* и въ нѣсколько минушъ очутились на первой станціи. — «Лошадей!» — *А гдѣ ихъ взять? встѣ въ разгонѣ.* — «Вздоръ! это развѣ не лошади?» — *Онѣ приготовлены для другихъ, для васъ нѣтъ ни одной.* — Мы шумѣли, но безъ пользы, и наконецъ рѣшились иппи пѣшкомъ, не смотря на жаръ и пыль. — Какое превращеніе! какой ударъ для нашей гордости! Тѣ, мимо кошорыхъ какъ пшицы пролешѣли мы на борзыхъ Англійскихъ коняхъ, объѣзжали насъ одинъ за другимъ, смотрѣли съ презрѣніемъ на бѣдныхъ пѣшеходцевъ и смѣялись. Несносные, грубые Бришанцы! думалъ я: обсыпайте насъ пылью; но за чѣмъ смѣяться? — Иные кричали даже: «добрый пущь, господа! видно, «по обѣщанію!» — Но Русскихъ не шакъ легко унизишь; мы сами начали смѣяться; скинули съ себя кафшаны, шли бодро и пѣли даже Французскія аріи; отобѣдали въ сельскомъ пракширѣ, и въ 5 часовъ, сворошивъ не много съ большой дороги, всступили въ Виндзорской Паркъ. . . .

Thy forests, Windsor! and thy green retreats,
At once the Monarch's and the Muse's seats.

P o p e.

Мы сняли шляпы . . . вѣря Поэшу , что
это священный лѣсъ. «Здѣсь, (говоришь онъ)
«являющся боги во всемъ своемъ великолѣпїи;
«здѣсь Панъ окруженъ безчисленными спада-
«ми, Помона разсыпаетъ плоды свои , Флора
«цвѣтитъ луга , и дары Цереры волнующся
«какъ необозримое море» . . . Описаніе Спихо-
творца пышно, но справедливо. Мрачные лѣ-
са, прекрасные лѣсочки, поля, луга, безконеч-
ныя аллеи, зеркальные каналы, рѣки и рѣчки,
все есть въ Виндзорскомъ паркѣ! — Какъ мы
веселились , отдыхали и снова утомлялись,
то сидя подъ густою сѣнїю , гдѣ пѣли надъ
нами всякаго роду лѣсныя пшцы , то бѣгая
съ оленями , копорыхъ шумъ множесшво! —
Спихотворецъ у меня въ мысляхъ и въ ру-
кахъ. Я ищу береговъ унылой Лодоны, гдѣ,
по его словамъ , часшо купалась Циншїа —
Дїана. . . .

Изъ юныхъ Нимфъ ея дочь Тамеса, Лодона,
Была славнѣе всѣхъ; и взоръ Эндимїона
Лишь пошому ее съ Дїаной различалъ,
Что мѣсяцъ золотой богиню украшалъ.
Но смертныхъ и боговъ плѣняя, не плѣнялась:
Одна свобода ей съ невинностью мила,
И ловля пшцы, звѣрей ушѣхою была.
Одежда легкая на Нимфѣ развѣвалась ;
Зефиръ игралъ въ ея спруистыхъ волосахъ;

Ръзной колчанъ звенѣлъ съ стрѣлами на плечахъ,
И мѣшкое копьѣ * за серною свистало.
Однажды Папъ ее увидѣлъ, полюбилъ,
И сердце у него желаньемъ воспылало.
Она бѣжипъ . . . въ любви предметъ бѣгущій милъ,
И Нимфа робкая спыдливоспыю своею
Для дерзкаго еще прелестнѣе была.
Какъ горлица ленипъ опъ хищнаго орла,
Какъ яроспный орелъ спремипся въ слѣдъ за нею,
Такъ Нимфа опъ него, шакъ онъ за Нимфой въ слѣдъ —
И ближе, ближе къ пей. . . Она пзнемогаетъ;
Слаба, блѣдна . . . въ глазахъ ея шемпѣепъ свѣпъ,
Уже шѣнь Панова Лодону наспигаепъ,
И Нимфа слышипъ спукъ ногъ бога за собой;
Дыханіе его какъ вѣшеръ развѣваепъ
Ей волосы. . . Тогда, оставлена Судьбой,
Въ опчаяннн своемъ нещаспная, къ богинѣ
Душею обращаь, шакъ мыслила: «спаси,
«О Циппія! меня; въ дубравы пренеси,
«На родину мою! Ахъ! пуспъ я памъ опныпъ
«Сшенаю гореспно, и слезы лью ручьемъ!»
Исполпилось . . . и вдругъ, какъ будпшо бы слезами
Изливъ тоску свою, она течепъ спруями,
Сшеная жалобно въ журчаніи своемъ.
Потокъ сей и шеперь Лодонной называемъ,
Чиспъ, хладенъ какъ она; попъ лѣсь имъ орошаемъ,
Гдѣ Нимфа пѣкогда гуляла и жила,
Діана моепся въ его водѣ кристальной,
И памяпъ Нимфина донынъ ей мила:
Когда вообразипъ ея конецъ печальной,
Спруи сливаются съ богининой слезой.
Паспухъ, задумавшипъ, журчанью ихъ внимаепъ;
Сидя подъ шѣпю, въ нихъ часто созерцаепъ

* Легкія копья, съ которыми изображаются Діанины Нимфы, были бросаемы въ звѣрей.

Дуну у ногъ своихъ и горы внизъ главой,
Плывущій рядъ деревъ, надъ берегомъ висящихъ,
И воду свѣплую собою зеленающихъ.
Среди прекрасныхъ мѣстъ излучистымъ пушемъ
Лодона тихая едва, едва спруится;
Но вдругъ, быспрѣ спавъ въ печеніи своемъ,
Спѣшишь съ опцомъ ея навѣкъ соединишься *.

Извинише, еспѣли переводъ хуже оригинала. Слушая томное журчаніе Лодоны, я вздумалъ разсказать ея испорію въ Русскихъ стихахъ.

Мнѣ хошѣлось бы многое перевести вамъ изъ Windsor-Forest; на примѣръ, щаспіе сельскаго жишеля, любителя Наукъ и любимца Музъ; описаніе бога Тамеса, копорый, поднявъ свою влажную главу, опершись на урну и озираясь вокругъ себя, славословишь миръ и предсказываешь величіе Англіи. Но солнце заходишь, а намъ должно еще видѣшь славную скачку. Мы спѣшимъ, спѣшимъ. . . .

Теперь вы, друзья мои, ожидаете опѣ меня другой каршины; хошите видѣшь, какъ 30, 40 человекъ, одѣтыхъ Зефирами, сядыся на прекрасныхъ, живописныхъ лошадей, приподнимаюшыся на спременахъ, удерживаюшы дыханіе, и съ сильнымъ біеніемъ сердца ждушъ знака, чшобы скакашь, лешѣшь къ цѣли, опередишь другихъ, схватишь знамя и упасъ на землю безъ памяти; хошите ле-

* Съ Темзою, копорая въ Поэзіи называється богомъ Тамесомъ.

шѣшь взоромъ за скакунами, изъ копорыхъ всякой кажется Пегасомъ; хошите въ то же время угадывать по глазамъ зришелей, кпо кому желаетъ побѣды, чья душа за какою лошадыо несется; хошите чипать въ нихъ надежду, спрахъ, опяшь надежду, воспоргъ или опчаяніе; хошите слышать радостныя плески въ честь побѣдителя: *браво! виватъ! ура!* . . . Ошибаетесь, друзья мои! мы опоздали, ничего не видали, посмѣялись надъ собою и пошли осматривать большой Виндзорской дворецъ. Онъ стоишь на высокомъ мѣстѣ; всходъ нечувствительный, а видъ прекрасенъ. На одной сторонѣ равнина, гдѣ извивается величественная Темза, опушенная лѣсочками; а на другой большая гора, покрывая густымъ лѣсомъ. Передъ дворцомъ, на террасѣ, гуляли Принцессы, дочери Королевскія въ простыхъ бѣлыхъ платьяхъ, въ соломенныхъ шляпкахъ, съ просточками, какъ сельскія паслушки. Онъ рѣзвились, бѣгали и кричали другъ другу: *ma soeur, ma soeur!* Глаза мои искали Елисаветы: воображеніе мое, по нѣкоторымъ газетнымъ анекдотамъ, издавна любило заниматься ею. Она не красавица; но скромный видъ ея нравился.

Дворецъ построенъ еще Вильгельмомъ Завоевателемъ, распространенъ и украшенъ другими Королями. Онъ славится болѣе своимъ прекраснымъ мѣстоположеніемъ, нежели наружнымъ и внутреннимъ великолѣпіемъ. Я замѣтилъ нѣсколько хорошихъ картинъ: Ми-

кель-Анджеловыхъ, Пуссеновыхъ, Корреджіе-
выхъ и поршретовъ Вандиковыхъ. Изъ спаль-
ни входъ въ залу красоты, гдѣ стояшъ пор-
шреты прелеснѣйшихъ женщинъ во время
Карла II. Хошите ли знать имена ихъ?
Mistriss Knoff, Lawson, Lady Sunderland, Rochester,
Denham, Middleton, Byron, Richmond, Clevelant, Som-
merset, Northumberland, Grammont, Ossory. Есшъ-
ли живописцы не льсшили, то онѣ были по-
длинно красавицы, даже и въ Англіи, гдѣ
такъ много пріятныхъ женскихъ лицъ. . . .
Нѣкоторыя плафоны въ комнашахъ очень хо-
роши; также и рѣзная работа. Я долго смо-
трѣлъ на поршретъ нашего Великаго Петра,
написанный во время Его пребыванія въ Лон-
донѣ живописцомъ Неллеромъ. Имперашоръ
былъ тогда еще молодъ: это Марсъ въ Прео-
браженскомъ мундирѣ! — Зала Св. Георгія,
или Кавалеровъ Подвязки, стоишъ того, что-
бы сказаши объ ней нѣсколько словъ; она ве-
лика и прекрасна своею архитектурою. Въ
большомъ овалѣ, среди плафона, представленъ
Карлъ II въ Орденской одеждѣ, а за нимъ,
въ видѣ женщинъ, при Соединенныя Коро-
левства. Изобиліе и Религія держашъ надъ
нимъ корону. Тутъ же изображено Монархи-
ческое Правленіе, которое опирается на Ре-
лигію и Вѣчность. Правосудіе, Сила, Умѣрен-
ность и Благоразуміе гоняшъ мятежъ и бунтъ.
Подлѣ прона, въ осьмиугольникѣ, подъ кре-
стомъ Св. Георгія, окруженнымъ подвязкою
и Купидонами, вырѣзана надпись: Nonni soit

qui mal y pense! Однимъ словомъ, какъ въ Версальскомъ Дворцѣ все дышетъ Лудовикомъ XIV, такъ въ Виндзорскомъ все напоминаетъ Карла II, о которомъ Англійскіе папріоты не любяшъ воспоминашь.

=

Виндзорскій паркъ.

Сидя подъ тѣнію дубовъ Виндзорскаго парка, слушая тѣніе лѣсныхъ пшичекъ, шумъ Темзы и вѣшвей, провелъ я нѣсколько часовъ въ какомъ-то сладостномъ забвеніи — не спалъ, но видѣлъ сны, восхищительные и печальные.

Темныя, лесныя, милыя надежды сердца! исполнишь ли вы когда нибудь? Живость ваша есть ли залогъ исполненія? или, со всѣми правами быть щастливымъ, узнаю щастье только воображеніемъ, увижу его только мелькомъ, вдали, подобно блистанію молній, и при концѣ жизни скажу: «я не жилъ!»

Мнѣ грустно; но какъ сладостна эта грусть? Ахъ! молодость есть прелестная эпоха бытія нашего! Сердце, въ полношъ жизни, шворишъ для себя будущее, какое ему мило; все кажется возможнымъ, все близкимъ. Любовь и Слава, два идола чувствительныхъ душъ, стояшъ за флеромъ передъ нами и поднимаюшъ

руку, чтобы осыпашь насъ дарами своими. Сердце бьется въ восхищительномъ ожиданіи, перяется въ желаніяхъ, въ выборъ щасстья, и наслаждается возможнымъ еще болѣе, нежели дѣйствительнымъ.

Но цвѣтъ юности на лицѣ увядаетъ; опытность сушитъ сердце, увѣряя его въ трудности щассливыхъ успѣховъ, которые прежде казались ему столь легкими! Мы узнаемъ, что воображеніе украшало всѣ пріятности жизни, сокрывая отъ насъ недоспапки ея. Молодость прошла; любовь какъ солнце скашилась съ горизонта — чтожь осталось въ сердцѣ? нѣсколько милыхъ и горестныхъ воспоминаній — нѣжная тоска — чувство, подобное тому, которое имѣешь по разлукѣ съ безцѣннымъ другомъ, безъ надежды увидѣться съ нимъ въ здѣшнемъ свѣтѣ. — А слава? . . . Говорятъ, что она есть послѣднее утѣшеніе любовью расперзаннаго сердца; но слава, подобно розѣ любви, имѣетъ свое шипеніе, свои обманы и муки. Многіе ли бывали ею щассливы? Первый звукъ ея возбуждаетъ гидру зависти и злословія, которыя будутъ шипѣть за вами до гробовой доски, и на самую могилу вашу изліютъ еще ядъ свой.

Жизнь наша дѣлилась на двѣ эпохи: первую проводимъ въ будущемъ, а вторую въ прошедшемъ. До нѣкоторыхъ лѣтъ, въ гордости надеждъ своихъ, человекъ смотритъ все впередъ, съ мыслію: «тамъ, тамъ ожидаетъ меня судьба, достойная моего сердца!» Пошери

мало огорчаютъ его; будущее кажется ему несмѣшною казною, приготовленною для его удовольствій. Но когда горячка юности пройдетъ; когда сто разъ оскорбленное самолюбіе по неволѣ научится смиренію; когда, сто разъ обманутые надеждою, наконецъ перестаемъ ей вѣрить: тогда, съ досадою осматривая будущее, обращаемъ глаза на прошедшее, и хотимъ нѣкоторыми пріятными воспоминаніями замѣнить потерянное счастье летнихъ ожиданій, говоря себѣ въ утѣшеніе: *и мы, и мы были въ Аркадіи!* Тогда, тогда единственно научаемся дорожить и настоящимъ; тогда же бываемъ до крайности чувствительны и къ самомалѣйшей тѣни; тогда прекрасный день, веселая прогулка, занимательная книга, искренній дружескій разговоръ, даже ласки вѣрной собачки (которая не оставила насъ вмѣстѣ съ невѣрными любовницами!) извлекаютъ изъ глазъ нашихъ слезы благодарности; но тогда же и смерть любимой пшечки дѣлаетъ намъ превеликое горе.

Гдѣ сливаются сіи двѣ эпохи? ни глазъ не видишь, ни сердце не чувствуетъ. Однажды въ Швейцаріи вышелъ я гулять на восходѣ солнца. Люди, которые мнѣ встрѣчались, говорили: «*доброе утро, господинъ!*» Что со мною было далѣе, не помню; но вдругъ вывело меня изъ задумчивости привѣтствіе: «*добрый вечеръ!*» Я взглянулъ на небо: солнце садилось. Это поразило меня. Такъ бываетъ съ нами и въ жизни! Сперва говорятъ объ

человѣкъ: «какъ онъ молодъ!» и вдругъ скажушъ объ немъ: «какъ онъ сшаръ!»

Такимъ образомъ мыслилъ я въ Виндзорскомъ паркѣ, разбирая свои чувства и угадывая шъ, кошорыя со временемъ будутъ моими!

=

Лондонъ, Іюля. . . . 1790.

Трое Русскихъ, М*, Д* и я, въ 11 часовъ ушра сошли съ берега Темзы, сѣли на бошикъ и поплыли въ Гриничъ. День прекрасный — мы спокойны и веселы — плывемъ подъ величественными арками мостовъ, мимо безчисленныхъ кораблей, стоящихъ на обѣихъ сторонахъ въ нѣсколько рядовъ: одни съ распущенными флагами приходяшъ и вшираюшся въ тѣсную линію; другіе съ поднятыми парусами гоповы лешъшъ на край міра. Мы смошримъ, любимся, разсуждаемъ — и хвалимъ прекрасную выдумку денегъ, кошорыя сполько чудесъ производяшъ въ свѣшъ и сполько выгодъ доставляюшъ въ жизни. Кусокъ золоша — нѣшъ, еще лучше: клочекъ бумажки, присланный изъ Москвы въ Лондонъ, какъ волшебный талисманъ даешъ мнѣ власшъ надъ людьми и вещами: захочу, имѣю — скажу, сдѣлано. Все, кажешся, ожи-

даешъ моихъ повелѣній. Вздумалъ ѣхать въ Гриничъ — спукнулъ въ рукъ бѣленькими кружками — и гордые Англичане исполняютъ мою волю, пѣнятъ веслами Темзу, и доставляютъ мнѣ удовольствіе видѣть разнообразныя картины человѣческаго трудолюбія и Природы. — Разговоръ нашъ еще не кончился, а бошикъ у берега.

Первый предметъ, копорый явился глазамъ нашимъ, былъ самый предметъ нашего путешествія и любопытства: Гриничская Госпиталь, гдѣ признашеля Англія осыпаетъ цвѣтами спаросъ своихъ мореходцовъ, орудіе величества и силы ея. Не многіе Цари живутъ такъ великолѣпно, какъ Англійскіе пресварѣлые мапрозы. Огромное зданіе состоишь изъ двухъ замковъ, спереді раздѣленныхъ красивою площадью, и назади соединяемыхъ колоннадами и Губернапорскимъ домомъ, за копорымъ начинается большой паркъ. Съдые спарцы, опершись на балюспрадъ террасы, видяшь корабли, на всѣхъ парусахъ летящіе по Темзѣ: что можешъ бышь для нихъ пріятнѣе! сколько воспоминаній для каждаго? Такъ и они въ свое время разсѣкали волны, съ Ансономъ, съ Кукомъ! — Съ другой спороны, плывущіе на корабляхъ мапрозы смопряшь на Гриничъ и думаютъ: «шамъ гошово пріиспанище для нашей спароспи! Опечество благодарно; оно призришь и успокоишь насъ, «когда мы въ его служеніи испощимъ силы «свои!»

Всѣ внутреннія украшенія дома имѣютъ отношеніе къ мореплаванію: у дверей глобусы, въ куполѣ залы компасъ; здѣсь Эвръ лепитъ съ воспока и гонитъ съ неба звѣзду утреннюю; шутъ Авсперъ, окруженный шутами и молніями, льетъ воду; Зефиръ бросаетъ цвѣты на землю; Борей, размахивая драконовыми крыльями, сыплетъ снѣгъ и градъ. Тамъ Англійской корабль, украшенный профетями, и главнѣйшія рѣки Бришаніи, осыпанные сокровищами; тамъ изображенія славнѣйшихъ Астрономовъ, которые своими открытіями способствовали успѣхамъ Навигациі. — Имена патріотовъ, давшихъ деньги Вильгельму III на заведеніе Госпитали, вырѣзаны на стѣнѣ золотыми буквами. Тутъ же представлень и сей любезный Англичанамъ Король, попирающій ногами самовласіе и тиранство. Между многими другими, по большой части аллегорическими картинами, читаете надписи: *Anglorum spes magna — salus publica — securitas publica*.

Каждый изъ насъ долженъ былъ заплашеть около рубля за свое любопытство; не больно давая деньги въ пользу такого славнаго заведенія. У всякаго маэроза, служащаго на Королевскихъ и купеческихъ корабляхъ, вычитаютъ изъ жалованья 6 пенсовъ въ мѣсяцъ на содержаніе Госпитали; за то всякой маэрозъ можетъ быть тамъ принятъ, если докажетъ, что онъ не въ состояніи продолжати службы, или былъ раненъ въ сраженіи, или способствовалъ опьяненью у непріятеля ко-

рабль. Теперь ихъ 2000 въ Гриничѣ, и каждой получаешь въ недѣлю 7 бѣлыхъ хлѣбовъ, 3 фунта говядины, 2 ф. баранины, $1\frac{1}{2}$ ф. сыру, столько же масла, гороху, и шиллингъ на табакъ.

Я напому вамъ слово, сказанное въ Лондонѣ Петромъ Великимъ Вильгельму III, и достойное нашего Монарха. Король спросилъ, что Ему болѣе всего полюбилось въ Англіи? Петръ I отвѣчалъ: «то, что Госпиталь за-
«служенныхъ мажоровъ похожа здѣсь на дво-
«рецъ, а дворецъ Вашего Величества похожъ
«на Госпиталь.» — Въ Англіи много хороша-
го; а всего лучше общественныя заведенія, копорыя доказываютъ благодѣтельную мудрость Правленія. *Salus publica* есть подлинно девизъ его. Англичане должны любить свое общество.

Гриничъ самъ по себѣ есть красивый городокъ; тамъ родилась Елисавета. — Мы опобѣдали въ кофейномъ домѣ, погуляли въ паркѣ, сѣли въ лодку, поплыли, въ 10 часовъ вечера вышли на берегъ, и очутились въ какомъ-то волшебномъ мѣстѣ! . . .

Вообразите безконечныя аллеи, цѣлыя лѣса, ярко освѣщенные огнями; галереи, колоннады, павильоны, альковы, украшенные живописью и бюстами великихъ людей; среди густой зелени триумфальныя, пылающія арки, подъ копорыми гремитъ оркестръ; вездѣ множество людей; вездѣ столы для пиршества, украшенные цвѣтами и зеленью. Ослѣпленные

глаза мои ищущъ мрака ; я вхожу въ узкую крышную аллею, и мнѣ говорящъ: *вотъ гульбище Друидовъ* *! Иду далѣе; вижу, при свѣтѣ луны и опдаленныхъ огней, пустыню и разсѣянные холмики, представляющіе Римской станъ; шущъ расшущъ кипарисы и кедры. На одномъ пригоркѣ сидишь Мильшонъ — мраморный — и слушаешь музыку; далѣе —obeliskъ, Кишайской садъ; наконецъ нѣтъ уже дороги. . . . Возвращаюсь къ оркестру.

Естьли вы догадливы, то узнали, что я описываю вамъ славный Англійской Воксалъ, кошорому напрасно хошящъ подражащъ въ другихъ земляхъ. Вошъ прекрасное, вечернее гульбище, досшойное умнаго и богашаго народа!

Оркестръ играетъ по большой части любимыя народныя пѣсни; поющъ актеры и актрисы Лондонскихъ Театровъ; а слушатели, въ знакъ удовольствія, часто бросающъ имъ деньги.

Вдругъ зазвонили въ колокольчикъ, и всѣ бросились къ одному мѣсту; я побѣжалъ вмѣстѣ съ другими, не зная, куда и за чѣмъ. Вдругъ поднялся занавѣсъ, и мы увидѣли написанное огненными словами: *Take care of your pockets! берегите карманы!* (потому что Лондонскіе воры, кошорыхъ довольно бываетъ и въ Воксалѣ, пользуясь эшою минутою). Въ то же время открылась прозрачная картина,

* Имя аллеи.

представляющая сельскую сцену. «Хорошо! думалъ я: но не споймъ того, чшобы бѣ-
«жашъ безъ памяти и давишь людей.»

Лондонской Воксалъ соединяетъ всѣ состоянія: шупъ бываюшъ и знашныя люди и лакеи, и лучшія дамы и публичныя женщины. Одни кажутся актерами, другіе зришелями. — Я обходилъ всѣ галлерей и осмошрѣлъ всѣ каршины, написанныя по большой части изъ Шекспировыхъ Драмъ или изъ новѣйшей Англійской Исторіи. Большая ропонда, гдѣ въ ненастное время бываешъ музыка, убрана сверху до полу зеркалами; куда ни взглянешъ, видишь себя въ десяти живыхъ поршрешахъ.

Часу въ двѣнадцашомъ начались ужины въ павильйонахъ, и въ лѣсочкѣ заиграли на рогахъ. Я опъ роду не видывалъ шакого множества людей сидящихъ за сполами — чшо имѣешъ видъ какого-шо великолѣпнаго праздника. Мы сами выбрали себѣ павильйонъ; велѣли подашь цыпленка, анчоусовъ, сыру, масла, бушылку Кларешу, и заплашили рублей шесшь.

Воксалъ въ двухъ миляхъ опъ Лондона, и лѣпомъ бываешъ опворенъ всякой вечеръ; за входъ плашишся копѣекъ сорокъ. — Я на разсвѣшъ возвратился домой, будучи весьма доволенъ цѣлымъ днемъ.

ВЫБОРЪ ВЪ ПАРЛАМЕНТЪ.

Черезъ каждыя семь лѣтъ Парламентъ возобновляется. Нынѣ, по моему щаспію, надлежало бытъ выборамъ; я видѣлъ ихъ.

Вестминстеръ избираетъ двухъ Членовъ. Министры желали Лорда Гуда, а прошивники ихъ Фокса; болѣе не было Кандидатовъ. На канунъ избранія угощались безденежно въ двухъ павернахъ шъ Вестминстерскіе жилили, копорые имѣють голосъ: въ одной подчивали Министры, а въ другой пріятели Фоксовы. Я хотѣлъ видѣть эшотъ праздникъ: вошелъ въ паверну, и долженъ былъ выпить спаканъ вина за Фоксово здоровье. На сей разъ Англичане довольно шумѣли..... Fox for ever! да здравствуетъ Фоксъ! нашъ доброй, умный Фоксъ, лисица именемъ *, левъ сердцемъ, патриотъ, другъ Вестминстерскаго народа! — Тутъ были всякаго роду люди: и Лорды и ремесленники. Кто имѣетъ свой уголокъ въ Вестминстеръ, шотъ имѣетъ и голосъ.

На другой день рано по утру отправился я съ земляками своими на Ковенгарденскую площадь, уже наполненную народомъ, шакъ чшо мы съ шрудомъ нашли себѣ мѣсто подлѣ галлерей, копорая на эшо время дѣлается изъ досокъ, и въ копорой Избиратели записываютъ свои голоса. Самихъ Кандидатовъ еще не было; но друзья ихъ работали, говорили

* Фоксъ значитъ лисица.

рѣчи, махали шляпами, и кричали: Hood for ever! Fox for ever! Тупѣ люди въ голубыхъ лентяхъ дружески пожимали руку у сапожниковъ. — Вдругъ явился человекъ лѣтъ пятидесяти, неопрятно одѣтый, видомъ неважный, снялъ шляпу и показалъ, что хочетъ говорить. Все умолкло. «Сограждане!» сказалъ онъ, понюхавъ нѣсколько разъ табаку, кошорымъ засыпанъ былъ весь длинный камзолъ его: «сограждане! истинная Англійская свобода у насъ давно уже не въ модѣ; но я человекъ старинной, и люблю опечесство по старинному. Вамъ говоряшъ, что нынѣшній день есть торжесство гражданскихъ правъ вашихъ; но пользуетесь ли вы ими, когда вамъ предлагаюшъ изъ двухъ Кандидатовъ выбрать двухъ Членовъ? Они уже выбраны! Министры съ противниками согласились, и надъ вами шумяшъ.» — (Тупѣ онъ еще нѣсколько разъ понюхалъ табаку, а народъ говорилъ: «это правда; надъ нами шумяшъ.») — «Сограждане! для поддержанія вашихъ правъ, драгоценныхъ моему сердцу, я самъ себя предлагаю въ Кандидаты. Знаю, что меня не выбираютъ; но по крайней мѣрѣ вы будете выбирать. Я Горнъ Тукъ: вы обо мнѣ слышали, и знаете, что Министерсство меня не жалуетъ.» — Браво! закричали многіе: мы подадимъ за тебя голоса! Въ ту же минуту подошелъ къ нему съдой старикъ на клюкахъ, и всѣ вокругъ меня произнесли имя его: Вилькесъ! Вилькесъ! Вамъ, друзья мои, извѣстна

исторія этого человека, который нѣсколько лѣтъ игралъ знаменитую роль въ Англіи, былъ страшнымъ врагомъ Министерства, самаго Парламента, идоломъ народа; думалъ только о личныхъ своихъ выгодахъ, и хотѣлъ быть ужаснымъ единственно для того, чтобы получить доходное мѣсто; получилъ его, обогатился и сошелъ съ шумнаго театра. Онъ сказалъ Горну: «мой другъ! этою дрожащею рукою напишу я имя свое въ книгу, и умру спокойнѣе, если ты будешь Членомъ Парламента.» Горнъ обнялъ его съ холоднымъ видомъ, и началъ нюхать табакъ.

Горнъ Тукъ былъ, во время Американской войны, проповѣдникомъ въ Брендсфордѣ, писалъ въ газетахъ прошивъ Двора, сидѣлъ за то въ тюрьмѣ, не унялся, и пенныѣ еще спавишъ себѣ за честь быть врагомъ Министровъ. Онъ говоритъ сильно, пишетъ еще сильнѣе, и многіе считаютъ его Авторомъ славныхъ *Юніевыхъ писемъ*.

Раздался голосъ: «дайте мѣсто Кандидатамъ!» Мы увидѣли процессію. . . Напередѣ знамена, съ изображеніемъ Гудова и Фоксова имени, и съ надписью: *за отечество, народъ, конституцію*. За ними шли друзья Кандидатовъ съ разноцвѣтными кокардами на шляпахъ; за ними сами Кандидаты: Фоксъ, полстой, маленькой, черноволосой, съ густыми бровями, съ румянымъ лицомъ, человекъ лѣтъ въ 45, въ синемъ фракѣ — и Гудъ, высокой, худой, лѣтъ пятидесяти, въ Адмиральскомъ

зеленомъ мундирѣ. Они спали на доски, у-
спланные коврами, и каждый говорилъ народу
привѣтствіе. Начался выборъ. Избиратели
входили въ галерею, и записывали голоса
свои: что продолжалось нѣсколько часовъ.
Между шѣмъ мальчикъ лѣтъ тринадцати
взлѣзъ на галерею, и кричалъ надъ головою
Кандидашовъ : *здравствуй Фоксъ ! провались*
сквозь землю Гудъ ! а черезъ минушу : *здравствуй*
Гудъ ! провались сквозь землю Фоксъ ! Никто
не унималъ шалуна, а Кандидашы даже и не
взглянули на него.

Наконецъ объявили имена новыхъ Членовъ:
Гуда и Фокса. За Горна Тука было только
200 голосовъ ; но онъ вмѣстѣ съ избранными
говорилъ благодарную рѣчь народу, и сказалъ:
«я никакъ не думалъ, чтобы въ Веспминспе-
«рѣ нашлось 200 патриотовъ; теперь вижу, и
«радуюсь такому числу.» — Тушъ Фокса по-
садили на кресла, украшенные лаврами и въ
тріумфѣ понесли домой; знамена развѣвались
надъ его головою, музыка гремѣла, и тысячи
голосовъ восклицали: *Fox for ever! Виватъ! ура!*
Фоксъ уже въ пятый разъ избирается опъ
Веспминшера: и такъ не мудрено, что онъ
сидѣлъ на торжественныхъ креслахъ очень
покойно и свободно, то улыбался, то хму-
рилъ густыя, черныя брови свои. — И Гуда
хотѣли нести; но онъ просилъ увольненія, и
одинъ изъ друзей его сказалъ : «Адмиралъ
нашъ любитъ тріумфы только на морѣ!» — —

Теперь, друзья мои, опишу вамъ другаго

роду происшествіе. Сюда недавно пріѣхалъ курьеромъ изъ П* господинъ Н. Н., человекъ не молодой, копорый, не жалѣя толстаго брюха своего, скачешъ изъ земли въ землю, чшобы оспальными ошъ прогоновъ червонцами кормишь жену и дѣшей своихъ. И шакъ вы не осудите его, чшо онъ скупъ, и пріѣхавъ въ Лондонъ, не хопѣлъ сшитъ себѣ фрака, а ходилъ по улицамъ въ корошенькомъ синемъ мундирѣ, въ длинномъ красномъ камзолѣ и въ черномъ бархашномъ карпузѣ; но здѣшній народъ не вы — мальчики бѣгали за нимъ и кричали: *смотрите, какая чучела!* Мы приспустили къ нему, чшобы онъ одѣлся полюдски, и наконецъ убѣдили. Господинъ Н. Н. сдѣлалъ себѣ модный фракъ, купилъ прекрасную шляпу, и далъ намъ слово обновить ихъ въ день выборовъ. Мы зашли къ нему, чшобы ишши вмѣстѣ на площадь, и ахнули ошъ удивленія: онъ надѣлъ сверхъ кафшана синюю толстую епанчу, а на шляпу какой-то фушляръ изъ клеенки, боясь дождя! Мы сорвали съ него шю и другое; увѣрили, чшо небо чшшо — и пошли. Нещасный! Солнце долго сіяло, но часу въ пятомъ, когда уже мы возвращались домой, небо запуманилось, ударилъ дождь, и нашъ Н. Н. бросился подъ зоншикъ пирожной лавки, ругая насъ немилосердо. Мы оспановились, и черезъ минушю были окружены множесшвомъ людей. Вдругъ видимъ, чшо пріятель нашъ съ кѣмъ-шю разговариваетъ очень весело, смѣется, рассказываетъ — и

вдругъ, оцѣпенѣвъ, блѣднѣешь отъ ужаса. . . .
Что такое ? . . . у него украли изъ кармана
деньги , копорыя онъ безпрестанно держалъ
рукою ; но заговорившись съ незнакомцемъ,
ораторъ нашъ хотѣлъ сдѣлать какой-то вы-
разительный жестъ, вынулъ изъ кармана ру-
ку, и черезъ двѣ секунды не нашелъ уже въ
немъ кошелька. Подивившись искусству здѣш-
нихъ воровъ ! Мы совѣщивали бѣдному N. N.
не брать денегъ: онъ не послушался.

Нигдѣ такъ явно не терпимы воры , какъ
въ Лондонѣ; здѣсь имѣютъ они свои Клубы,
свои Таверны, и раздѣляющся на разные клас-
сы: на пѣхошу и конницу (footpad, highwayman)
на домовыхъ и карманныхъ (housebreaker, pi-
skrocket). Англичане боясь строгой полиціи,
и лучше хотѣютъ быть обкрадены , нежели
видѣть вездѣ караулы, пикеты , и жить въ
городѣ какъ въ лагерь. За то они берутъ
предосторожность ; не возятъ и не носятъ
съ собою много денегъ , и рѣдко ходятъ по
ночамъ, особливо же за городомъ. Мы Русскіе
вздумали однажды въ 11 часовъ ночи ѣхать
въ Воксалъ. Что же? выѣзжая изъ города,
увидѣли, что у насъ за карешою сидятъ че-
ловѣкъ пятеро съ ужасными рожами; мы остано-
новились, согнали ихъ, но слѣдуя совѣту бла-
горазумія, ворошились назадъ. Негодяи могли
бы въ полъ догнать насъ и ограбить. Въ
другой разъ я и Д* испугали самихъ воровъ.
Мы гуляли пѣшкомъ близъ Ричмонда, запозда-
ли, сбились съ дороги , и очутились въ пу-

спомъ мѣспѣ, на берегу Темзы, въ бурную ночь, часу въ первомъ; идемъ и видимъ подъ деревомъ сидящихъ двухъ человекъ. Добрымъ людямъ мудро было въ такое время сидѣть въ полѣ и на дождѣ. Чшо же дѣлашь? спасись дерзоспѣю, *payer d'audace*, какъ говоряшь Французы — смѣлымъ Богъ владѣешь — прямо къ нимъ, скорымъ шагомъ! Они вскочили и дали намъ дорогу. — Въ Англіи никогда не возмущъ въ шюръму человека по върояшности, чшо онъ воръ; надобно поймашъ его на дѣлѣ и предспавишь свидѣшелей; иначе вамъ же бѣда, еспѣли приведете его безъ неоспоримыхъ законныхъ доказашельспѣвъ.

=

ТЕАТРЪ.

Лѣшомъ бываетъ здѣсь только одинъ Гермеркешской Театръ, на кошоромъ однакожь играющъ всѣ лучшіе Ковенгарденскіе и Друриленскіе акшеры *. Зришелей всегда множесшво: и въ ложахъ и въ паршерѣ; народъ бываетъ въ галлереяхъ. Въ первый разъ видѣлъ я Шекспирова Гамлеша — и лучше, еспѣли бы не видалъ! Акшеры говоряшь, а не играющъ; одѣшы дурно, декораціи бѣдныя. Га-

* Два главные Лондонскіе Театра.

мешъ былъ въ черномъ Французскомъ кафшанѣ, съ толстымъ пучкомъ и въ голубой лентѣ; Королева въ роброндѣ, а Король въ Гишпанской епанчѣ. Лакеи въ ливреѣ приносяшъ на сцену декорацію, одну славяшъ, другую берушъ на плеча, шащашъ — и эшо дѣлается во время представленія! Какая розница съ Парижскими театрами! Я сердился на актеровъ не за себя, а за Шекспира, и дивился зрителямъ, кошорые сидѣли покойно и съ великимъ вниманіемъ слушали; изрѣдка даже хлопали. Угадайше, какая сцена живѣе всѣхъ дѣйствововала на публику? та, гдѣ копаюшъ могилу для Офеліи, и гдѣ работники, играя словами, говоряшъ, что первый дворянинъ былъ Адамъ, the first that ever bore arms, и тому подобное. Одна Офелія занимала меня: прекрасная актриса *, прекрасно одѣтая, и прогашельная въ сценахъ безумія; она напомнила мнѣ Дюгазонъ въ Нинѣ; и поешъ очень пріятно. — Я видѣлъ еще Оперу Инкле и Ярико (кошорую играли не очень хорошо, но гораздо лучше Гамлета) и еще при Комедіи или буфонады, въ кошорыхъ зрители очень смѣялись. — Говоряшъ, что у Англичанъ естъ Мельпомена: госпожа Сиддонсъ, рѣдкая прагическая актриса; но ее шеперь нѣтъ въ Лондонѣ. Гораздо болѣе нашель я удовольствія въ здѣшней Ишаліанской Оперѣ. Играли Андромаху. Маркези и Мара пѣли; музыка пре-

* Биллингшопъ, естѣли не ошибаюсь.

красная. Дни два опзывался въ ушахъ моихъ
прогашельный дуэшъ:

Quando mai, astri tiranni,
Avran fine i nostri affanni?
Quando paghi mai sarete
Della vostra crudelta?

Въ театрѣ я купилъ эшу Оперу, поднесен-
ную Принцу Валлисскому при слѣдующемъ
Англійскомъ письмѣ, кошорое перевожу для
васъ какъ рѣдкую вещь:

«Спранно покажешся, чпо я осмѣливаюсь
«поднеспи Ипаліянскую Оперу Вашему Коро-
«левскому Высочеству. Хошя Юпиперъ прини-
«маль въ жершву быковъ но никшо не смѣлъ
«дарить его мухами. Принцъ споль искусный,
«какъ Ваше Высочество, во всѣхъ опвлечен-
«ныхъ наукахъ и самой изящнѣйшей Лишше-
«ратурѣ, не можетъ дорожить Оперною без-
«дѣлкою. Восхищительныя прелеспи музыки,
«разсыпанныя въ сей Оперѣ, озлащаютъ нѣко-
«шорымъ образомъ сей малый шрудъ; но я
«имѣю нѣчто важнѣйшее для моего оправда-
«нія. Славный Поншифексъ, Леонъ X, не пре-
«зрѣлъ поднесенной ему книги о поваренномъ
«искусствѣ, и мы читаемъ въ Вал. Максимѣ,
«чпо Персидской Монархъ принялъ въ даръ
«спарой кафшанъ съ такимъ снисхожденіемъ,
«чпо наградилъ дашеля Самоскимъ оспровомъ.
«Первый былъ самый оспроумнѣйшій изъ вла-
«дыкъ земныхъ, а вшорый сильнѣйшій: два

«качества, копорыя чудесно соединяюшся въ
«Вашемъ Высочествѣ. Лучезарное свѣтило не
«ошказываетъ въ улыбкѣ своей ни червячку,
«ни былинкѣ; а высокая благодѣшельность
«вашего сердца не имѣетъ другаго примѣра.
«— Вашего Высочества покорнѣйшій слуга К.
«Ф. Бадини.»

Послѣ такого письма я хотѣлъ бы лично
узнать господина Бадини.

=

Лондонъ, Іюля. . . 1790.

Я хотѣлъ ийти за городъ, въ прекрасную
деревенку Гамспешъ; хотѣлъ взойти на
холмъ Примрозъ, гдѣ благоухаетъ скошенное
сѣно; хотѣлъ отшуда посмопрѣть на Лон-
донъ, возвратишься къ ночи въ городъ и
ѣхашъ въ Воксаль . . . но нигдѣ не былъ, и
не жалѣю. День не пропалъ: сердце мое было
пронумо!

Подлѣ самаго Cavendish Square встрѣтился
мнѣ старой, слѣпой нищій, кошораго вела . . .
собачка, привязанная на снуркѣ. Собачка
остановилась, начала ко мнѣ ласкаться, ли-
зашъ ноги мои; нищій сказалъ помнымъ голо-
сомъ: «добрый господинъ! сжался надъ бѣд-
нымъ и слѣпымъ! my dear sir, I am poor and blind!»
Я ошдалъ ему шиллингъ. Онъ поклонился, про-

нуль снурокъ, и собачка побѣжала. Я пошелъ за ними. Собачка вела его серединою *тротуара*, какъ можно далѣе отъ края и всѣхъ опверстій, чшобы слѣпой спарикъ не упалъ; часто осшанавливалась, ласкала людей (но не всѣхъ, а по выбору: она казалась физіогномистомъ!) и почти всякой давалъ нищему. Мы прошли двѣ улицы. Собачка осшановилась подлѣ женщины, не молодой, но миловидной и очень бѣдно одѣшой, которая прошивъ одного дому сидѣла на стулѣ, играла на люшнѣ и пѣла жалобнымъ голосомъ. Прекрасной мальчикъ, шакже бѣдно одѣшый, держалъ въ рукахъ нѣсколько печашныхъ лисшочковъ, споялъ прислонившись къ стѣнѣ и умильно смотрѣлъ на поющую. Увидѣвъ спарика, онъ подбѣжалъ къ нему и сказалъ: «добрый Томасъ! здоровъ ли ты?» — *Слава Богу! а мать твоя? . . . Какъ она хорошо поетъ! послушаю.* — Сынъ началъ ласкать собачку; а мать, поговоривъ съ спарикомъ, снова заиграла и запѣла. . . Я долго слушалъ и положилъ ей на колѣни нѣсколько пенсовъ. Мальчикъ взглянулъ на меня благодарными глазами и подалъ мнѣ печашной лисшокъ. Эшо былъ гимнъ, который пѣла мать его. Вмѣсто того, чшобы ишши за городъ, я возвратился домой и перевелъ гимнъ. Вотъ онъ:

Господь естъ бѣдныхъ покровишель
И всѣхъ печальныхъ утѣшишель;
Всевышній зришь, чшо нужно намъ,
И двумъ шоскующимъ сердцамъ

Пошлетъ въ свой часъ опраду.
Ошдаспъ ли насъ Онъ въ жерпву гладу?
Забудепъ ли Отецъ дѣшей?
Прохожій сжалился надъ нами
(Есть сердце у людей!)
А мы молитвой и слезами
Заплашимъ долгъ ему.

Въ словахъ нѣтъ ничего ошмѣннаго ; но
есшълибъ вы , друзья мои , слышали , какъ
бѣдная женщина пѣла, то не удивились бы ,
что я переводилъ ихъ — со слезами.

=

Ранела.

Нынѣшнюю ночь кареша служила мнѣ
спальнею! — Въ 8 часовъ опправились мы
Русскіе въ Ранела пѣшкомъ; не шли, а бѣжали,
боясь опоздашь; успали до смерши, пошому что
ошъ моей улицы до Ранела конечно не менѣе пя-
ти верспъ, и въ десятомъ часу вошли въ боль-
шую круглую залу , прекрасно освѣщенную,
гдѣ гремѣла музыка. Тупъ въ лѣшніе вечера
собирается хорошее Лондонское общество ,
чшобы слушать музыку и гуляшь. Въ рошон-
дѣ сдѣланы въ два ряда ложи, гдѣ женщины
и мущины саяшся опдыхашъ , пашъ чай и
смошрѣшь на множество людей , которые
вершашся въ залѣ. Мы взглянули на собраніе,

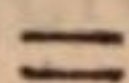
на украшенія залы, на высокой оркестръ, и по-шли въ садъ, гдѣ горѣлъ фейерверкъ; но лю-буясь имъ, чуть было не подвергнулись судь-бѣ Семеленой: искры осыпали насъ съ голо-вы до ногъ. — Возвращаясь въ ротонду, я сѣлъ въ ложѣ подлѣ одного спарика, который насвистывалъ разныя пѣсни, какъ Стерновъ дядя Тоби, но впрочемъ не мѣшалъ мнѣ молчать и смотрѣть на публику. Можешь быть дѣйстви-тельно обманывало глаза мои: только мнѣ каза-лось, что я никогда еще не видывалъ вмѣстѣ столько красавицъ и красавцевъ, какъ въ Ра-нела; а вы согласишься, что такое зрѣлище очень занимательно. Къ несчастью у меня спрашно болѣла голова, и я во второмъ часу, оставивъ поварищей своихъ веселиться, по-шелъ искать кареты; съ трудомъ нашелъ, сѣлъ, велѣлъ везти себя въ Оксфордскую улицу, и заснулъ. Просыпаюсь у своего дому — вижу день — смотрю на часы: пять. . . и такъ я при часа ѣхалъ! Кучеръ сказалъ, что мы около двухъ стояли на одномъ мѣс-тѣ, и что никакъ не лзя было проѣхать за множествомъ каретъ.

Лондонъ, Іюля . . . 1790.

Нынѣшнее утро видѣлъ я въ славномъ Бри-
танскомъ Музеумъ множество древностей
Египетскихъ, Этрускихъ, Римскихъ, жерш-
венныхъ орудій, Американскихъ идоловъ, и
проч. Мнѣ показывали одну Египетскую гли-
няную поздравашую чашу, которая имѣетъ
удивительное свойство: еслили налить ее
водою, и вложить въ которую нибудь изъ ея
наружныхъ поровъ салазное сѣмя, то оно
распустится и черезъ нѣсколько дней произ-
ведетъ праву. Я съ любопытствомъ разсма-
тривалъ еще *Лакриматоріи*, или маленькіе
глиняные и стеклянные сосуды, въ которые
Римляне плакали на погребеніяхъ; но всего
любопытнѣе былъ для меня оригиналъ Маг-
ны Харшы, или славный договоръ Англичанъ
съ ихъ Королемъ Іоанномъ, заключенный въ
13 вѣкѣ, и служащій основаніемъ ихъ конспи-
туціи. Спросите у Англичанина, въ чемъ со-
стоятъ ея главныя выгоды? Онъ скажетъ:
*я живу, гдѣ хочу; увѣренъ въ томъ, что имѣю;
не боюсь ничего, кромѣ законовъ.* Разогните
же Магну Харшу: въ ней Король утвердилъ
клятвенно сіи права для Англичанъ — и въ
какое время? когда всѣ другіе Европейскіе на-
роды были еще погружены въ мрачное вар-
варство.

Изъ Музеума прошелъ я въ домъ Ост-Инд-
ской Компаніи и видѣлъ съ удивленіемъ огро-
мные магазины ея. Общество частныхъ лю-

дей имѣешь въ совершенномъ подданствѣ богашѣйшія, обширныя страны міра, цѣлыя (можно сказать) государства; избираешь Губернаторовъ и другихъ начальниковъ; содержишь тамъ армію, воюешь и заключаешь миръ съ державами! Это безпримѣрно въ свѣтъ. Президентъ и 24 Директора управляють дѣлами. Компанія продаетъ свои товары всегда съ публичнаго торгу — и хотя снабжаетъ ими всю Европу; хотя выручаетъ за нихъ милліоны: однакожь расходы ея шакъ велики, что она очень много должна. Слѣдственно ей болѣе славы, нежели прибыли; но согласишесь, что Англійской богашій купецъ не можетъ завидовать никакому сословію людей въ Европѣ!

СЕМЕЙСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ.

Берега Темзы прекрасны; ихъ можно называть цвѣтниками — и вопреки Англійскимъ шуманамъ, здѣсь царствуетъ Флора. Какъ милы сельскіе домики, оплешенные розами снизу до самой кровли *, или густо осѣнен-

* Видъ прекрасной. Вѣтви съ цвѣтами нарочно поднятыя вверхъ, переплешаются, и доспаютъ до кровли пизенькихъ домиковъ.

ные деревьями, такъ что ни одинъ яркой лучъ солнца не можетъ въ нихъ проникнуть!

Но картина добрыхъ нравовъ и семейственнаго счастья всего болѣе восхищаетъ меня въ деревняхъ Англійскихъ, въ которыхъ живутъ теперь многіе доспашочные Лондонскіе граждане, дѣлаясь на лѣто поселянами. Всякое Воскресенье хожу въ какую нибудь загородную церковь слушать нравственную, ясную проповѣдь во вкусъ Йориковыхъ, и смотрѣть на спокойныя лица ошцовъ и супруговъ, которые всѣ усердно молясь Всевышнему и просясь, кажется, единственно о сохраненіи того, что уже имѣютъ. Въ церквахъ сдѣланы ложи — и каждая занимается особливымъ семействомъ. Машери окружены дѣтьми — и я нигдѣ не видывалъ такихъ прекрасныхъ малюшokъ, какъ здѣсь: совершенно кровь съ молокомъ, какъ говорятъ Русскіе: одушевленные цвѣточки, любезные Зефиру; все маленькіе Эмили, все маленькія Софіи. Изъ церкви каждая семья идетъ въ свой садикъ, который разгоряченному воображенію кажется по крайней мѣрѣ уголкомъ Мильшонова Эдема; но, къ счастью, шутъ нѣтъ змѣя искусителя: миловидная хозяйка гуляетъ рука въ руку съ мужемъ своимъ, а не съ прелестникомъ, не съ Чичисбеемъ . . . однимъ словомъ, здѣсь рѣдкой холостой человѣкъ не вздохнетъ, видя красоту и счастье дѣтей, скромность и благонравіе женщинъ. Такъ, друзья мои, здѣсь женщины скромны и благонравны, слѣдствен-

но мужья щасливы ; здѣсь супруги живутъ для себя, а не для свѣта. Я говорю о среднемъ состояніи людей; впрочемъ и самыя Англійскіе Лорды , и самыя Англійскіе Герцоги не знаютъ того всегдашняго разсвѣта , которое можно назвать спихіею нашего, такъ называемаго *хорошаго общества*. Здѣсь балъ или концертъ есть важное происшествіе : объ немъ пишутъ въ газетахъ. У насъ правило: вѣчно быть въ гостяхъ, или принимать гостей. Англичанинъ говоритъ: я хочу быть щасливымъ дома, и только изрѣдка имѣть свидѣтелей моему щастію. Какія же слѣдствія? Свѣтскія дамы, будучи всегда на сценѣ, привыкаютъ думать единственно о театральныхъ добродѣтеляхъ. Со вкусомъ одѣвшись, хорошо войши, пріятно взглянуть, есть важное достоинство для женщины, которая живетъ въ гостяхъ , а дома только спитъ или сидитъ за туалетомъ. Нынѣ большой ужинъ, завтра балъ: красавица танцуетъ до пяти часовъ утра; и на другой день до того ли ей, чѣмбы заниматься своими нравственными должностями? Напрошивъ того Англичанка, воспитываемая для домашней жизни, пріобрѣтаетъ качества доброй супруги и матери, украшая душу свою тѣми склонностями и навыками, которые предохраняютъ насъ отъ скуки въ уединеніи, и дѣлаютъ одного человека сокровищемъ для другаго. Войдите здѣсь по утрамъ въ домъ: хозяйка всегда за рукодѣльемъ , за книгою , за клавесиномъ , или

рисуешь, или пишешь, или учишь дѣшей, въ
пріятномъ ожиданіи той минушѣ, когда
мужъ, оправивъ свои дѣла, возвратится съ
биржи, выдешъ изъ кабинета и скажешъ :
теперь я твой! теперь я вашъ! Пусть назо-
вущъ меня, чѣмъ кому угодно; но признаюсь,
что я безъ какой-то внутренней досады не
могу видѣть молодыхъ супруговъ въ свѣтѣ,
и говорю мысленно : «Нещасные ! что вы
«здѣсь дѣлаете ? Развѣ дома среди вашего се-
«мейства, въ объятіяхъ любви и дружбы,
«вамъ не спо разъ пріятнѣе, нежели въ
«этомъ пусто-блещущемъ кругу, гдѣ не поль-
«ко добрыя свойства сердца, но и самый
«умъ едва ли не безъ дѣла; гдѣ зданіе какой-
«то приличности сославляешъ всю науку ;
«гдѣ быть не страннымъ есть верхъ искус-
«ства для мушкетера, и гдѣ двѣ, при женщи-
«ны бывающъ для того, чтобы удивлялись
«красотѣ ихъ, а всѣ прочія. . . Богъ знаетъ,
«для чего ; гдѣ съ большими издержками и
«хлопотами люди проводятъ нѣсколько часовъ
«въ шумихельной игрѣ ложнаго веселья ?
«Если у васъ нѣтъ дѣшей, мнѣ остается
«только жалѣть, что вы не умѣете наслаж-
«даться другъ другомъ, и не знаете, какъ
«мило проводить цѣлые дни съ любезнымъ
«человѣкомъ, дѣла съ нимъ дѣло и бездѣлье,
«въ полной душевной свободѣ, въ мирномъ
«расположеніи сердца. А если вы родите-
«ли, то пренебрегаете одну изъ святѣйшихъ
«обязанностей человѣчества. Въ самую шу

«минушу, когда ты, безпечная мать, прыга-
«ешь въ контръ-дансъ, маленькая дочь швоя
«падаешь, можешь бышь, изъ рукъ неоспо-
«рожной кормилицы, чшобы на всю жизнь
«сдѣлашься уродомъ, или семилѣтній сынъ,
«оставленный съ наемнымъ училелемъ и слу-
«гами, видишь какой нибудь дурной примѣръ,
«кошорый съешь въ его сердце порокъ и не-
«щасіе. Сидя за клавесиномъ, среди блестя-
«щаго общества, ты, красавица, хочешь пра-
«вишься, и поешь какъ малиновка; но мали-
«новка не оставляетъ пшенцовъ своихъ! Одна
«попечительная мать имѣешь право жаловашь-
«ся на судьбу, ешлы не хороши дѣти ея; а
«та, кошорая свѣшскія удовольствія предпо-
«чишаетъ семейственнымъ, не можешь на-
«звашься попечительною.»

И какимъ опасностямъ подвержена въ свѣ-
шѣ добродѣтель молодой женщины? Скажише,
не виновна ли она передъ своимъ мужемъ,
какъ скоро хочешь нравишься другимъ? Чшо
же иное можешь пишаешь склонность ея къ
свѣшскимъ обществамъ? Слабости имѣюшь
свою поспешенность, и переливы едва при-
мѣшны. Сперва молодая супруга хочешь шоль-
ко заслужить общее вниманіе или красошю
или любезностію, чшобы оправдать выборъ ея
мужа, какъ думаетъ; а тамъ родилъся въ ней
желаніе нравишься какому нибудь знатоку
болѣе, нежели другому; а тамъ — надобно
хитришь, заманиваешь, подаваешь надежду; а
тамъ. . . не увидишь, какъ и сердце вмѣ-

шаешься въ планы самолюбія ; а тамъ — бѣдный мужъ! бѣдныя дѣши!

Всего же несчастіе она сама. Хорошо, если бы до конца можно было жить въ упоеніи страстей; но есть время, въ которое все оставляетъ женщину, кромѣ ея добродѣтели; въ которое одна благодарная любовь супруга и дѣшей можешь разсѣять грусть ея о потерянной красотѣ и многихъ пріятностяхъ жизни, увядающихъ вмѣстѣ съ цвѣтомъ наружныхъ прелестей. Что, если оскорбленный мужъ убѣгаетъ тогда ея взоры; если дурно воспитанныя дѣши, не обязанныя ей ни чѣмъ, кромѣ несчастной жизни и пороковъ своихъ, всякой часъ расправляютъ раны ея сердца знаками холоднои, нелюбви, самаго презрѣнія? . . . Обращишься ли къ свѣту? Но тамъ время переломило ея скипетръ, угодники исчезли — Зефиръ опахала ея не принимаетъ уже Сильфовъ — и развѣ подобная ей несчастная кокетка сядетъ подлѣ нее, чтобы излишъ желчь свою на умы и на сердца людей.

Говорю о женщинахъ для того, что сердцу моему пріятнѣе заниматься ими; но главная вина безъ всякаго сомнѣнія на сторонѣ мужчинъ, которые не умѣютъ пользоваться своими правами для взаимнаго щастія, и лучше хотѣтъ быть спрощивыми рабами, нежели умными, вѣжливыми и любезными властелинами нѣжнаго пола, созданнаго прельщать, слѣдственно не властвовать, потому что си-

ла не имѣетъ нужды въ прельщеніи. Часто должно жалѣть о мужѣ, но о мужьяхъ никогда. Мягкое женское сердце принимаетъ всегда образъ нашего; и если бы мы вообще любили добродѣтель, то милыя красавицы изъ кокетства сдѣлались бы добродѣтельными.

Я всегда думалъ, что дальнѣйшіе успѣхи просвѣщенія должны болѣе привязать людей къ домашней жизни. Не пустоша ли душевная увлекаетъ насъ въ разсѣяніе? Первое дѣло истинной Философіи есть обратиться человека къ неизмѣннымъ удовольствіямъ Натуры. Когда голова и сердце заняты дома пріятнымъ образомъ; когда въ рукѣ книга, подле милая жена, вокругъ прекрасныя дѣти, захочется ли ѣхать на балъ, или на большой ужинъ?

Мысль моя не та, чтобы супруги должны были всю жизнь провести съ глазу на глазъ. Гименей не есть ни шюремщикъ, ни опшельникъ, и мы рождены для общества; но согласишесь, что въ свѣтскихъ собраніяхъ всего менѣе наслаждающагося обществомъ. Тамъ нѣтъ мѣста ни разсужденіямъ, ни разсказамъ, ни изліяніямъ чувства; всякой долженъ сказать слово мимоходомъ и увернуться въ спору, чтобы пустить друга на сцену; всѣ безпокойны, чтобы не проговориться и не обличить своего невѣжества въ *хорошемъ тонѣ*. Однимъ словомъ, это вѣчная дурная комедія, называемая *принужденіемъ*, безъ связи, а всего болѣе безъ интереса. — Но пріятностію об-

щесства наслаждаемся мы въ короткомъ обхожденіи съ друзьями и сердечными пріятелями, копорыхъ первый взоръ открываетъ душу; копорые приходящъ къ намъ мѣняющъ-ся мыслями и наблюденіями, шутить въ веселомъ расположеніи, грустить въ печальномъ. Выборъ такихъ людей зависитъ отъ ума супруговъ; и не всего ли ближе искать ихъ между шѣми, копорыхъ сама Напура предлагаетъ намъ въ друзья, то есть, между родствениками? О милые союзы родства! вы бываєте твердѣйшею опорою добрыхъ нравовъ — и если я въ чемъ нибудь завидую нашимъ предкамъ, то конечно въ привязанности ихъ къ своимъ ближнимъ.

Вольперъ въ концѣ своего остроумнаго и безобразнаго романа * говоритъ: друзья! пойдѣмъ работать въ саду! слова, копорыя часто отзывавшися въ душѣ моей послѣ упоминательнаго размышленія о тайнѣ рока и счастья. Можно еще примолвить: «пойдемъ любя своихъ домашнихъ, родствениковъ и друзей; а прочее оставимъ на произволъ судьбы!»

Не смотря на Лондонскую огромную церковь Св. Павла; не глядя на Темзу, черезъ копорую великолѣпные мосты перегибаются, и на копорой веселятся флаги всѣхъ народовъ; не удивляясь богатству магазиновъ Ост-Индской Компаніи, и даже не

* Кандида.

въ собраніи здѣшняго Ученаго Королевскаго Общества говорю я : *Англичане просвѣщены!* нѣшъ; но видя , какъ они умѣютъ наслаждаться семейственнымъ щастіемъ , швержу сто разъ: *Англичане просвѣщены!*

=

ЛИТТЕРАТУРА.

Литтература Англичанъ , подобно ихъ характеру , имѣетъ много особенноти , и въ разныхъ частяхъ превосходна. Здѣсь опечество живописной Поэзіи (Poésie descriptive): Французы и Нѣмцы переняли сей родъ у Англичанъ , копорые умѣютъ замѣчать самыя мелкія чершы въ Природѣ. По сіе время ничто еще не можетъ сравняться съ Томсоновыми *Временами года*; ихъ можно называть зеркаломъ Натуры. Сентъ-Ламберъ лучше нравишся Французамъ; но онъ въ своей Поэмѣ кажется мнѣ Парижскимъ щеголемъ , копорый, выѣхавъ въ загородный домъ , смотришъ изъ окна на сельскія каршины и описываетъ ихъ въ хорошихъ стихахъ; а Томсона сравню съ какимъ нибудь Швейцарскимъ или Шотландскимъ охопникомъ, копорый, съ ружьемъ въ рукѣ, всю жизнь бродишъ по лѣсамъ и дебрямъ , отдыхаешъ иногда на холмѣ или на скалѣ , смотришъ вокругъ себя, и что ему полюбишся , что Природа вдохнешъ въ его

душу, то изображаетъ карандашемъ на бума-
гѣ. Сень-Ламберъ кажется пріятнымъ гос-
темъ Нашуры, а Томсонъ ея роднымъ и до-
машнимъ. — Въ Англійскихъ Поэтахъ есть
еще какое-то *простодушіе*, не совсѣмъ древнее,
но сходное съ Гомеровскимъ; есть меланхолія,
кошорая изливается болѣе изъ сердца, нежели
изъ воображенія; есть какая-то спранныя,
но пріятная мечшательность, кошорая, по-
добно Англійскому саду, предспавляетъ вамъ
тысячу неожиданныхъ вещей. — Самымъ же
лучшимъ цвѣткомъ Бришанской Поэзіи счи-
тается Мильпоново описаніе Адама и Евы и
Драйденова Ода на музыку. Любопышно знашь
то, что Поэма Мильпонова, въ кошорой
столь много прекраснаго и великаго, сто лѣтъ
продавалась, но едва была извѣстна въ Ан-
гліи. Первый Аддисонъ поднялъ ее на высо-
кой пьедесталъ и сказалъ: *удивляйтесь!*

Въ Драмашической Поэзіи Англичане не
имѣють ничего превосходнаго, кромѣ шворе-
ній одного Автора; но эптошь Авторъ есть
Шекспиръ, и Англичане богаты!

Легко смѣяться надъ нимъ не только съ
Вольтеровымъ, но и самымъ обыкновеннымъ
умомъ; кто же не чувствуетъ великихъ кра-
сотъ его, съ тѣмъ — я не хочу и спорить!
Забавные Шекспировы Кришки похожи на
дерзкихъ мальчиковъ, кошорые окружають
на улицѣ спранны одѣшаго человека и кри-
чатъ: *какой смѣшной! какой чудакъ!*

Всякой Авторъ ознаменованъ печашію сво-

его вѣка. Шекспиръ хотѣлъ правиться современникамъ, зналъ ихъ вкусъ и угождалъ ему; что казалось тогда остроуміемъ, то нынѣ скучно и прошивно: слѣдствіе успѣховъ разума и вкуса, на которые и самой великой Геній не можетъ взять мѣръ своихъ. Но всякой истинный талантъ, плеща данъ вѣку, шворитъ и для вѣчности; современные красоты исчезающъ, а общія, основанныя на сердцѣ человѣческомъ и на природѣ вещей, сохраняющъ силу свою, какъ въ Гомерѣ, такъ и въ Шекспирѣ. Величіе, истина характеровъ, занимательность приключеній, *откровеніе* человеческого сердца, и великія мысли, разсѣяныя въ драмахъ Британскаго Генія, будутъ всегда ихъ магіею для людей съ чувствомъ. Я не знаю другаго Поэта, который имѣлъ бы такое всеобъемлющее, плодотворное, неиспощимое воображеніе; и вы найдете всѣ роды Поэзіи въ Шекспировыхъ сочиненіяхъ. Онъ есть любимый сынъ богини Фантазии, которая отдала ему волшебный жезлъ свой; а онъ, гуляя въ дикихъ садахъ воображенія, на каждомъ шагу шворитъ чудеса!

Еще повторяю: у Англичанъ одинъ Шекспиръ! Всѣ ихъ новѣйшіе Трагики только что *хотятъ* быть сильными, а въ самомъ дѣлѣ слабы духомъ. Въ нихъ есть Шекспировской *бомбастъ*, а нѣтъ Шекспирова Генія. Въ изображеніи страшней всегда почти заходятъ они за предѣлы истины и Натуры, могутъ быть отъ того, что обыкновенное,

то есть истинное, мало трогаетъ сонныя и флегматическія сердца Бришанцевъ: имъ надобны ужасы и громы, рѣзанье и погребенія, испугленіе и бѣшенство. Нѣжная черта души не была бы здѣсь примѣчена; тихіе звуки сердца безъ всякаго дѣйствія исчезли бы въ Лондонскомъ партерѣ. — Славная Аддисонова трагедія хороша тамъ, гдѣ Капони говорятъ и дѣйствуютъ; но любовныя сцены нестерпимы. Нынѣшнія любимыя драмы Англичанъ: *Grecian Daughter*, *Fair penitent*, *Jean Shore* и проч., трогаютъ болѣе содержаніемъ и картинами, нежели чувствомъ и силою Авторскаго таланта. — Комедіи ихъ держатся зашутанными интригами и каррикатурами; въ нихъ мало истиннаго остроумія, а много *буфонства*; здѣсь Талія не смѣется, а хохочетъ.

Примѣчанія достойно то, что одна земля произвела и лучшихъ Романистовъ и лучшихъ Историковъ. Ричардсонъ и Фильдингъ выучили Французовъ и Нѣмцовъ писать романы какъ *исторію жизни*, а Робертсонъ, Юмъ, Гиббонъ, вліяли въ Исторію привлекательность любопытнѣйшаго романа, умнымъ расположеніемъ дѣйствій, живописью приключеній и характеровъ, мыслями и слогомъ. Послѣ Фукидида и Тацита ничто не можетъ сравняться съ Историческимъ Тріумвиратомъ Бришаніи *.

Новѣйшая Англійская Литтература со-

* Т. е. съ Робертсономъ, Юмомъ и Гиббономъ.

всѣмъ не достойна вниманія: теперъ пишушъ здѣсь только самые посредственныя романы, а Стихотворца нѣтъ ни одного хорошаго. Йонгъ, гроза щасливыхъ и ушѣшишель несчастныхъ, и Спернъ, оригинальный живописецъ чувствительности, заключили фалангу безсмертныхъ Бришанскихъ Авторовъ.

А я заключу это письмо двумя, прѣмъ словами объ Англійскомъ языкѣ. Онъ всѣхъ на свѣтѣ легче и прѣстѣе, совсѣмъ почти не имѣетъ Грамматики, и кто знаетъ частицы of и to, знаетъ склоненія; кто знаетъ will и shall, знаетъ спряженія; всѣ неправильныя глаголы можно зашвердить въ одинъ день. Но вы, читая какъ азбуку Робертсона и Фильдинга, даже Томсона и Шекспира, будете съ Англичанами нѣмы и глухи; то есть ни они васъ, ни вы ихъ не поймете. Такъ шруденъ Англійской выговоръ, и споль мудрено узнать слухомъ то слово, которое вы знаете глазами! Я все понимаю, что мнѣ напишутъ, а въ разговоръ долженъ угадывать. Кажется, что у Англичанъ рты связаны, или на отвѣщеніе ихъ положена Министерствомъ большая пошлина: они чуть, чуть разводяшъ зубы, свистяшъ, намекаютъ, а не говоряшъ. Вообще Англійской языкъ грубъ, непріятенъ для слуха, но богатъ и обработанъ во всѣхъ родахъ для письма — богатъ краденымъ, или (чтобъ не оскорбить Бришанской гордости) отнятымъ у другихъ. Всѣ ученія и по большой части нравственныя слова взяты изъ Фран-

цузскаго или изъ Лапинскаго , а коренные глаголы изъ Нѣмецкаго. Римляне , Саксонцы , Дашчане истребили и Бришанской народъ и языкъ ихъ; говоряшъ , что въ Валлисѣ есть нѣкоторыя его ошанки. Песпроша Англійскаго языка не мѣшаешъ ему бышъ сильнымъ и выразишельнымъ ; а смѣлость Спихошворцевъ удивишельна ; но гармоніи, и того, что въ Решорикѣ называется *числомъ* , совсѣмъ нѣшъ. Слова опривиспыя , фразы коропкія, и ни малаго разнообразія въ періодахъ! Мѣра стиховъ всегда одинакая : Ямбы въ 4 или въ 5 стопъ съ мужескимъ окончаніемъ. — Да будешъ же честь и слава нашему языку, который въ самородномъ богатствѣ своемъ, почти безъ всякаго чуждаго примѣса , печешъ какъ гордая , величественная рѣка — шумишъ, гремишъ — и вдругъ, естли надобно, смягчаешся, журчишъ нѣжнымъ ручейкомъ и сладостно вливаетъ въ душу , образуя всѣ мѣры, какія заключаюпся только въ паденіи и возвышеніи человѣческаго голоса!

=

Лондонъ, Августа. . . 1790.

Въ 8 часовъ вечера я позвонилъ въ свое маленькомъ кабинетѣ , и вмѣсто моей Дженни (которая, сказашъ правду, не очень краси-

ва собою) вошла ко мнѣ прелестная дѣвушка лѣтъ семнадцати. Я удивился, и смотрѣлъ на нее въ молчаніи. Она спрашивала: «что угодно господину?» краснѣлась, присѣдала, глядѣла въ землю, и наконецъ изъяснила мнѣ, что Дженни, пользуясь Воскресеньемъ, гуляетъ за городомъ, а она взялась на нѣсколько часовъ заспунить ее мѣсто въ домѣ. Я хотѣлъ знать имя красавицы? — Софія — Ея состояніе? — Служанка въ пансіонѣ. — Ея забавы, удовольствія въ жизни? — Работа, милость госпожи, хорошая книжка. — Ея надежды? — Накопишь нѣсколько гиней и возвратишься въ Кентское Графство къ старик-у ошцу, которой живетъ въ большой нуждѣ. — — Софія принесла мнѣ чай, налила, по усиленной просьбѣ моей сама выпила чашку, но ни какъ не хотѣла сѣсть, и при всякомъ словѣ краснѣлась, хотя я остерегался нескромности въ разговорѣ съ нею. Впрочемъ, къ моему удивленію, Англискія фразы сами собою мнѣ представлялись, и естли бы я всякой день могъ говорить съ прелестною Софіею, то черезъ мѣсяцъ заговорилъ бы какъ — Орашоръ Парламента! Съ чувствомъ скажу вамъ, друзья мои, что Англичанки и въ самомъ низкомъ состояніи чрезвычайно любезны своею кротостию.

Въ нынѣшнее Воскресенье поговорю о Воскресеньи. Оно здѣсь свято и торжественно; самый бѣдный поденщикъ перестаетъ работать; купецъ запираетъ лавку, биржа пу-

спѣетъ, Спектакли затворяются, музыка молчитъ. Всѣ идутъ къ обѣдѣ; люди, привязанные своими упражненіями и дѣлами къ городу, разъѣзжаются по деревнямъ; народъ толпится на гульбищахъ, и бѣдный по возможности наряжается. Что у Французовъ *Генгеты*, то здѣсь *Thea-gardens* или сады, гдѣ народъ пьетъ чай и пуншъ, ѣстъ сыръ и масло. Тутъ-то во всей славѣ являющіяся горнишныя дѣвушки, въ длинныхъ платьяхъ, въ шляпкахъ, съ вѣерами; тутъ ищутъ онѣ себѣ жениховъ и щасья; видяшя съ своими знакомыми, угощаютъ другъ друга, и набираются всякаго рода анекдотами, замѣчаніями, на цѣлую недѣлю. Тутъ, кромѣ слугъ и служанокъ, гуляютъ ремесленники, сидѣльцы, Аптекарскіе ученики — однимъ словомъ, такіе люди, которые имѣютъ уже нѣкопорый вкусъ въ жизни, и знаютъ, что такое хорошій воздухъ, пріятный сельской видъ, и проч. Тутъ соблюдается тишина и благопристойность; тутъ вы любите Англичанъ.

Но еслили хотите, чтобы у васъ помучилось на душѣ, то загляните ввечеру въ подземельныя Таверны или въ *питейные* дома, гдѣ веселился подлая Лондонская чернь! — Такова судьба гражданскихъ обществъ: хорошо сверху, въ серединѣ, а внизъ не заглядывай. Дрожжи и въ самомъ лучшемъ винѣ бываютъ споль же прошивны вкусу, какъ и въ самомъ худомъ.

Дурное напоминаетъ дурное: скажу вамъ

еще , что на Лондонскихъ улицахъ, ввечеру, видѣлъ я болѣе ужасовъ развраща, нежели и въ самомъ Парижѣ. Оставляя другое (о чемъ можно говорить , а не писать) вообразите , что между несчастными жертвами распущенства здѣсь много двѣнадцатилѣтнихъ дѣвушекъ! вообразите , что есть Мегеры, къ которымъ изверги матери приводятъ дочерей на смотръ и торгуются!

Я началъ письмо свое невинностію, а кончилъ предметомъ омерзѣнія! — Любезная Софія! прости меня.

=

ВЕСТМИНСТЕРЪ.

Славная *Вестминстерская* зала (Westminsterhall) построена еще въ одиннадцатомъ вѣкѣ, какъ нѣкошорые Историки утверждаютъ. Она считается самою огромнѣйшею въ Европѣ, и сводъ ея держится самъ собою , безъ столбовъ. Въ ней торжествуется коронація Англійскихъ Монарховъ : въ ней бывають и чрезвычайныя засѣданія Верхняго Парламента, когда онъ судитъ Государственнаго Пера. Такимъ образомъ случилось мнѣ видѣть шамъ судъ Гасшингса, Hasting's trial, который уже 10 лѣтъ продолжается, и который былъ для меня любопыщенъ. Доставъ билетъ черезъ

нашего Посла, я занялъ мѣсто въ верхней галлерей, среди множества зрителей. Мы долго ждали. Наконецъ явился Фоксъ, въ черномъ Французскомъ кафтанѣ, съ кипюю бумага; а за нимъ Боркъ, сухощавой спарикъ въ очкахъ, также въ черномъ кафтанѣ и съ бумагами. Вы знаете, что Нижній Парламентъ, именемъ народа, обвиняетъ Гаспингса, бывшаго Губернатора Ост-Индіи, въ разныхъ преступленіяхъ, и выбралъ Адвокатами Борка, Фокса и Шеридана, чтобы доказывать вины его въ судилищѣ Лордовъ. Отворились большія двери — и судьи, Члены Верхняго Парламента, вошли тихо и торжественно другъ за другомъ въ своихъ мастияхъ, а Духовные, то есть Епископы, въ высокихъ шапкахъ, и сѣли по мѣстамъ. Фоксъ спалъ напрошивъ Лорда Канцлера, и началъ говорить рѣчь, которая продолжалась цѣлые . . . чешыре часа! Онъ исчислялъ всѣ доказательства Гаспингсова корыстолюбія, всѣ его незаконныя дѣла, оскорбительныя для чести, для имени Англійскаго народа; говорилъ сильно, иногда съ жаромъ, и отдыхалъ единственно тогда, когда надлежало представить улики въ подлинникъ. Въ такомъ случаѣ Боркъ заступалъ мѣсто его и читалъ бумаги; а Ричоръ садился на стулъ, упираясь бѣлымъ плашкомъ, и черезъ 5 минутъ снова начиналъ говорить. Я не столько жалѣлъ Фоксовой груди, сколько бѣдныхъ Лордовъ — слушаешь, по крайней мѣрѣ сидишь

сшолько времени на одномъ мѣстѣ, безъ движенія, съ важностію, съ видомъ вниманія! Фоксъ требовалъ отъ нихъ не бездѣлки, а жизни Гаспингсовой, называя его воромъ, злодѣемъ, чудовищемъ — и въ присущствіи его самого. Гаспингсъ, сшарикъ лѣтъ за шесшдешать, съдой, худенькой, въ голубомъ Французскомъ кафтанѣ, сидѣлъ на креслахъ подлѣ самага Рипора, который надъ его головою требовалъ его головы! Но умный сшарикъ казался совершенно покойнымъ, равнодушнымъ; даже худо слушалъ, посматривая то на судей, то на своихъ двухъ Адвокатовъ, которые съ великою прилѣжностію записывали обвиненія, сидя подлѣ Клісша. Онъ увѣренъ, что его оправдаютъ; но виноватъ ли онъ подлинно? спросите вы. Противъ челоувѣчества, виноватъ; противъ Англіи, нѣтъ. Гаспингсъ не злодѣй въ сердцѣ своемъ; но зная тайную полишику Англійскаго Минисперства, зная выгоды Ост-Индской Компаніи, жершвовалъ, можешъ бышь, собсшвенными благородными чувсшвами тому предмету, для котораго послали его въ Индію; ширасшвовалъ, чшобы ушвердишь шамъ власшь Англичанъ, и спараясь умножашъ доходы Компаніи, умножилъ, можешъ бышь, и свои — за что однакожь Миниспры не предадутъ его въ жертву Парламентскимъ говорунамъ. Англичанинъ челоувѣколюбивъ у себя; а въ Америкѣ, въ Африкѣ и въ Азіи едва не звѣрь; по крайней мѣрѣ съ людьми обходитсѣ шамъ какъ съ звѣрями;

накопишь денегъ, возвратишься домой, и кричишь: *не тронь меня; я человекъ!* Торжество Англійскаго правосудія состоишь единственно въ томъ, что Гаспингса браняшь, разоряешь, именемъ закона; Риторы истощаютъ свое краснорѣчіе, занимаютъ Публику, Журналистовъ; Лорды зѣваютъ, дремлютъ на большихъ креслахъ; всякой дѣлаетъ свое дѣло — и довольно! Что принадлежишь до Фоксова таланта, то я назову его скорѣе складною говорливостію, нежели краснорѣчіемъ; слова текутъ рѣкою, но нѣтъ сильныхъ Орапорскихъ движеній; много разительной Логикъ, только много и лишняго. Въ Шериданѣ болѣе пишическаго жара, но менѣе логической силы, какъ говорятъ Крипики; а славный Боркъ уже спарѣется. — — Наконецъ Фоксъ кончилъ, поклонился и сошелъ съ кафедры. Одинъ изъ Гаспингсовыхъ Адвокатовъ сказалъ Перамъ: «Милорды! Генералъ Н. Н. не успѣлъ «представить вамъ опъыва въ пользу нашего «Кліента; уѣхалъ въ свое опечесство, въ «Швейцарію, для поправленія здоровья; но «онъ скоро возвратишься.» . . . Тутъ Боркъ выступилъ впередъ и примолвилъ съ важнымъ видомъ: «Милорды! пожелаемъ Господину «Генералу щасливаго пути и лучшаго здоровья!» Всѣ Лорды, всѣ зрители засмѣялись; встали — и пошли домой.

Подлѣ Веспминстерской залы, въ оспашкахъ огромнаго дворца, который сгорѣлъ * при Генрихѣ VIII, собирается обыкновенно Верхній и Нижній Парламентъ. Въ засѣданіяхъ перваго не бываеиъ никого, кромѣ Членовъ; я могъ видѣиъ только залу собранія, украшенную богатыми обоями, на коихъ изображено разбиіе Гишпанской Армады. Въ концѣ залы возвышаеиъ Королевской прони, а подлѣ два мѣста для старшихъ Принцовъ крови; за прони сидятъ молодые Лорды, которые не имѣютъ еще голоса; на правой сторонѣ Епископы, противъ Короля Перы, Герцоги и проч. Замѣчанія достойно то, что Канцлеръ и Орашоръ сидятъ на шерстяныхъ шарахъ: древнее и, какъ увѣряютъ, символическое обыкновеніе! Шаръ означаетъ важность торговли (не знаю, по чему), а шерсть суконныя Англійскія фабрики, пребующія вниманія Лордовъ.

Зала Нижняго Парламента соединяеиъ съ первою длиннымъ коридоромъ; она убрана деревомъ. Тушъ для зришелей сдѣланы галлеи. Каѣдры нѣтъ. Президентъ, называемый Орашоромъ, сидитъ на возвышенномъ мѣстѣ между двухъ Клерковъ или Секретарей, за столомъ, на которомъ лежишъ золошой скипешъ; они шрое должны бышъ всегда въ Шпанскихъ парикахъ и въ маншіяхъ; всѣ про-

* Едва ли въ какомъ нибудь городѣ было столько пожаровъ, какъ въ Лондонѣ.

чіе въ обыкновенныхъ кафшанахъ, въ шляпахъ, сидяшъ на лавкахъ, изъ копорыхъ одна другой выше. Кпо хочешъ говоришъ, всшашъ, и снимая шляпу, обращашъ рѣчь свою къ Президенту, по естъ къ Орашору, копорый, подобно дядкѣ, унимашъ ихъ, естъли они заговоряшъ не-дѣло, и кричишъ: *to order! въ порядокъ!* Члены могушъ всячески бранишъ другъ друга, шолько не именуя, а на примѣръ шакъ: «почщенный господинъ, копорый «говорилъ передо мною, естъ глупецъ» — и проч. Министрамъ часто досшашся; они иногда опбраниваюшся, иногда опмалчиваюшся; а когда пойдешъ дѣло на голоса, большинство всегда на ихъ споронѣ. Кпо говоришъ хорошо, шого слушаюшъ; въ противномъ случаѣ кашляюшъ, спущашъ ногами, шумяшъ; а при всякомъ важномъ словѣ кричашъ: *hearken! слушайте!* Засѣданіе опкрывашся въ 3 часа по полудни, молишвою, и продолжается иногда до двухъ за полночь. Розница между Парижскимъ Народнымъ собраніемъ и Англинскимъ Парламеншомъ естъ та, что первое шумѣе; впрочемъ и Парламеншскія собранія довольно безпорядочны. Члены безпрешанно всшашъ; поклонясь Орашору, какъ школьному Магистру, бѣгаюшъ вонъ, ѣдяшъ и проч. — Ихъ числомъ 558; на лицо же не бывашъ никогда и шрехъ сотъ. Едва ли 50 человекъ говоряшъ когда нибудь; всѣ прочіе нѣмы; иные, можешъ бышъ, и глухи — но дѣла идушъ своимъ порядкомъ, и хорошо. Ум-

ные Министры правяшъ; умная публика сморишъ и судишъ. Членъ можешъ говоришъ въ Парламентъ все, что ему угодно; по закону онъ не даешъ отвѣта.

=

Вестминстерское Аббатство.

Церковныя Англійскія Хроники наполнены чудесными сказаніями о семъ древнемъ Аббатствѣ. На примѣръ, онъ говоряшъ, что самъ Апостолъ Пётръ, окруженный ликами Ангеловъ, освятилъ его въ началъ седьмага вѣка, при Королѣ Себертѣ. Какъ бы то ни было, оно есть самое древнѣйшее зданіе въ Лондонѣ, нѣсколько разъ горѣло, разрушалось и снова изъ праха восставало. Славный Ренъ, строитель Павловской церкви, прибавилъ къ нему двѣ новыя готическія башни, которыя, вмѣстѣ съ сѣвернымъ порталомъ, называемымъ *Соломоновыми вратами*, Solomon's Gate, всего болѣе украшающъ внѣшность храма. Внутренность разительна; огромный сводъ величественно опускается на рядъ гигантскихъ столповъ, между которыми свѣтъ и мракъ разливаются. Тутъ всякой день бываетъ утреннее и вечернее служеніе; тутъ вѣнчающся Короли Англійскіе; тутъ

стоятъ и гробы ихъ! . . . Я вспомнилъ Французской спихъ :

Не лѣзя безъ ужаса съ престола — въ гробъ спущить!

Тутъ сооружены монументы Героямъ, Патриотамъ, Философамъ, Поэтамъ; и я назвалъ бы Веспминсперъ храмомъ безсмертія, есѣли бы въ немъ не было многихъ именъ, совсѣмъ недостойныхъ памяти. Чѣобы думать хорошо объ людяхъ, надобно читать не Исторію, а надгробныя надписи: какъ хвалятъ покойниковъ! — Замѣчу важнѣйшіе монументы и переведу нѣкошорыя надписи.

На черномъ и бѣломъ мраморномъ памятникѣ Лорда Кранфильда подписано женою его: «Зависѣ воздвигала бури прошивъ моего сла-
«внаго и добродѣтельнаго супруга; но онъ, съ
«чистою душею, смѣло стоялъ на кормѣ,
«крѣпко держался за руль совѣсти, разсѣкалъ
«волны, спасся отъ кораблекрушенія, въ глу-
«бокую осень жизни своей бросилъ якорь и
«вышелъ на тихій берегъ уединенія. Нако-
«нецъ сей изнуренный мореходецъ отправил-
«ся на пошъ свѣтъ, и корабль его щасливо
«приспалъ къ небу.»

На гробъ славнаго Поэта Драйдена спойтъ его бюстъ, съ простою надписью: «Іоаннъ
«Драйденъ родился въ 1632, умеръ въ 1700
«году. Герцогъ Буккенгамъ соорудилъ ему сей
«монументъ.» — Подлѣ, какъ нарочно, вырѣ-
зана самая пышная эпитафія на памятникѣ

Стихотворца Кауле (Cowley): «Здѣсь лежишь
«Пиндаръ, Горацій и Виргилій Англіи, ушѣ-
«ха, красота, удивленіе вѣковъ,» и проч. —
На гробъ самаго Герцога Буккингама, друга
Попова, читаеше: «Я жилъ и сомнѣвался;
«умираю и не знаю; что ни будешь, на все
«гошовъ.» — А ниже: «За Короля моего ча-
«сшо, за опечесство всегда.»

Готической монументъ древнѣйшаго Ан-
глійскаго стихотворца Часера почти совсѣмъ
развалился. Часеръ жилъ въ чешвертомъ-на-
десять вѣкѣ, писалъ неблагоприсойныя сказ-
ки, хвалилъ своего родственика, Герцога
Ландкашперскаго, и помогъ ему сшихами сво-
ими взойти на престолъ.

Нещасный Графъ Эссексъ посвятилъ бѣ-
лый мраморный памятникъ Бену Джонсону,
современнику Шекспирову, съ надписью: O ga-
ge Ben Johnson! *О рѣдкой Джонсонъ!*

На гробъ Спенсера подписано: «Онъ былъ
«царь Поэтовъ своего времени, и божествен-
«ный умъ его всего лучше видѣнъ въ его
«твореніяхъ.»

Бошлеръ сочинилъ славную Поэму Годи-
браса, осмѣивая въ ней Кромвелевскихъ Респу-
бликанцевъ и Фанапизмъ. Дворъ и Король
хвалили Поэму, но Авторъ умеръ съ голоду.
Барберъ, Лондонской Меръ, сказалъ: «кто въ
«жизни не имѣлъ приспанища, тому сдѣлаемъ
«хотя по смерти достойный его монументъ»
— сказалъ и сдѣлалъ.

Подъ Мильшоновымъ бюстомъ сооруженъ

памятникъ Спихошворцу Грею. Лирическая Муза держитъ въ рукъ медальонъ его, и указывая другою рукою на Мильтона, говоритъ: у Грековъ Гомеръ и Пиндаръ; здѣсь Милтонъ и Грей!

Преклоните колѣна . . . вошъ Шекспиръ!... стоите какъ живой, въ одеждѣ своего времени, опершись на книгу, въ глубокой задумчивости. . . Вы узнаете предметъ его глубокомыслия, читая слѣдующую надпись, взяшую изъ его Драмы The Tempest:

Колоссы гордые, вѣковъ произведенъе,
И храмы славные, и самой шаръ земной,
Со всѣмъ, что есть на немъ, исчезнетъ какъ творенье
Воздушныя мечны, развалины за собой

Въ пространствахъ не оставивъ!

Четыре времени года изображены на гробницѣ Томсоновой. Опрокъ указываетъ на нихъ и подаетъ вѣнокъ Поэту.

Герцогъ и Герцогиня Квинсберри почтили прекраснымъ монументомъ Гея, творца Оперы *Нищихъ* *. Эпитафія сочинена самимъ Геемъ:

Все въ свѣтѣ есть игра, жизнь самая ничто:
Такъ прежде думалъ я, а нынѣ знаю то.

Музыкантъ Гендель, изображенный слав-

* Самое остроумнѣйшее произведеніе Англійской Литтературы . . . и самое противное чловѣку съ пѣжнымъ нравственнымъ чувствомъ.

нымъ Рубильякомъ , слушаешь Ангела, копорый въ облакахъ, надъ его головою, играетъ на арфѣ. Передъ нимъ лежишь его Орашорія, Мессія , разогнутая на прекрасной аріи : I know that my Redeemer lives: *знаю , что живъ спаситель мой!*

На гробницѣ Томаса Парра написано , что онъ жилъ 152 года , въ царствованіе десяти Королей, отъ Эдуарда IV до Карла II. Извѣстно, что сей удивительный человекъ, будучи еще приццати лѣтъ, не оставлялъ въ покоѣ молодыхъ сосѣдокъ своихъ, и присужденъ былъ всенародно , въ церкви, каяться въ любовныхъ грѣхахъ.

Авторъ Вакефильдскаго Священника, Запустѣвшей деревни и Путешественника, Голдсмишъ расхваленъ до крайности. «Онъ былъ «великой Поэтъ, Историкъ, Философъ; занимался почти всякимъ родомъ сочиненій, и «во всякомъ успѣвалъ; владѣлъ нѣжными чув-«ствами , и по волѣ заставлялъ плакать и «смѣяться. Во всѣхъ его рѣчахъ и дѣлахъ об-«наруживалось рѣдкое добродушіе. Умъ оспрый, «замысловатый и великой вливалъ душу, силу и пріятность въ каждое слово его. Любовъ товарищей, вѣрность друзей и уваженіе чинашелей воздвигли ему сей памятникъ.»

Я остановился съ благоговѣніемъ передъ памятникомъ Невтона. Херувимы держашъ передъ нимъ развернутый свитокъ; онъ указываетъ на него пальцомъ , опершись рукою на книги, съ заглавіемъ: Божество, Опшика,

Хронологія; вверху большой шаръ, на ко-
ромъ сидитъ *Астрономія*; внизу прекрасной
барельефъ, гдѣ изображены всѣ Невтоновы
открытія. Въ Латинской надписи сказано,
что онъ «почти божественнымъ умомъ сво-
«имъ опредѣлилъ движеніе и фигуру свѣтилъ
«небесныхъ, пулъ Кометъ, приливъ и отливъ
«моря; узналъ разнообразіе солнечныхъ лучей
«и свойство цвѣтовъ, былъ мудрымъ изъясни-
«телемъ *Нашуры*, древности и *Св. Писанія*;
«доказалъ своею *Философіею* величіе Бога, а
«жизнію святоствъ *Евангелія*.» Надпись заклю-
чается сими словами: «Какъ смертные дол-
«жны гордиться *Невтономъ*, славою и красою
«человѣчества!»

Нѣкоторые памятники сооружены Парла-
ментомъ и Королемъ, отъ имени благодарной
Англіи, за важныя услуги; на примѣръ, Ка-
питану Корнвалю, Генералу Вольфу, Маіору
Андре, которые пожертвовали жизни отече-
ству. Трогательное и достойное геройства
воздаяніе!

Монументъ Гаскона Найтингеля и жены
его, посвященный любовью сына ихъ, есть са-
мый лучший въ Вестминстерскомъ Аббатствѣ,
какъ художествомъ, такъ и мыслию. прекра-
сная женщина умираетъ въ объятіяхъ супру-
га. Смерть выползаетъ изъ гроба, смотритъ
ужасными глазами на супругу и мѣшитъ въ
нее копьемъ своимъ. Супругъ видитъ грозное
чудовище, и въ страхъ, въ отчаяніи, спре-

мился опразить ударъ. — Это работа славнаго Рубильяка.

Придѣлъ Генриха VII назывался чудомъ міра. Въ самомъ дѣлѣ шло много удивительнаго въ готическомъ вкусѣ; особливо же въ рѣзбѣ на мѣди и на деревѣ. — Въ этомъ придѣлѣ погребають Королевскую фамилію, и вы увидите подлѣ несчастной Маріи Стюартъ Елисавету! Гробъ всѣхъ примиряетъ.

Въ заключеніе переведу вамъ нѣчто изъ мыслей одного Англичанина о Веспминстерскомъ Аббатствѣ.

«Съ живымъ меланхолическимъ удовольствіемъ былъ я во всѣхъ мрачныхъ сокровенно-
«спяхъ сего послѣдняго жилища славы; раз-
«суждалъ о жизни человѣческой, ея бѣдстві-
«яхъ и крапкостяхъ. Милліоны (думалъ я), по-
«добно тебѣ размышляли здѣсь о профетяхъ
«смерти, на которыя теперь смотришь; и
«ты, подобно милліонамъ, будешь прахомъ,
«уступишь мѣсто новымъ людямъ, и слѣдовъ
«твоихъ не останется. Сіе святое хранили-
«ще славы и величія будетъ и впредь напол-
«няться почтенными останками дарованій и
«заслугъ, украшаться новыми великолѣпными
«памятниками и служишь предметомъ уди-
«вленія; а наконецъ, по неизбѣжному закону
«судьбы, со всѣмъ богатствомъ древностей
«погребется во шмѣ время, и будешь па-
«мятникомъ собственнаго своего разрушенія!»

ОКРЕСТНОСТИ ЛОНДОНА.

Видя и слыша, какъ скромно живутъ богатые Лорды въ столицѣ, я не могъ понять, на что они проживаются; но увидѣвъ сельскіе дома ихъ, понимаю, какъ имъ можешь недоспавать и двухъ сотъ тысячъ дохода. Огромные замки, сады, кошорыхъ содержаніе пребуешь множеству рукъ; лошади, собаки, сельскіе праздники: вошь обширное поле ихъ мотовства! Русской въ столицѣ и въ путешествіяхъ разоряешь, Англичанинъ экономить. Живучи въ Лондонѣ только заѣдомъ, Лордъ не считаешь себя обязаннымъ звать гостей; не спыдишься въ старомъ фракѣ иппи пѣшкомъ обѣдать къ Принцу Валлисскому и ѣхать верхомъ на простой наемной лошади; а ешьли вы у него по коропкому знакомству обѣдаете, служащъ два лакея — простой сервисъ — и много, что пять блюдъ на столъ. Здѣсь живутъ въ городѣ какъ въ деревнѣ, а въ деревнѣ какъ въ городѣ; въ городѣ простоша, въ деревнѣ шаромодная пышность — разумѣешь, что я говорю о богатомъ дворянствѣ.

И сколько сокровищъ въ живописи, въ антикахъ, разсыяно по сельскимъ домамъ! Давно уже Англичане имѣють спросъ ѣздишь въ Италію и скупають все превосходное, чѣмъ славился тамъ древнее и новое Искусство; вѣукъ умножаетъ собраніе дѣда, и картина, спашуя, кошорою любовались художники въ

Ишалии, навѣки погребаясь въ его деревенскомъ замкѣ, гдѣ онъ бережешь ее какъ *златое руно* свое: почему, шѣраясь въ лабиринтъ сельскихъ парковъ, любопытный художникъ можешь воображать себя Язономъ.

Я наменую вамъ только самыя лучшіе изъ видѣнныхъ мною домовъ вокругъ Лондона:

Такъ называемый *Бельведеръ* Лорда Турлова, откуда прекрасный видъ на окрестныя поля и Темзу, покрывшую кораблями — замокъ Графа Минсфильда, гдѣ есть великолѣпная зала, которую считаютъ лучшимъ произведеніемъ здѣшней Архитектуры — Герцога Девонширскаго, можешь быть самый огромный въ Англіи, построенный среди темныхъ кедровыхъ аллей — Графа Дорсета, окруженный самымъ дикимъ паркомъ, гдѣ множество звѣрей, птицъ, и гдѣ есть прекрасный гошической эрмишажъ съ искусственными развалинами — Графа Буккингамшира съ милыми кашпановыми лѣсочками, прекраснымъ гротомъ, обсаженнымъ благоуханными кустами — *Sion-House* Герцога Нортумберландскаго съ большими садами, всего болѣе украшенными текущею въ нихъ Темзою — Вальполя въ гошическомъ вкусѣ — Графа Тильнея, откуда съ террасы видны рѣка, каналы, безчисленныя аллеи, пустыни, лѣсочки, которые составляютъ необозримой амфишешъ — Алдермана Томаса, называемый *naked beauty* — господинъ Бинга и Карю (*Carew*), гдѣ обширныя сады,

а въ садахъ сполѣшнія померанцовыя деревья (что безпримѣрно въ Англіи). — Въ каждомъ изъ сихъ домовъ богатая каршинная галлерей со множествомъ другихъ произведеній Искусства ; при каждомъ большія оранжереи, гдѣ собраны плоды и растенія всѣхъ часшей міра; при каждомъ огромныя конюшни, гдѣ лошади живутъ лучше многихъ людей на свѣтѣ. Вы читали забавное Гулливерово путешествіе ; помните, что онъ захалъ въ царство лошадей, у копорыхъ люди были въ рабствѣ, и копорыя, разговаривая по своему съ нашимъ путешественникомъ, никакъ не хотѣли вѣришь, чтобы гдѣ нибудь подобныя имъ благородныя швари могли служить слабодушному человѣку. Эта выдумка Свифтова казалась мнѣ странною, но прѣхавъ въ Англію, я понялъ Сапирика : онъ шушилъ надъ своими земляками, копорыя, поспраси къ лошадямъ, ходящъ за ними по крайней мѣрѣ какъ за нѣжными друзьями своими. Рѣзвые скакуны здѣсь только-что не Члены Парламента, и безъ всякаго излишняго самолюбія могутъ вообразить себя господами людей. — Вообще Архитектура сельскихъ замковъ и домовъ очень хороша. Вкусъ, выгнанный изъ Лондона, живетъ и царствуетъ въ Англійскихъ деревняхъ.

Во всѣ стороны Лондонскія окрестности пріятны; но смотрѣвъ на нихъ хорошо только съ какого нибудь возвышенія. Здѣсь все

обгорожено: поля, луга; и куда не взглянешь, вездѣ заборъ — это непріятно.

Самыя лучшія мѣста по рѣкѣ Темзѣ; самыя лучшіе виды вокругъ Виндзора и Ричмонда, который въ древнія времена былъ столицею Британскихъ Королей, и назывался *Шенъ*: что на старинномъ Саксонскомъ языкѣ значило *блестящій*. Теперь Ричмондъ есть самая прекраснѣйшая деревня въ свѣтѣ, и называется *Англійскимъ Фраскати*. Тамошній дворецъ не достоинъ большаго вниманія; садъ также — но видъ съ горы, на которой Ричмондъ возвышается амфитеатромъ, удивительно прелестенъ. Вы слѣдуете глазами за Темзою верстѣ 30 въ ея блистательномъ теченіи сквозь богатыя долины, луга, рощи, сады, которые всѣ вмѣстѣ кажутся однимъ садомъ. Тутъ прекрасно видѣть восхожденіе солнца, когда оно, какъ будто бы снимая шуманный покровъ съ равнинъ, открываетъ необозримую сцену дѣятельности въ физическомъ и нравственномъ мірѣ. Я нѣсколько разъ ночевалъ въ Ричмондѣ, но только однажды видѣлъ восходящее солнце. Между Ричмонда и Кингс-тона есть большой паркъ, называемый New-Park, котораго хотя и не лзя сравнять съ Виндзорскимъ, но который однакожь считается однимъ изъ лучшихъ въ Англіи. Величественныя деревья, прекрасная зелень; а всего лучше видъ съ тамошняго холма: шесть провинцій представляются глазамъ вашимъ — Лондонъ — Виндзоръ. . . .

Я одинъ разъ былъ въ славномъ, Кьюскомъ саду, Kew-Garden, мѣсто, которое нынѣшній Король старался украсить по всей возможности, но которое само по себѣ не стоило того, хотя въ описаніяхъ и называютъ его Эдемомъ: мало, низко, безъ видовъ. Тамъ Китайское, Арабское, Турецкое перемѣшано съ Греческимъ и Римскимъ. Храмъ Беллоны и Китайскій павильонъ; храмъ Эола и домъ Конфуціевъ; Арабская *Алгамра* и *Погода*!

Изъ Ричмонда ходилъ я въ Твишнамъ (Twickenham), милостивую деревеньку, гдѣ жилъ и умеръ Философъ и Спихотворецъ Попъ. Тамъ множество прекрасныхъ сельскихъ домиковъ; но мнѣ надобенъ былъ домъ Поэта (принадлежащій теперь Лорду Спанопу). Я видѣлъ его кабинетъ, его кресла — мѣсто, обсаженное деревьями, гдѣ онъ въ лѣтніе дни переводилъ Гомера — гробъ, гдѣ стоить мраморный бюстъ его, и откуда видна Темза — наконецъ столѣтнюю иву, которая чуднымъ образомъ раздвоилась, и подъ которою любилъ думать Философъ и мечпашъ Спихотворецъ; я сорвалъ съ нее вѣточку на память.

Въ церкви сдѣланъ Поэту мраморный монументъ, другомъ его, Докторомъ Варбуршомъ. На верху бюстъ, а внизу надпись, самимъ Попомъ сочиненная:

Heros and Kings! your distance keep!
In peace let one poor Poet sleep,

Who never flatterd folks like you.

Let Horace blush, and Virgile too *!

Правда ли? — Въ этой же церкви погребенъ безсмертный Томсонъ, безъ монумента, безъ надписи.

Я любопытствовалъ видѣть, близъ городка Барнета, то мѣсто, гдѣ въ 1471 году, въ Свѣтлое Воскресенье, кровопролитное сраженіе рѣшило судьбу фамиліи Йоркской и Ландкастерской. Сія война составляетъ ужаснѣйшую эпоху въ Англійской Исторіи; славная Magna Charta, права, законы, все было подъ спудомъ. Народъ не зналъ, къ кому обратиться, и въ мерзвой безчувственности служилъ орудіемъ непрестанныхъ злодѣяній. — На семъ мѣстѣ сооруженъ каменный сполпъ.

Въ деревнѣ Бромптонъ показывали мнѣ развалины Кромвелева дому.

Мѣстечко Чарлтонъ достойно примѣчанія по красивому своему положенію, а еще болѣе по роговой ярмонкѣ, Horn - fair, кошорая ежегодно тамъ бываетъ, и на кошорой всѣ жители украшаютъ свой лобъ рогами! Разсказываютъ, что Король Іоаннъ, будучи на звѣриной ловлѣ, упомился и заѣхалъ въ Чарлтонъ отдохнушь; вошелъ въ крестьянскую избу, полюбилъ хозяйку и началъ ласкать ее

* «Прочь, Цари и Герои! дайте покойно спать бѣдному Поэту, кошорый вамъ никогда не ласкалъ, къ стыду Горація «и Виргилія!»

такъ нѣжно, что хозяинъ разсердился, и такъ разсердился, что хотѣлъ убить его; но Король объявилъ себя Королемъ, обезоружилъ крестьянина, и желая наградить его за маленькую досаду, подарилъ ему мѣсечко Чарлтонъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ завелъ тамъ ярмонку, на которой бы всѣ купцы и продавцы являлись съ рогапыми лбами. — Оставляю вамъ сказать на этотъ случай множество острыхъ словъ.

Гамптонъ-Кауртъ, построенный Кардиналомъ Вольсеемъ, верспахъ въ 17 мѣсяцѣ Лондона, на берегу Темзы, удивлялъ нѣкогда своимъ великолѣпіемъ, такъ что Гроцій назвалъ его въ сшихахъ своихъ *дворцомъ міра*, и прибавилъ: «*вездѣ властвуютъ боги; но жить имъ прилично только въ Гамптонъ - Кауртъ!*» — Пишущъ, что въ немъ сдѣлано было 280 раззолоченныхъ кроватей съ шелковыми занавѣсами для гостей, и что всякому гостю подавали ѣсть на серебрѣ, а пили въ золотѣ. Англійской Ришельё и Дюбуа — такъ можно назвать Вольсея — наконецъ самъ испугался такой пышности, зная хищную зависимость Генриха VIII, и рѣшился подарить ему сей замокъ, въ которомъ послѣ жила умная и добродѣтельная Королева Марія, дочь Іакова II. Архитектура дворца отчасти готическая, но величественна. Внутри множество картинъ, изъ которыхъ лучшія Веронезова Сусанна и Бассановъ *потопъ*. Кабинетъ Маріи

украшенъ ея собственною работою. — Гамптонскіе сады напоминаютъ старинный вкусъ.

Въ заключеніе скажу, что нигдѣ, можешь бышь, сельская Природа такъ не украшена, какъ въ Англіи; нигдѣ не радуется столько яснымъ лѣтнимъ днемъ, какъ на здѣшнемъ островѣ. Мрачной флегматической Британецъ съ жадностію глотаетъ солнечные лучи, какъ лекарство отъ его болѣзни, *сплина*. Однимъ словомъ: дайше Англичанамъ Лангедокское небо — они будутъ здоровы, веселы, запоютъ и запляшутъ какъ Французы.

Еще прибавлю, что нигдѣ нѣтъ такой удобности ѣздить за городъ, какъ здѣсь. Идете на почтовой дворъ, гдѣ спойтѣ всегда множество каретъ; смотрите, на копорой написано имя той деревни, въ копорую хотите ѣхать; — садитесь, не говоря ни слова, и карета въ положенный часъ скачетъ, хотя бы и никого, кромѣ васъ, въ ней не было; пріѣхавъ на мѣсто, платите бездѣлку, и увѣрены, что для возвращенія найдете также карету. Вотъ дѣйствіе многолюдства и всеобщаго избытка!

Лондонъ, Сентября. . . 1790.

Было время, когда я, почти не видавъ Англичанъ, восхищался ими, и воображалъ Англію самою пріятнѣйшею для сердца моего землею. Съ какимъ восторгомъ, будучи пансіонеромъ Профессора Ш*, читалъ я во время Американской войны донесенія торжествующихъ Бришанскихъ Адмираловъ! Родней, Гоу, не сходили у меня съ языка; я праздновалъ побѣды ихъ и звалъ къ себѣ въ гости маленькихъ соучениковъ моихъ. Мнѣ казалось, что бышь храбрымъ естъ . . . бышь Англичаниномъ — великодушнымъ, поже — чувствительнымъ, поже; истиннымъ человекомъ, поже. Романы, естъли не ошибаюсь, были главнымъ основаніемъ шакого мнѣнія. Теперь вижу Англичанъ вблизи, опдаю имъ справедливоспъ, хвалю ихъ — но похвала моя шакъ холодна, какъ они сами.

Вопервыхъ, я не хошѣлъ бы провести жизнь мою въ Англіи для климаша, сыраго, мрачнаго, печальнаго. Знаю, что и въ Сибири можно бышь щасшливымъ, когда сердце довольно и радоспно; но веселой климашъ дѣлаешъ насъ веселѣе, а въ грусти и въ меланхоліи здѣсь скорѣе нежели гдѣ нибудь захочешся заспрѣлишся. Роши, парки, луга, сады: все эшо прекрасно въ Англіи; но все эшо покрышо шуманами, мракомъ и дымомъ земляныхъ угольевъ. Рѣдко, рѣдко проглянешъ солнце, и шо не на-долго; а безъ него худо жишъ

на свѣшѣ. *Кланяйся отъ меня солнцу*, писалъ нѣкто опсюда къ своему пріятелю въ Неаполь: я уже давно не видался съ нимъ. Англійская зима не такъ холодна, какъ наша; за то у насъ зимою бывающъ красные дни, кошорые здѣсь и лѣпомъ рѣдки. Какъ же Англичанину не смотрѣшь Септябремъ?

Вовшорыхъ — холодный характеръ ихъ мнѣ совсѣмъ не нравишся. Это Волканъ, покрытый льдомъ, сказалъ мнѣ разсмѣявшись одинъ Французской Эмиграншъ. Но я спою, гляжу, пламени не вижу, а между шѣмъ зябну. Русское мое сердце любишъ изливашься въ искреннихъ, живыхъ разговорахъ; любишъ игру глазъ, скорыя перемѣны лица, выразишельное движеніе руки. Англичанинъ молчаливъ, равнодушенъ, говоришъ какъ чишаешъ, не обнаруживая никогда быстрыхъ душевныхъ стремленій, кошорыя потрясающъ элекпрически всю нашу физическую систему. Говоряшъ, что онъ глубокомысленнѣе другихъ: не для того ли, что кажешся глубокомысленнымъ? не по тому ли, что густая кровь движешся въ немъ медленнѣе, и даешъ ему видъ задумчиваго, часто безъ всякихъ мыслей? Примѣръ Баконъ, Невшона, Локка, Гоббеса, ничего не доказываешъ. Геніи родяшся во всѣхъ земляхъ; вселенная опечесшво ихъ — и можно ли по справедливости сказашъ, чтобы (на примѣръ) Локкъ былъ глубокомысленнѣе Декарта и Лейбница?

Но что Англичане просвѣщены и разсуди-

шельны, соглашаюсь : здѣсь ремесленники читають Юмову Исторію, служанка Йориковы проповѣди и Кларису ; здѣсь лавошникъ разсуждаетъ основательно о торговыхъ выгодахъ своего опечесыва , и земледѣлецъ говоритъ вамъ о Шеридановомъ краснорѣчіи ; здѣсь газетны и журналы у всѣхъ въ рукахъ, не только въ городѣ, но и въ маленькихъ деревенькахъ.

Фильдингъ утверждаетъ, что ни на какомъ языкѣ не лзя выразишь смысла Англійскаго слова *humour*, означающаго и *веселость*, и *шутливость*, и *замысловатость* : изъ чего заключаетъ, что его нація преимущественно имѣетъ сіи свойства. Замысловатость Англичанъ видна развѣ только въ ихъ каррикатурахъ, шутливости въ народныхъ глупыхъ театральныхъ *фарсахъ*, а веселости ни въ чемъ не вижу — даже на самыя смѣшныя каррикатуры смотрятъ они съ преважнымъ видомъ! а когда смѣются, то смѣхъ ихъ походитъ на истерической. Нѣтъ, нѣтъ, гордые цари морей, столь же мрачныя, какъ туманы, которые носятся надъ спихіею славы вашей! оставьте недругамъ вашимъ, Французамъ, всякую игривость ума. Будьте разсудительны, еслии вамъ угодно; но позвольте мнѣ думать, что вы не имѣете тонкости, пріятности разума и того живаго сліянія мыслей, которое производитъ общественную любезность. Вы разсудительны — и скучны! . . . Сохрани меня Богъ, чтобы

я тоже сказалъ объ Англичанкахъ! Онѣ милы своею красотою и чувствительностію, копорая столь выразительно изображается въ ихъ глазахъ: довольно для ихъ совершенства и щасія супруговъ! о чемъ я уже писалъ къ вамъ; а теперь судимъ только мужчинъ.

Англичане любятъ благошворить, любятъ удивлять своимъ великодушіемъ, и всегда могутъ несчастному, какъ скоро увѣреы, что онъ не прихворається несчастнымъ. Въ противномъ случаѣ скорѣе дадутъ ему умереть съ голода, нежели помогутъ, боясь обмана, оскорбительнаго для ихъ самолюбія. Ж*, нашъ землякъ, который живетъ здѣсь лѣтъ восемь, зимою ѣздилъ изъ Лондона во Фландрію, и на возвращномъ пути долженъ былъ остановиться въ Кале. Сильный, холодный вѣтеръ окружилъ гавань множествомъ льду, и пакет-бопы никакъ не могли выплыти изъ нее. Ж* издержалъ всѣ свои деньги, грустилъ и не зналъ, что дѣлать. Трактиры были наполнены путешественниками, копорые, въ ожиданіи благопріятнаго времени для переѣзда черезъ Каналь, веселились безъ памяти, пили, пѣли и танцовали. Землякъ нашъ съ пустымъ кошелькомъ и съ печальнымъ сердцемъ не могъ участвовать въ ихъ весельи. Въ одной комнатѣ съ нимъ жили богатый Англичанинъ и молодой Парижской купецъ. Онъ открылъ имъ причину своей грусти. Что сдѣлалъ богатый Англичанинъ? дивился его безразсудности, и повпоривъ нѣ-

сколько разъ: какъ можно на всякой случай не брать съ собою лишнихъ денегъ? вышелъ вонъ. Что сдѣлалъ молодой Французъ? высыпалъ на столъ свои лундоры и сказалъ: *возьмите, сколько вамъ надобно; будьте только веселые.* — «Государь мой! вы меня не знаете.» — Все одно; я радъ услужить вамъ; въ Лондонъ мы увидимся. — Ж* взялъ съ благодарностію лундоровъ 10 или 15, и хотѣлъ дать ему свой Лондонской адресъ. Французъ не принялъ сго, говоря: *ваше дѣло сыскать меня на биржѣ. Я пять лѣтъ купецъ, а 24 года человекъ.* — — Англичанинъ поступилъ такъ грубо не отъ скупости, но отъ страха бытъ обманутымъ.

Замѣчено, что они въ чужихъ земляхъ гораздо щедрѣе на благотѣянія, нежели въ своей, думая, что въ Англіи, гдѣ всякаго роду трудолюбіе по достоинству награждается, хорошій человекъ не можетъ бытъ въ нищетѣ: изъ чего вышло у нихъ правило: *кто у насъ бѣденъ, тотъ недостойнъ лучшей доли* — правило ужасное! Здѣсь бѣдность дѣлается порокомъ! Она терпима, и должна шайтись! Ахъ! если бы еще болѣе угнетли того, кто угнетенъ нищею, пошлили его въ Англію: здѣсь, среди предметовъ богатства, цвѣтущаго изобилія и кучами разсыпанныхъ гиней, узнаешь онъ муку Таншала! . . . И какое ложное правило! Развѣ спеченіе бѣды не можетъ и самаго трудолюбиваго довести до сумы? На примѣръ, болѣзнь. . . .

Англичане честны; у нихъ есть нравы, семейная жизнь, союзъ родства и дружбы. . . Позавидуемъ имъ! Ихъ слово, пріязнь, знакомство надежны: дѣйствіе, можешь быть, ихъ общаго духа торговли, которая пріучаетъ людей уважать и хранить довѣренность со всѣми ея опшѣнками. Но строгая честность не мѣшаетъ имъ быть тонкими эгоистами. Таковы они въ своей торговлѣ, полишкѣ и частныхъ отношеніяхъ между собою. Все придумано, все разочтено, и послѣднее слѣдствіе есть . . . личная выгода. Замѣтьте, что холодные люди вообще бываютъ великіе эгоисты. Въ нихъ дѣйствуетъ болѣе умъ, нежели сердце; умъ же всегда обращается къ собственной пользѣ, какъ магнитъ къ съверу. Дѣлаешь добро, не зная для чего, есть дѣло нашего бѣднаго, безразсуднаго сердца. На примѣръ, Г. Пар*, мой здѣшній знакомецъ, всякое утро въ 11 часовъ являлся ко мнѣ и спрашиваетъ: «куда ходите ишши? что видите? съ кѣмъ познакомишься? я къ вашимъ услугамъ.» Опець его, будучи Консуломъ въ Архипелагѣ, женился на Гречанкѣ, которая воспитала сына своего въ нашемъ Исповѣданіи. Г. Пар* считаетъ за должность быть покровителемъ Русскихъ и по возможности дѣлать имъ услуги. Имѣя привычку бродить всякое утро пѣшкомъ, онъ находитъ во мнѣ товарища, который иногда смѣшитъ его своими просердечными вопросами и замѣчаніями, и который, разсѣваясь съ нимъ,

всякой разъ искренно говоришь ему *спасибо!* Англичане всегда гошовой одолжаютъ васъ такимъ образомъ.

Они горды — и всего болѣе гордятся своею Конспишуціею. Я читалъ здѣсь Делольма съ великимъ вниманіемъ. Законы хороши; но ихъ надобно еще хорошо исполнять, чѣобы люди были щастливы. На примѣръ, Англійской Министръ, наблюдая только нѣкошорыя формы, или законныя обыкновенія, можетъ дѣлать все, что ему угодно: сыплетъ деньгами, обѣщаетъ мѣста, и Члены Парламента гошовой служатъ ему. Малочисленные его противники спорятъ, кричатъ, и болѣе ничего. Но важно то, что Министръ всегда долженъ быть опмѣнно умнымъ человекомъ, для сильнаго, яснаго и скорого отвѣта на всѣ возраженія противниковъ; еще важнѣе то, что ему опасно во зло употреблять власть свою. Англичане просвѣщены, знаютъ наизустъ свои истинныя выгоды, и если бы какой нибудь Пишъ вздумалъ явно дѣйствовать противъ общей пользы, то онъ непременно бы лишился большинства голосовъ въ Парламентъ, какъ волшебникъ своего талисмана. И такъ не Конспишущія, а просвѣщеніе Англичанъ есть истинный ихъ Палладіумъ. Всякія гражданскія учрежденія должны быть соображены съ характеромъ народа; что хорошо въ Англіи, то будетъ дурно въ иной землѣ. Не даромъ сказалъ Солонъ: мое учрежденіе есть самое лучшее, но только для

Аѳинъ. Впрочемъ всякое правленіе, котораго душа есть справедливость, благотворно и совершенно.

Вы слышали о грубости здѣшняго народа въ разсужденіи иностранцевъ: съ нѣкопорого времени она посмягчилась, и учпивое имя frenchdog (Французская собака), которымъ Лондонская чернь жаловала всѣхъ не-Англичанъ, уже вышло изъ моды. Мнѣ случилось бѣхашъ въ карешъ съ однимъ поселяниномъ, который, узнавъ, что я иностранецъ, съ важнымъ видомъ сказалъ: «хорошо бышь Англичаниномъ, «но еще лучше бышь добрымъ человѣкомъ. «Французъ, Нѣмецъ — мнѣ все одно; кшо чешень, шопъ брашъ мой.» Мнѣ крайне полюбилось такое разсужденіе; я шопчасъ записалъ его въ дорожной своей книжкѣ. Однакожь не всѣ здѣшніе поселяне такъ разсуждаютъ; эшо былъ конечно вольнодумецъ между ими! Вообще Англійской народъ считаешъ насъ чужеземцевъ какими-то несовершенными, жалкими людьми. *Не тронь его*, говоряшъ здѣсь на улицѣ: *это иностранецъ* — что значишъ: «эшо бѣдный человѣкъ или младенецъ.»

Кшо думаешъ, что щасшье состоишъ въ богатствѣ и въ избынкѣ вещей, шому надобно показашъ многихъ здѣшнихъ Крезовъ, осыпанныхъ средствами наслаждашся, теряющихъ вкусъ ко всѣмъ наслажденіямъ и за-долго до смерти умирающихъ душею. Вошъ Англійской *сплинъ*! Эшу нравственную болѣзнь можно назвашъ и Русскимъ именемъ: *скукою*,

извѣсною во всѣхъ земляхъ, но здѣсь болѣе, нежели гдѣ нибудь, отъ климата, тяжелой пищи, излишняго покоя, близкаго къ усыпленію. Человѣкъ спранный существо! въ заботахъ и безпокойствѣ жалуется; все имѣешь, безпечень и — зѣваешь. Богатый Англичанинъ отъ скуки путешествуешь, отъ скуки дѣлаешься охотникомъ, отъ скуки могаешь, отъ скуки женишься, отъ скуки спрѣляешься. Они бывають несчастливы отъ счастья! Я говорю о здѣшнихъ *праздныхъ* богачахъ, копорыхъ дѣды нажились въ Индіи; а *дѣятельные*, управляя всемірною торговлею и вымышляя новые способы играть мнимыми нуждами людей, не знаютъ *сплина*.

Не отъ *сплина* ли происходятъ и многочисленные Англіійскія спрамности, копорыя въ другомъ мѣстѣ назвались бы безуміемъ, а здѣсь называюпся только *своенравіемъ* или *whim*? Человѣкъ, не находя уже вкуса въ истинныхъ пріятностяхъ жизни, выдумываетъ ложныя, и когда не можетъ прельстить людей своимъ счастіемъ, хочетъ по крайней мѣрѣ удивить ихъ чѣмъ нибудь необыкновеннымъ. Я могъ бы выписать изъ Англіійскихъ газетъ и журналовъ множество спранныхъ анекдотовъ; на примѣръ, какъ одинъ богатый человѣкъ построилъ себѣ домикъ на высокой горѣ въ Шотландіи, и живетъ тамъ съ своею собакою; какъ другой, ненавидя, по его словамъ, землю, поселился на водѣ; какъ претій, по аншинашій къ свѣту, выходитъ изъ

дому только ночью, а днем спишь или сидишь въ темной комнатѣ при свѣчѣ; какъ четвершой, опказывая себѣ все, кромѣ самаго необходимаго, въ началѣ каждой весны даешь деревенскимъ сосѣдямъ своимъ великолѣпной праздникъ, который стоишь ему почти всего годоваго доходу. Британцы хваляшся шѣмъ, что могушь досыта дурачиться, не давая никому ошчепа въ своихъ фантазіяхъ. Уступимъ имъ это преимущество, друзья мои, и скажемъ себѣ въ утѣшеніе: «если въ Англіи позволено дурачиться, у насъ не запрещено умничать; а послѣднее не рѣдко бываетъ смѣшнѣе перваго.»

Но эта неограниченная свобода жить какъ хочешь, дѣлать что хочешь во всѣхъ случаяхъ, не прошивныхъ благу другихъ людей, производишь въ Англіи множество особенныхъ характеровъ и богатую жатву для Романистовъ. Другія Европейскія земли похожи на регулярные сады, въ которыхъ видишь ровныя деревья, прямыя дорожки, и все единообразное; Англичане же, въ нравственномъ смыслѣ, распушь какъ дикіе дубы по волѣ судьбы, и хошя всѣ одного рода, но всѣ различны; и Фильдингу оспавалось не выдумывать характеры для своихъ романовъ, а только примѣчать и описывать.

Наконецъ — если бы однимъ словомъ надлежало означить народное свойство Англичанъ — я назвалъ бы ихъ угрюмыми, шакъ

какъ Французовъ * легкомысленными, Италіянцевъ коварными. Видѣть Англію очень пріятно; обычаи народа, успѣхи просвѣщенія и всѣхъ искусствъ достойны примѣчанія и занимающъ умъ вашъ. Но жизнь здѣсь для удовольствій общежитія, есть искавъ цвѣтовъ на песчаной долині — въ чемъ согласны со мною всѣ иностранцы, съ которыми удалось мнѣ познакомиться въ Лондонѣ и говорить о томъ. Я и въ другой разъ пріѣхалъ бы съ удовольствіемъ въ Англію, но выѣду изъ нее безъ сожалѣнія.

=

Море.

Я не сдержалъ слова, любезнѣйшіе друзья мои! оставляю Англію — и жалю! Таково мое сердце: ему трудно расставаться со всѣмъ, что его хотя нѣсколько занимало.

И такъ другъ вашъ уже на морѣ! возвращается въ милое опечесство, къ своимъ любезнымъ! скорѣе, нежели думалъ! Опъ чего же? Скажу вамъ правду. Кошелекъ мой ежедневно истощался; становился легче, легче; звучалъ слабѣе, слабѣе; наконецъ рука моя

* Не помню, кто въ шутку сказалъ мнѣ: *Англичане слишкомъ влажны, Италіяне слишкомъ сухи, а Французъ только соченъ.*

ощупала въ немъ только двѣ гинеи. . . .
Мнѣ оставалось бѣжать на биржу, скорѣе,
скорѣе; уговориться съ молодымъ Капитаномъ
Вилліамсомъ, взлѣсть по веревкамъ на корабль
его, и снявъ шляпу, учтиво опкланяясь съ
палубы Лондону. — Меня провожалъ Руской
парикмахеръ Федоръ, который здѣсь живетъ
семь или восемь лѣтъ, женился на ми-
ловидной Англичанкѣ, написалъ надъ сво-
ею лавкою, Fedor Ooshakof, саливъ голову Лон-
донскимъ щеголямъ, и доволенъ какъ царь.
Онъ былъ въ Россіи Экономическимъ кресъ-
яниномъ, и служилъ всѣмъ Рускимъ съ ве-
ликимъ усердіемъ.

Капитанъ ввелъ меня въ каюту, очень
изрядно-прибранную; указалъ мнѣ постелю,
сдѣланную какъ гробъ, и въ утѣшеніе объ-
явилъ, что одна прекрасная дѣвица, которая
плыла съ нимъ изъ Новаго Йорка, умерла на
ней горячкою. Жеребей брошенъ, думалъ я:
посмотримъ, будетъ ли эта постеля и моимъ
гробомъ! — Спешный дождь не дозволилъ
мнѣ дышать чистымъ воздухомъ на палубѣ;
я легъ спать, съ одною гинеєю въ карманѣ
(потому что другую отдалъ парикмахеру), и
поручилъ судьбу свою волнамъ и вѣтрамъ!

Сильный шумъ и спукъ разбудилъ меня: мы
снимались съ якоря. Я вышелъ на палубу. . .
солнце только-что показалось на горизонтѣ.
Черезъ минуку корабль пронулся, зашумѣлъ,
и на всѣхъ парусахъ пустился сквозь ряды
другихъ стоящихъ на Темзѣ кораблей. На-

родъ, мапрозы желали Капитану щаспливаго пуши, и маханіемъ шляпъ какъ будто бы давали намъ благополучной въперъ. Я сморгнулъ на прекрасные берега Темзы, кошорые, казалось, плыли мимо насъ съ лугами, парками и домами своими — скоро вышли мы въ открытое море, гдѣ корабль нашъ зашумѣлъ величественнѣе. Солнце скрылось. Я радовался и веселился необозримостію пѣнисныхъ волнъ, свисомъ бури и дерзостію человѣческою. Берега Англіи темнѣли. . . .

Но у меня самого въ глазахъ темнѣетъ; голова кружится. . . .

=

Здравствуйте, друзья мои! я ожилъ! . . .
Какъ мучительна, ужасна морская болѣзнь!
Кажется, что душа хочетъ выпрыгнуть изъ груди; слезы льются градомъ, шоска несносная. . . а Капитанъ заставлялъ меня ѣсть, увѣряя, что это лучшее лекарство! Не зная, что дѣлать, я сто разъ ложился на постелью, сто разъ садился на палубъ, гдѣ морская пѣна окропляла меня. Не подумайте, что это риторическая фигура; нѣтъ, волны были въ самомъ дѣлѣ такъ велики, что иногда переливались черезъ корабль. Одна изъ нихъ чуть было не сшибла меня въ то глубокое опверстіе корабля, гдѣ лежатъ острые якоря.

Болѣзнь моя продолжалась три дни. Вдругъ засыпаю крѣпкимъ сномъ — открываю глаза, не чувствую никакой тоски — едва вѣрю себѣ — всстаю, одѣваюсь. Входишь Капитанъ съ печальнымъ видомъ и говоришь: «вѣшеръ ушихъ; нѣтъ ни малѣйшаго вѣянiя? корабль ни съ мѣста: страшная тишина!» — — Я выбѣжалъ на палубу: прекрасное зрѣлище! море стояло какъ неподвижное стекло, великолѣпно освѣщаемое солнцемъ; парусы висѣли безъ дѣйствiя; корабль не шевелился; матросы сидѣли, повѣся голову. Всѣ были печальны, кромѣ меня; я веселился какъ ребенокъ, и здоровьемъ своимъ и картиною морской, почти невѣроятной тишины. Вообразите безконечное гладкое пространство воды и безконечное, во всѣ стороны, отраженiе лучей яркаго свѣта! . . . Вотъ зеркало, достойное бога Феба! — Казалось, что въ мiръ не было ничего, кромѣ воды, неба, солнца и корабля нашего. Черезъ часъ нашли легкiя облака; повѣялъ вѣтерокъ, море зашумело, и парусы вспорхнули.

Намъ вспрѣпились Норвежскiе рыбаки. Капитанъ махнулъ имъ рукою — и черезъ двѣ минушы вся палуба покрылась у насъ рыбою. Не можете представить, какъ я обрадовался, не тѣмъ три дни, и крайне не любя соленого мяса и гороховыхъ пудинговъ, копорыми Англiйскiе мореходцы подчиваютъ своихъ пассажировъ! Норвежцы, большiе пьяницы, хопѣли сверхъ денегъ рому; пили его

какъ воду, и въ знакъ ласки хлопали насъ по плечамъ. — Въ сію минушу приносятъ намъ два блюда рыбы. Вы знаете, что такое хорошій обѣдъ для голоднаго! . . .

Опять страшный вѣтеръ, но попушной. Я здоровъ совершенно, бодръ и веселъ. Мысль, что всякую минушу приближаюсь къ опечесству, живишь и радуешь мое сердце. Слушаю шумъ моря; смотрю, какъ быстрый корабль нашъ черною своею грудью разска- етъ волны; читаю Оссіана и перевожу его Карпона *. Нынѣшняя ночь была самая бур- ная. Капитанъ не спалъ, боясь опасныхъ скалъ Норвегіи. Я вмѣстѣ съ нимъ сидѣлъ у руля, дрожалъ отъ холоднаго вѣтра, но лю- бовался съдыми облаками, сквозь копорыя проглядывала луна, прекрасно разливая свѣтъ свой на милліоны волнъ. Какой праздникъ для моего воображенія, наполненнаго Оссіаномъ! Мнѣ хопѣлось увидѣть Норвежскіе дикіе берега на лѣвой сторонѣ; но взоръ мой перялся во мракъ. Вдругъ слышимъ вдали пушечный вы- стрѣлъ, другой, третій. Что это? спрашиваю у Капитана. «Можетъ быть какой нибудь «несчастный корабль погибаетъ,» отвѣчалъ онъ: «зѣшнее море ужасно для плаващелей.» Бѣдные! кто поможетъ имъ во мракъ? Можетъ быть страшный вѣтеръ сорвалъ ихъ мачты; можетъ быть нашили они на мель; можетъ быть вода

* Самый эшотъ переводъ былъ напечатанъ послѣ въ Москов- скомъ Журналѣ.

заливаетъ уже корабль ихъ! . . . Мы слышали еще два выстрѣла , и кромѣ шума волнъ уже ничего не слышали. . Капитанъ нашъ самъ боялся сбиться съ вѣрнаго пути , и безпрестанно при свѣтѣ фонаря смотрѣлъ на компасъ. — Всѣ наши матрозы спали , кромѣ одного караульнаго. Когда хотя мало переѣмнился вѣтеръ , караульной закричавъ ; въ минушу всѣ выбѣгущъ , бросаясь къ мачтамъ , и другіе парусы вѣющъ. Корабль нашъ очень великъ ; но матрозовъ только 9 человекъ. — Я легъ спать въ три часа , и сильное качаніе корабля въ первый разъ показалось мнѣ роскошью. Такъ качающъ дѣшею въ колыбели !

=

Море.

Марія В* родилась въ Лондонѣ. Отецъ ея былъ одинъ изъ самыхъ ревностныхъ прошивниковъ Министерства — возненавидѣлъ Англію , и продавъ свое имѣніе , переселился въ Новый Йоркъ. Марія , жертва его полищическаго упрямства , оставила въ Лондонѣ свое сердце и щастіе : у нее былъ тайной любовникъ и женихъ , молодой , добродѣтельный человекъ. Пять лѣтъ жила она въ Америкѣ — лишилась отца , искренно оплакивала

смерть его, и спѣшила возвратиться въ отечество, будучи увѣрена въ постоянствѣ своего друга. Опасности моря не устрашали ее; она сѣла на корабль, одна съ своею любовію и съ милою надеждою — но въ самый первый день плаванія занемогла жестокою болѣзнію. Капитанъ совѣщивалъ ей возвратиться. «Нѣтъ,» говорила Марія: «я хочу умереть или быть въ Англіи; каждой день для меня дорогъ.» Болѣзнь усилилась и повредила ея разумъ. Ей казалось, что она сидитъ уже подлѣ жениха своего и рассказываетъ ему о горестяхъ прошедшей разлуки. «Теперь я щаслива,» говорила Марія въ безпамятствѣ: «теперь могу спокойно умереть въ твоихъ объятіяхъ.» Но другъ ея былъ далеко, и Марія скончалась на рукахъ служанки своей. Вообразите, что несчастную бросили въ море! вообразите, что я сплю на ея постелѣ! . . . «Такъ и меня бросите въ море» (говорю Капитану), если умру на кораблѣ «вашемъ?» — *Что дѣлать!* отвѣчаетъ онъ, пожимая плечами. Это ужасно! Земля, земля! пригосовь въ тихихъ нѣдрахъ своихъ укромное мѣстечко для моего праха! Довольно, что мы и живые по волнамъ носимся; а то быть еще и по смерти игралищемъ бурной стихіи! . . .

Нынѣшній день море въ самомъ дѣлѣ едва не поглотило насъ. Корабельный мастеръ выпилъ спакана чепыре водки; не примѣшивъ флага, пославленнаго на мели для предостере-

женія мореплавателей — и Капитанъ увидѣлъ бѣду въ самую ту мину, когда мы были уже въ нѣсколькихъ саженьяхъ опѣ подводныхъ камней; поблѣднѣлъ, закричалъ — матросы бросились на мачшы — парусы упали, и корабль пошелъ въ другую сторону. Чудное проворство! Съ Англичанами весело и умереть на морѣ! Это подлинно ихъ спихія. — Масперу досшалось опѣ Капитана. Онъ хотѣлъ его бить; хотѣлъ перекинуть его черезъ бортъ. Пьяница залился горькими слезами и сказалъ: «Капитанъ! я виноватъ; ушопи меня, но не бей. Англичанину смерть легче «безчестья.»

Между тѣмъ, друзья мои, я въ восемь дней удивительнымъ образомъ привыкъ къ Непшуну царству, и радъ плыть, куда угодно. — Буря не ушихаетъ; корабль безпрестанно идетъ бокомъ, и на палубѣ не лзя спущить шагу безъ того, чшобы не держаться за веревки. Въ каютѣ всѣ вещи (посуда, сундуки) прибиты гвоздями; но часшо, опѣ сильныхъ порывовъ, гвозди вылетаютъ, и дѣлается страшный шумъ. — Я уже различаю флаги всѣхъ націй; и какъ скоро вспрѣшися намъ корабль, кричу въ трубу? From whence you come? Это забавляетъ меня.

Вчера ночевали мы передъ самымъ Копенгагеномъ. Какъ мнѣ хотѣлось въ городъ! Жестокой Капитанъ не далъ лодки.

КРОИШТАТЪ.

Берегъ ! опечесство ! благословляю васъ ! Я въ Россіи, и черезъ нѣсколько дней буду съ вами, друзья мои! . . . Всѣхъ останавливаю, спрашиваю, единственно для того, чшобы говоришь по-Русски и слышаешь Русскихъ людей. Вы знаете, чшо трудно найши городъ хуже Кронштапта; но мнѣ онъ милъ! Здѣшній трактиръ можно назваешь гостинницею нищихъ; но мнѣ въ немъ весело!

Съ какимъ удовольствіемъ перебираю свои сокровища: записки, счефы, книги, камешки, сухія травы и вѣпки, напоминающія мнѣ или сокрытіе Роны, la perte du Rhône, или могилу отца Лоренза, или густую иву, подъ кошорою Англичанинъ Попъ сочинялъ лучшіе стихи свои! Согласишесь, чшо всѣ на свѣшѣ Крезы бѣдны передо мною!

Перечитываю теперь нѣкоторыя изъ своихъ писемъ: вошь зеркало души моей въ печеніе осьмнадцати мѣсяцовъ! Оно черезъ 20 лѣтъ, (есъли сполько проживу на свѣшѣ) будетъ для меня еще пріятно — пустьъ для меня одного! Загляну, и увижу, каковъ я былъ, какъ думалъ и мечталъ; а чшо человѣку (между нами будь сказано) занимапельнѣе самого себя? . . . По чему знаешь? можешь бышь и другіе найдутъ нѣчто пріятное въ моихъ эскизахъ; можешь бышь и другіе. . . но эшо ихъ, а не мое дѣло.

А вы, любезные, скорѣе, скорѣе пригошовъ-

те мнѣ опрятную хижинку, въ кошорой я
могъ бы на свободѣ веселишься *Китайскими*
тѣнями моего воображенія, грустишь съ мо-
имъ сердцемъ и ушѣшаешься съ друзьями!

КОНЕЦЪ ПЯТАГО ТОМА.

О Г Л А В Л Е Н І Е

П Я Т А Г О Т О М А.

Письма Русскаго Путешественника.

		Стран.
Письмо	изъ Парижа Маія	1
" "	— — — — —	9
" "	— — — — —	11
" "	— — — — —	16
" "	— — — — —	18
" "	— — — — — Іюня	33
" "	— — — — —	40
" "	— — — — —	43
" "	— — — — —	57
" "	— Деревни Ошель, Іюля	59
" "	— Сен - Дени	60
" "	— Парижа, Іюня	63
" "	— — — — —	69
" "	— — — — —	71
" "	— Эрменовиля	76
" "	— Шанпильи	86
" "	— Парижа, Іюля 1790.	88
" "	— — — — —	95
" "	— — — — —	97
" "	— Го-Бюиссона, въ 4 часа по полудни.	103
" "	— Кале, въ часъ по полуночи	105
" "	— — — въ 10 часовъ утра	109
" "	съ Пакетъ - Бѣша	—
" "	изъ Дувра	112
" "	— Лондона	116
" "	— — — Іюля 1790.	121

Письмо изъ Лондона, Іюня 1790	128
„ „ — — — — —	132
„ „ — — — — —	140
„ „ — — — — —	150
Биржа и Королевское Общество	152
„ „ — Лондона, Іюля 1790.	155
Виндзоръ	167
Виндзорскій паркъ	173
„ „ — Лондона, Іюля 1790	176
Выборъ въ парламентъ	182
Театръ.	188
„ „ изъ Лондона, Іюля 1790	191
„ „ — Рачела	193
„ „ — Лондона, Іюля 1790	195
Семейственная жизнь	196
Литтература	204
„ „ изъ Лондона, Августа 1790.	209
Вестминстеръ.	212
Вестминстерское Аббатство	218
„ „ изъ Лондона, Сентября 1790	233
Море	243 и 248
Кронштадтъ	251

—•—•—

ПАМУТАЛИ.

Karamzin, Nikolaj Michajlovič,

Sočinenija Karamzina

Bd.: 5

Sanktpeterburg' (1834)

P.o.russ. 55 p-5/6

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10610041-9